

Российская Федерация
Ямало-Ненецкий автономный округ
Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»

ISSN 2587-6996 (печатное издание)

№ 1 (110)

январь-март

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Ямало-Ненецкого автономного округа

Scientific Bulletin
of the Yamal-Nenets
Autonomous District

Salekhard 2021

Научный журнал
Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
Издается с 1999 года по инициативе Правительства Ямало-Ненецкого
автономного округа
В год — 4 номера

Главный редактор:

Фролов Д. А., Научный центр изучения Арктики, канд. техн. наук (Салехард, Россия).

Редакционная коллегия:

- Абакумов Е. В. — профессор Санкт-Петербургского государственного университета, д-р биол. наук (Санкт-Петербург, Россия);
- Агбальян Е. В. — д-р биол. наук (Тюмень, Россия);
- Богданов В. Д. — Институт экологии растений и животных УрО РАН, член-корреспондент РАН, д-р биол. наук (Екатеринбург, Россия);
- Головнев А. В. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
- Григорьева Е. И. — профессор Российского государственного социального университета, д-р культурологии (Москва, Россия);
- Егоров А. А. — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, канд. биол. наук (Санкт-Петербург, Россия);
- Зырянов Б. Н. — профессор, д-р мед. наук (Омск, Россия);
- Кошкарева Н. Б. — Институт филологии СО РАН, д-р филол. наук (Новосибирск, Россия);
- Кириллов В. В. — Институт водных и экологических проблем СО РАН, канд. биол. наук (Барнаул, Россия);
- Колесников Р. А. — Научный центр изучения Арктики, канд. геогр. наук (Салехард, Россия);
- Моргун Е. Н. — Научный центр изучения Арктики, канд. биол. наук (Салехард, Россия);
- Несмелая А. С. — Научный центр изучения Арктики, канд. пед. наук (Салехард, Россия);
- Петрашова Д. А. — Кольский научный центр РАН, канд. биол. наук (Апатиты, Россия);
- Пилясов А. Н. — профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, д-р геогр. наук (Москва, Россия);
- Чубаров И. М. — Тюменский государственный университет, д-р филос. наук (Тюмень, Россия).

Редакция:

- Пономарев В. В. — зам. главного редактора, Научный центр изучения Арктики;
- Сухова Е. А. — корректор, Научный центр изучения Арктики;
- Серебрякова Р. В., переводчик, Научный центр изучения Арктики, канд. филол. наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Рябкова О. В.

Особенности формирования социально-бытовой среды города Надыма в 1970–1980-х гг. (на основе устных воспоминаний жителей города)..... 6

Анисимова О. С.

Итоги развития школьной системы образования в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в сталинскую эпоху (1930–1953 гг.)..... 19

Тупахина О. С., Тупахин Д. С.

Формирование традиционных экономических моделей природопользования в древности (по материалам археологических памятников ЯНАО)..... 36

Гусев А. В., Плеханов А. В.

Древнее самодийско-угорское оленеводство на севере Западной Сибири: от первых артефактов к тундровым миграциям (по данным археологии) 45

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Силин А. Н.

Арктический город и вахтовик: новые вызовы..... 68

Филант К. Г.

Продовольственная безопасность в Арктическом регионе и перспективы правового регулирования сельского хозяйства (рыболовства, оленеводства) 83

Серебрякова Р. В., Деттер Г. Ф.

Роль культурного и языкового многообразия в образовательном процессе коренных малочисленных народов Арктики..... 101

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гурьянова Г. Г.

Особенности «третьих мест» столицы округа.

К вопросу геобрендинга Салехарда 122

Галеева Н. Ф.

Роль национально-культурных объединений Салехарда

в сохранении этнокультурных традиций 136

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 6–18.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 6–18.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 94(47).084.9

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.001

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ СРЕДЫ ГОРОДА НАДЫМА В 1970–1980-х гг. (НА ОСНОВЕ УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА)

Ольга Викторовна Рябкова

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

ryabkova.olga2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исторического анализа устных воспоминаний жителей уникального для региона населенного пункта — города Надыма. Он стал форпостом газодобывчиков в Ямало-Ненецком автономном округе. Отстроенный за несколько лет, Надым стал важным экономическим, общественным и культурным центром региона. Источники, рассмотренные в настоящей статье, отражают личное мнение надымчан по вопросам организации стройки, о кадрах, комсомольцах строительных отрядов. Они являются ценными источниками информации о том, как подготавливали бывший поселок 501-й стройки под нужды нового строительства, о трудностях, с которыми сталкивались при возведении Надыма его первые жители.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, Надым, формирование социально-бытовой среды, устные воспоминания.

Цитирование: Рябкова О. В. Формирование социально-бытовой среды города Надыма в 1970–1980-х гг. (на основе устных воспоминаний жителей города) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 6–18.
doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.001

Original article

FEATURES OF THE FORMATION OF THE SOCIAL AND HOUSEHOLD ENVIRONMENT IN THE CITY OF NADYM IN THE 1970–1980S (BASED ON ORAL RECOLLECTIONS OF CITY RESIDENTS)

Olga V. Ryabkova

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

ryabkova.olga2016@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of historical analysis of the oral recollections of the residents of Nadym that is a unique city in the region. It became an outpost for gas workers in the Yamal-Nenets Autonomous District. Built over several years, Nadym has become an important economic, social and cultural center of the region. The sources considered in this article reflect the personal emotions and opinion of Nadym residents on the construction management, personnel, Komsomol members of construction teams. They are valuable sources of information about how the former settlement of the Construction site No. 501 was prepared for the needs of new construction project, about the challenges that its first residents faced when building Nadym.

Keywords: Yamal-Nenets Autonomous District, Nadym, formation of the social and household environment, oral recollections.

Citation: Ryabkova O. V. Features of the formation of the social and household environment in the city of Nadym in the 1970–1980s (based on oral recollections of city residents) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 6–18. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.001

Введение

Британский историк Пол Томсон в книге «Голос прошлого», посвященной проблемам изучения устной истории, приводит фразу: «Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей» [1, с. 13]. В нашем случае историческое знание выступает помощником для историков, социологов и антропологов, занимающихся вопросами изучения формирования социально-бытовой среды городов Ямало-

Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО) на современном этапе развития общества. В ЯНАО первым населенным пунктом, получившим статус города окружного подчинения указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 ноября 1938 г., стал Салехард. Однако появление новых городов в регионе связано в первую очередь с освоением газовых ресурсов территории.

Первым действующим газовым месторождением в ЯНАО стало Медвежье, и в один момент месторождение, поселок Надым и Ямал стали известны на весь мир [2, с. 20]. Освоение месторождения определило судьбу населенного пункта Надым, который в 30–40-е гг. XX века функционировал как фактория, затем в 50-е гг. XX века стал станционным поселком по ходу строительства железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» («501-я стройка»), но после прекращения строительства железной дороги (1953 г.) пришел в запустение. Освоение газового месторождения Медвежье стало новым этапом развития поселка Надым [3].

Информация о том, как строился новый город, сохранилась в официальных документах и в устных источниках, опубликованных в публицистической литературе, посвященной истории становления и развития города Надыма в 1970–1980-е гг.

Многие участники строительства Надыма приезжали на год и оставались здесь на всю жизнь, являлись активными общественными деятелями. Они оставили воспоминания о рождении города и первых двух его десятилетиях. Эти источники позволяют выявить информацию о личном отношении людей к проблемам формирования социально-бытовой среды города в первые два десятилетия его создания и выявить жизненные планы надымчан.

Объектом статьи являются опубликованные в публицистической литературе устные воспоминания жителей города Надыма 1970–1980-х гг. Предметом статьи является социально-бытовая среда города Надыма в 1970–1980-х гг. XX века, отраженная в устных воспоминаниях горожан.

В официальной документации исследуемого периода имеется точная информация по экономическому росту и социальному развитию города Надыма, по изменению численности населения и его половозрастному составу. Однако данные документы дают во многом только цифры статистики. О конкретных трудностях и личных взглядах горожан исследователи могут узнать из публикаций, созданных на основе мемуаров жителей, и очерков журналистов, написанных на основе личных встреч.

Цель настоящей статьи — определить возможность использования устных воспоминаний надымчан, опубликованных в публицистической литературе в качестве исторических источников по проблеме формирования социально-бытовой среды города Надыма в первые два десятилетия его создания и развития.

Природные условия и естественные ресурсы будущего города

Территория Надыма на момент принятия решения о строительстве в 1966 г. входила в состав Юго-Восточного природно-экономического подрайона ЯНАО (территория округа тогда делилась на три подрайона: Западный (Обско-Приуральский), Заполярный и Юго-Восточный) [6, с. 11]. Указанный подрайон включал в себя Красноселькупский, Пуровский и Надымский административные районы. В нем было развито животноводство, в частности оленеводство, в небольших количествах велись лесозаготовки и имелись зачатки земледелия [6, с. 15]. Территория подрайона расположена в переходной полосе от лесотундры к лесной зоне [6, с. 16]. Река Надым являлась важной частью водных транспортных магистралей округа, наиболее значительными и судоходными являются два рукава Надыма: Хоровинский (западный) и Паулинский (восточный) [6, с. 82].

Основой для начала возведения города Надыма был избран бывший станционный поселок строительства № 501, расположенный на правом берегу одноименной реки (сейчас данный населенный пункт называют Старым Надымом) [3]. Именно в нем поначалу базировались первые строители будущего города. Возведение Нового Надыма (ныне город Надым) началось с противоположной стороны — на левом берегу реки на расстоянии в 15 км от Старого Надыма.

Проектировкой города занимался Ленинградский зональный научно-исследовательский и проектный институт типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий (ЛенЗНИИЭП). Одна из разрабатываемых идей ЛенЗНИИЭП — строительство городов в районах Крайнего Севера на основе проекта «Город под куполом» [8]. Первые строители города, отправляясь к полярному кругу, верили, что будут жить в городе будущего. На освоение новой территории съезжалась молодежь со всего СССР — стройка была объявлена ударной комсомольской (объект строительства имел важное локальное (региональное) значение).

Приказом Министерства газовой промышленности от 6 июля 1969 г. на базе комсомольско-молодежного строительного монтажного управления треста «Шаймгазстрой» был организован строительный трест «Северстройгаз». Главной задачей треста являлось ускоренное обустройство газового месторождения Медвежье и строительство Надыма [5, с. 21].

***Характеристика исторических источников,
отражающих особенности формирования социально-бытовой среды города
Надыма в 1970–1980-х гг.***

О том, какие специфические особенности имела социально-бытовая среда города на разных этапах его развития, возможно узнать из устных исторических источников, опубликованных в документальной прозе с начала 80-х годов прошлого века и по настоящее время. Значительный вклад в создание данных публикаций, а значит, и сохранение информации о людях, их успехах и неудачах, трудностях и проблемах, связанных с освоением газовых месторождений, внесли журналисты. Авторы данных произведений, как правило, опирались на воспоминания людей, прибывавших в Надым на работу и посвятивших этому городу всю свою жизнь. Кропотливо собранные интервью участников возведения и развития города Надыма во многом стали зеркалом той эпохи освоения месторождений газа в Ямало-Ненецком автономном округе.

Наиболее информативными в этом плане являются следующие работы.

Книга Альфреда Генриховича Гольда (настоящая фамилия — Гольденберг) «Надым», изданная в 1982 г. Автор книги работал журналистом в г. Салехарде и часто посещал строящиеся Надым, поселки, месторождения [4]. В своей работе он опубликовал результаты личных встреч с надымчанами и письма Нины К. Эта девушка отправилась одной из первых комсомольцев на стройку, она отправляла письма своим родным и подружке, а те по договоренности с А. Г. Гольдом переправляли их в Салехард для дальнейшей публикации.

Исследование А. Н. Трутнева и Л. З. Зорина «Надым — город газовиков». Авторы работали над выпуском книг, посвященных нефтегазовой отрасли, рассчитанных на широкий круг читателей, печать производилась издательством «Недра» по заказу «Надымгазпром». Работая над книгой «Надым — город газовиков», в качестве источников информации писатели использовали «очерки, подборки информации, пришедшие

с телетайпов, голубого экрана, со страниц газет и журналов», а также интервью выдающихся жителей Надыма, опубликованных в главе «Славен человек трудом» [5].

Работа Т. Н. Яшкуновой «Надым — город моей судьбы» [2]. Автор книги приехал в Надым в 1973 г. и живет в городе по настоящее время. Опубликовала свои материалы в 2002 г. в честь тридцатилетнего юбилея Надыма. Имея значительный опыт работы журналистом и возможность лично встретиться с выдающимися горожанами, Т. Н. Яшкунова собрала воедино воспоминания и опубликовала их.

Особенности формирования социально-бытовой среды на первом этапе строительства города Надыма

Возведение форпоста газовиков ЯНАО началось стремительно. Первый секретарь Надымского райисполкома Попов А. Н. в беседе с А. Г. Гольдом вспоминал, что стройка была объявлена ударной-комсомольской и люди на строительство Надыма прибывали с большой скоростью. «Народ валом валит» — утверждал А. Н. Попов. При этом он также указывал на отсутствие жилья и стройматериалов и проблемы с логистикой: «на зимнике гробим технику, не довозим сотни тонн ценнейших грузов» [7].

В другой книге («Надым — город моей судьбы») бывший главный инженер треста «Севергазстрой» Струбцов Ю. А. отмечал, что справиться с массово прибывающими кадрами помогала пропускной режим. Надым был объявлен пограничной зоной: «Случайные люди не проникали в Надым, так как без нашего вызова они не могли перемещаться дальше Салехарда» [2]. Такая форма работы по отсеиванию кадров являлась необходимой, поскольку, по мнению Струбцова Ю. А, если бы не было ограничений, «Надым мог превратиться в сущий ад» [2, с. 30].

О том, как обустроивали бывший поселок 501-й стройки под нужды городской строительной площадки, в разговоре с Гольдом А. Г. вспоминал рабочий строительного управления Роман Шакиров. По его словам, их бригада въехала в поселок на телегах, «как цыгане, табором» [7]. Здания, оставшиеся от 501-й стройки, в основном были пустыми, поэтому была возможность выбрать наиболее сохранившиеся: «Облюбовали барак покрепче, написали на двери «Су-27» [7]¹. Р. Шакиров также указывал,

¹ Строительное управление 27.

что первый строительный десант Надыма обладал хорошими профессиональными навыками и опытом работы в высоких широтах: «Народ у нас собрался тертый. У каждого — по восемь полярков» [7]. Все лето строители чинили бараки. «Перестилали полы, щели конопатили, обмазывали печи, стены штукатурили. Поначалу не было глины. И до чего додумались — обдирали штукатурку со старых бараків и снова пускали в ход. А потом местные подсказали, где взять глину» [7, с. 49].

В будущем городе было сложно налаживать не только быт, но и саму работу на стройке. Так, для обеспечения строительных объектов электричеством использовались передвижные дизельные электростанции (далее — ДЭС). Тот же Р. Шакиров вспоминал, как в поселок осенью по реке была доставлена первая ДЭС. Однако от места выгрузки до поселка пришлось доставлять станцию собственными силами: «Мы ее (дизельную электростанцию) проклятую отсюда, знаешь, с берега, в поселок на себе тащили» [7]. Доставка усложнялась тем, что дело было осенью и погода уже успела испортиться: «Грязь — по горло, песок да болото. А мы — прем! В Надыме от нас потом собаки и те шарахались. Знакомые не признают: что за черти болотные — по уши в грязи! Зато, знаешь, дали электричество поселку, первые лампочки в Надыме зажгли!» [7, с. 53].

Яркие примеры того, с какими трудностями встречались первые жители Надыма, отражены в письмах Нины К., опубликованных А. Г. Гольдом. Так, в письме от 9 марта 1971 г. девушка описывает свои первые впечатления о жилищных условиях: «...кроме бараків, и нет ни одного большого дома. Правда, еще вагончики» [7, с. 40]; а также об общежитии для комсомольцев: «...это большая палатка. Стены и потолок сделаны из досок, а снаружи обтянуты брезентом» [7]. Общежитие было разделено на две половины: в одной жили девушки (15 человек), а в другой — юноши. Комсомолка отмечала, что, когда она прибыла в Надым, в котельной случилась авария и было очень холодно: «Мы пять дней спали, даже не раздеваясь, прямо в пальто и шерстяных носках. Теперь нам парни сделали электрических «козликов», и мы сами подогреваемся» [7, с. 41].

Т. Н. Яшкунова, в свою очередь, пишет о Дельфине Павловне Токаревой, которая занималась обустройством приезжавших на стройку и отвечала на главный вопрос, интересовавший новичков: «А где я буду жить?» На что следовал ответ: «Мол, главное, где тебе именно сегодня переночевать, а на счет жилья думать будем. Не то что жилья, тогда спальных мест катастрофически не хватало» [2, с. 22].

Описание поселка и обустройства рабочих вагончиков отражено в воспоминаниях одного из первых жителей Надыма В. П. Бакланова: «Зима 1969–1970 года — первая наша северная зима — выдалась и по здешним меркам студеной. В комнатах управления стоял пар от дыхания людей. За каждым столбом работали по два-три человека. Стульев не было, и мы нарубили себе деревянные чурбаки. Много было трудностей и производственных, житейских, но работы набирали темпы. К нам прибывали всё новые и новые люди» [5, с. 14].

В рассмотренных записях о прошлом Надыма достаточно много приводится информации о жилье и о его нехватке. Интересно, что в одном из интервью, опубликованных Т. Н. Яшкуновой, имеется информация о видах жилых вагончиков (балков). Так, по воспоминаниям В. А. Туголукова, элитными считались балки с пристроями из бруса, оснащенные кухней, туалетом, кладовкой [2, с. 83].

Тем не менее даже в этих тяжелых условиях строители Надыма создавали семьи либо перевозили уже имеющиеся на новое место жительства. К 1980 году численность населения города составила 30 400 человек. В это время Надым оставался городом молодежи. Население старше трудоспособного возраста составляло всего 500 человек, остальные — трудоспособное население (21 100 человек) и дети: в возрасте от 0–1 года — 500 человек, 1–6 лет — 3800, 7–15 лет — 4500 человек [9, с. 44]. За 8 лет в городе появилось 8800 детей (родились и переехали с родными). Соответственно, можно предположить, что, несмотря на все трудности и суровые климатические условия, взрослые горожане были готовы к тому, что их дети будут жить в Надыме.

Так, заместитель отдела рабочего снабжения № 2 производственного объединения «Надымгазпром» Е. В. Кочкарева вспоминала, что комсомольцы приезжали со всего Советского Союза и часто находили свою пару именно в Надыме: «...многие находят здесь свое счастье. А бывает и так, что вслед за женихом приезжает в суровый край и девушка» [5, с. 87].

На то, что Надым стал местом, где рождались семьи и дети, в разговоре А. Г. Гольдом указывала заведующая надымским ЗАГСом: «...в прошлом годы мы регистрировали всего тридцать молодоженов, а нынче за шесть месяцев — уже 85! А дети? За эти полгода родилось столько же, сколько за весь прошлый год: шестьдесят новорожденных. Есть любопытная закономерность: имена у большинства из них — Сашки и Алёнки» [7, с. 49].

Однако суровые испытания бытом и климатом Надыма выдерживали не все. В работе «Надым» Гольдом А. Г. опубликованы надписи, оставленные на стене теплушки аэродрома Надыма. Они довольно красочно отражают эмоции людей, посетивших стройку, но не выдержавших трудностей: «Бичевал двадцать дней. Другим не советую! Костин. Черкассы», «Уродуйтесь сами! С приветом. Федя. Кузнецк», «Витя, не поминай лихом. Хочу жить. Там весна! Толик. Донецк»» [7, с. 42].

Но город возводился быстрыми темпами. Уже в 1972 г. было построено первое капитальное жилое здание: «дом по улице Зверева № 1» [5, с. 24]. На первых порах в городе велось возведение домов серии № 467. Информация о том, как был сделан выбор в пользу данной серии домов, поступила от бывшего главного инженера строительного треста Ю. А. Струбцова. По его воспоминаниям, ответственность за выбор серии домов на себя взял главный инженер треста «Главтюменьгазстроя» Ю. П. Баталин. «В руках главка были лишь дома знаменитой, но бедноватой для условий Крайнего Севера 467 серии. Главный изъян изготавливаемых для Тюмени (крайние случаи — для городов Среднего Приобья) домов этой серии: теплотехнические параметры не соответствовали условиям Надыма. Полноценный северный дом поступил в Надым только в 1973 году (дом ЛенЗНИИЭПа)» [2, с. 40].

В 1979 г. в Надыме проживало 26 058 человек, что было больше численности населения Салехарда на 890 человек [10]. Рост численности населения требовал быстрого введения в эксплуатацию не только жилых домов, но и социальной инфраструктуры. Значимые социальные и культурные объекты будущего города первоначально располагались также во временных строениях. Так, первый детский сад и школа, клуб были расположены в бараках бывшей 501-й стройки, которые строители сами переоборудовали под социальные нужды [5]. Уже к 1973 году школа и детский сад оказались переполненными. «В школе, рассчитанной на семьсот учащихся, занималось больше тысячи. Детский сад принимал четыреста вместо положенных двухсот восьмидесяти. Нужны были столовые и кинотеатр» [5, с. 29].

На проблемы надымской школы указывала секретарь горкома партии Валентина Петровна Колосова. Ее выступление на городской сессии городского Совета в июне 1975 г. опубликовано А. Г. Гольдом с пояснением, что «занятия в школе начались, когда здание не имело крыши. Тепло в классы «загоняли» калориферами. С наступлением сильных холо-

дов покрытые линолеумом полы коридоров превратились в ледяные катки» [7, с. 172].

Еще одной важной проблемой нового города было сохранение имеющихся природных зон. Сейчас надымчане гордятся своим парком. Вопрос о его сохранении рассматривался уже на первом пленуме городского комитета КПСС, что отражено в воспоминаниях первого секретаря Надымского городского комитета КПСС Е. Ф. Козлова (они сохранились благодаря публикации Т. В. Яшкуновой). «Е. Ф. Козлов неожиданно поднял проблему сохранения живого уголка природы среди интенсивно возводимого жилого социально-культурного строительства — парковой зоны. Он поставил задачу перед строителями как первоочередную — не испортить ни одного метра естественного парка» [2, с. 83]. Надымчане являлись активными участниками преобразования своего города совместно с городской администрацией. На данный факт указывал А. Г. Гольд: «По инициативе городских властей и под непосредственным руководством главного архитектора Надыма Людмилы Васильевны Сашниковой развернулась первая “операция по озеленению”» [7]. Все лето во дворы надымских микрорайонов возили торф, затем были привезены деревья. По окончании данных работ осенью 1978 г. все жители от мала до велика вышли на городской субботник [7, с. 163].

К 1976 году численность жителей города выросла до 21 808 человек. В этом же году было начато строительство завода крупнопанельного домостроения — ЗКПД, который был введен в эксплуатацию в 1980 г. и специализировался на выпуске деталей домов в соответствии с типовыми проектами серии: 113-123-7; 111-112. Дома серии 113-123-7 — это пятиэтажные дома из 4 секций на 60 квартир. С расчетом температуры от +30 до –50. Дома серии 111-112 — это пятиэтажные дома, 4-секционные на 59 квартир. Панели легкобетонные, однослойные, однорядной зарядки. В планах завода было выпускать 100 000 кв. м. таких домов. К 1983 году в городе имелось 7 микрорайонов, пять средних школ, музыкальная школа, семь детских садов-яслей, широкоформатный кинотеатр «Победа», телевизионный центр «Орбита» [5, с. 57].

По данным комплексного плана социально-экономического и культурного развития города Надыма, с 1981 по 1985 год в городе и близлежащих поселках планировалось ежегодно вводить в эксплуатацию 45 000 кв. м. жилья. Общий баланс — довести до 480 тыс кв. м., что должно было удовлетворить потребность в жилье 35 тыс. жителей. Кроме того,

в планах было построить 3 школы: 2 в Надыме, одну в поселке Пангоды, спортивный комплекс в Надыме, больницу на 280 мест, городскую котельную и электростанцию на 24 тыс. киловатт, водозаборные сооружения на 8 тыс. куб. м. в сутки, районный узел связи на 5 тыс. номеров, дом культуры на 500 мест, станцию скорой помощи, детские сады на 500 мест, комплекс пищевых предприятий, гостиницы на 200 мест [9, с. 34]. Указанные планы были выполнены, развитая социально-экономическая среда позволила Надыму стать одним из передовых населенных пунктов округа.

Заключение

Количественная информация по социально-экономическому развитию Надыма и формированию бытовой среды в исследуемый период сохранилась в официальной документации. Данные источники освещают проблему по социально-экономическому развитию и повышению уровня жизни населения города. С помощью статистических данных можно узнать о динамике возведения домов и культурных объектов города, изменении социальной структуры населения, миграционных процессах и др. Однако данные материалы не позволяют проследить личное отношение жителей города к данным процессам. И здесь на помощь исследователям могут прийти устные воспоминания надымчан, собранные журналистами и опубликованные в общественно-политической литературе и документальной прозе, посвященной строительству города Надыма. Данные устные воспоминания позволяют проследить историю формирования социально-бытовой среды города: от поселка, который являлся строительной площадкой, до полноценного города с развитой инфраструктурой и численностью населения больше, чем в административном центре округа. Источники, рассмотренные в настоящей статье, отражают личное мнение информантов по вопросам организации стройки, о кадрах, комсомольцах строительных отрядов. Являются ценными источниками информации о том, как подготавливали бывший поселок железной дороги «Чум–Салехард–Игарка» («501-я стройка») под нужды нового строительства, о трудностях, с которыми сталкивались при возведении Надыма строители, а также о том, как жители меняли облик своего города в лучшую сторону, чтобы прожить в Надыме всю жизнь. Таким образом, эти исторические источники являются носителями разнородной информации, которая может быть полезна не только историкам, но и представителям

других гуманитарных дисциплин, специализирующихся на вопросах развития городской среды на Крайнем Севере и в арктических регионах: социологам, антропологам, экономистам.

Список источников

1. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. — М., 2003. — 368 с.
2. Яшкунова Т. Н. Надым. Город моей судьбы. — М.: Воскресенье, 2002. — 167 с.
3. Гриценко В. Н. К вопросу о реальном возрасте города Надыма // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — 2016. — № 3 (92). — С. 77–82.
4. Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. — Т. 1. — Салехард—Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. — 367 с.
5. Трутнев А. Н. Надым — город газовиков / А. Трутнев, Л. Зорин. — М.: Недра, 1983. — 135 с.
6. Ямало-Ненецкий национальный округ [Текст]: (экономико-географическая характеристика) / отв. ред., сост. канд. геогр. наук Б. Ф. Шапалин; Академия наук СССР, Уральский филиал, Госплан СССР, Совет по изучению производ. сил, Комиссия по проблемам Севера. — М.: Наука, 1965. — 276 с.
7. Гольд А. Г. Надым. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. — 208 с.
8. Леонтьева Н. М., Карпова Ю. И. Надым — город под куполом // Дизайн и художественное творчество: теория, методика и практика: материалы I международной научной конференции / под ред. В. Б. Санжарова, Д. О. Антипиной. — 2016. — С. 417–421.
9. Комплексный план социально-экономического и культурного развития города Надыма и работа на 1981–1985 годы. Надымский городской комитет КПСС, Надымский городской Совет народных депутатов Тюменской области. — Надым, 1982. — 262 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1979 г. — http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения: 22.12.2020).

References

1. Thompson P. Voice of the past. Oral history. — M., 2003. — 368 p.
2. Yashkunova T. N. Nadym. City of my destiny. — M.: Voskresenie, 2002. — 167 p.
3. Gritsenko V. N. Speaking of the real age of the city of Nadym // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. — 2016. — No. 3 (92). — P. 77–82.
4. Yamal: Encyclopedia of Yamal-Nenets Autonomous District: In 3 volumes. Vol. 1. — Salekhard—Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2004. — 367 p.
5. Trutnev A. N. Nadym — the city of gas workers / A. Trutnev, L. Zorin. — M.: Nedra, 1983. — 135 p.

6. Yamal-Nenets National District [Text]: (economic and geographical characteristics) / resp. ed., comp. Cand. geogr. Sciences B. F. Shapalin; USSR Academy of Sciences, Ural branch, USSR State Planning Committee, Research Council. forces, Commission on the problems of the North. — М.: Nauka, 1965. — 276 p.
7. Gold A. G. Nadym. — Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe publishing house, 1982. — 208 p.
8. Leontyeva N. M., Karpova Yu. I. Nadym — a city under a dome // Design and artistic creation: theory, methodology and practice: materials of the 1st international scientific conference / eds. V. B. Sanzharova, D. O. Antipina. — 2016. — P. 417–421.
9. Comprehensive plan of socio-economic and cultural development of the city of Nadym and work for 1981–1985. Nadym City Committee of the CPSU, Nadym City Council of People's Deputies of the Tyumen Region. — Nadym, 1982. — 262 p.
10. All-Union Population Census 1979. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (date of access: 12/22/2020).

Сведения об авторе

Ольга Викторовна Рябкова, 1990 г. р. В 2013 г. окончила ФГБУВО «Курганский государственный университет» по специальности «История, преподаватель истории». В 2015 г. окончила магистратуру ФГБУВО «Курганский государственный университет» по направлению «Историческая локализация Урала и Западной Сибири». Младший научный сотрудник сектора истории и археологии научно-исследовательского отдела ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», аспирант ФГБУВО «Курганский государственный университет» (Курган, Россия). В сферу научных интересов включает историю России XX века.

Information about the author

Olga Viktorovna Ryabkova, born in 1990. Graduated from the Kurgan State University in 2013 with a degree in history and history teacher degree. In 2015, she graduated from the Kurgan State University with a master's degree in historical localism of the Urals and Western Siberia. Junior researcher of the Sector of History and Archeology of the Research Department of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia), post-graduate student of the Kurgan State University (Kurgan, Russia). Research interests: history of Russia in the twentieth century.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on January 12, 2021, accepted for publication on February 12, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 19–35.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 19–35.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 94.37.397

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.002

ИТОГИ РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРИУРАЛЬСКОМ РАЙОНЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ (1930–1953 гг.)

Ольга Сергеевна Анисимова

Школа с. Аксарка, Аксарка, Россия

afineon-sudak@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования состояния школ Приуральского района ЯНАО по состоянию на 1953 г.: перечень школ и интернатов, общее количество обучающихся, количество обучающихся из числа детей – представителей коренных малочисленных народов Севера, качество образования, характеристика кадрового состава и анализ состояния материально-технической базы школ и интернатов. Подведены итоги результативности работы системы школьного образования сталинского периода.

Ключевые слова: школа, интернат, количество обучающихся, коренные малочисленные народы Севера, кочевая школа, ненцы, ханты, коми, система школьного образования, Приуральский район, ЯНАО, Ямал.

Цитирование: Анисимова О. С. Итоги развития школьной системы образования в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в сталинскую эпоху (1930–1953 гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 19–35. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.002

Original article

RESULTS OF DEVELOPMENT OF THE SCHOOL EDUCATION SYSTEM IN PRIURALSKY REGION OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT DURING THE STALIN ERA (1930–1953)

Olga S. Anisimova

Askarka School, Aksarka, Russia

afineon-sudak@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the state of schools in Priuralsky region of the YNAD as of 1953: a list of day schools and boarding schools, total number of students, number of students from among the children of the indigenous small-numbered peoples of the North, quality of education, staff characterization and analysis of facilities and resources available at day schools and boarding schools. The paper sums up the efficiency of the school education system during the Stalin period.

Keywords: day school, boarding school, number of students, indigenous small-numbered peoples of the North, nomadic school, Nenets, Khanty, Komi, school system, Priuralsky region, Yamal-Nenets Autonomous District, Yamal.

Citation: Anisimova O. S. Results of development of the school education system in Priuralsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District during the Stalin era (1930–1953) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 19–35. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.002

Введение

Для истории России в целом и Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО) в частности 1930 год оказался знаковым по нескольким причинам. Во-первых, в 1930 году президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета принял постановление, согласно которому был создан этот национальный округ. Во-вторых, буквально за год до указанной даты к единоличной власти в Советском Союзе пришел первый секретарь ЦК КПСС И. В. Сталин (1929–1953 гг.). Не менее

знаковым является и 1953 год, поскольку подводит верхнюю временную черту сталинской эпохи. Учитывая, что система образования в Приуральском районе ЯНАО как таковая начала складываться в 30-х годах прошлого века, подведение итогов становления и развития школьного образования в Приуральском районе в указанный период прольет свет на важные аспекты общественной и культурной жизни Ямала. На сегодняшний день существуют отдельные исследования, раскрывающие особенности реализации задач всеобуча в середине прошлого века в некоторых районах ЯНАО, например в Ямальском и Надымском районах [1–8]. Систематизированной информации о состоянии школьного образования в Приуральском районе в 30–40-х годах прошлого века нет, поэтому невозможно отследить динамику изменений структуры школ, проанализировать результативность их работы с точки зрения качественных показателей успеваемости и численности контингента. Отсутствует информация о местонахождении некоторых школ и времени их существования. Поэтому на сегодняшний день отследить динамику развития школ Приуральского района в указанный период невозможно. В этой связи становится актуальным итоговый отчет о работе школ Приуральского района по итогам 1952/1953 учебного года, составленный специалистами районного отдела образования [9]. Чтобы избежать путаницы в определении географических границ Приуральского района, будем считать исходными административно-территориальные данные по состоянию на 1953 год.

Материалы и методы

Документ составлен обстоятельно и подробно, такой щепетильности нет в подобных отчетах, датируемых несколькими годами ранее. Анализ документа позволил не только восстановить общую картину состояния системы школьного образования, но и выявить основные проблемы, с которыми сталкивались педагоги, администрация школ и района на пути реализации задач всеобуча. Исследование коснулось следующих критериев: материально-техническая база школ и интернатов, методическая и воспитательная работа, характеристика педагогических кадров и успеваемость.

Кроме этого, существенно дополнили картину научные публикации, научно-популярные издания и воспоминания очевидцев [10–20]. Стартовые показатели результативности работы школ Приуральского района по состоянию на 1930 год будем считать нулевыми по всем критериям, поскольку школ, в современном понимании этого слова, не было. Для вос-

становления исторической картины становления и развития школьного образования в 1930/1953 годах в Приуральском районе наряду с общенаучными методами применялись специфические исторические методы.

Результаты и обсуждение

Хронологически первыми очагами образования в Приуральском районе в 1930-х годах были так называемые «красные чумы» (передвижные центры образования и культуры) [10, с. 130–131; 19, с. 7; 17, с. 288]. Но они не справлялись с задачей ликвидации безграмотности.

В 1931 году в Приуральском районе начал работу один из пунктов общества «Долой неграмотность» [11, с. 75]. В 1933 году в Приуральском районе работали 4 школы, где обучалось 77 человек [11, с. 75–76]. В 1935 году в системе школьного образования Приуральского района функционировали: 1 неполная средняя школа, 4 начальных школы и 1 кочевая школа. Всего насчитывалось 334 обучающихся [11, с. 75–76]. Особо следует отметить, что кочевая школа облегчала жизнь тундровикам и выполняла поставленные задачи. Но, несмотря на это, в конце 30-х гг. этот формат обучения признали экономически невыгодным и заменили школами-интернатами. На тот момент их внедрение было апробировано и хорошо себя зарекомендовало в северных регионах СССР [13, с. 208; 19, с. 8]. Целесообразность выбора такого формата обучения до сегодняшнего дня не имеет однозначной оценки [21–23].

В 40-х годах, несмотря на предпринятые усилия, закон о начальном всеобуче среди детей коренных местных национальностей выполнялся с трудом [11, с. 161–162]. Частым явлением была ситуация, когда дети проходили курс начальной школы и не продолжали учебу. Те же, кто обучался в 5–8 классах, показывали низкую успеваемость. Количество случаев второгодничества достигало 50 %, из 79 местных детей 61 оставались на третий год. Это приводило к массовому отказу посещать школу [11, с. 162]. В то же время росли количество школ и число обучающихся. Так, в 1947 году в Приуральском районе действовало уже 14 школ, в которых обучалось 800 учеников [11, с. 75–76]. Структура школ находилась в состоянии постоянной трансформации, количество и расположение школ изменялись в связи с объективными факторами: укрупнение сел и, как следствие, объединение близлежащих школ в одну; изменение мест расположения факторий и создание сети интернатов, что в свою очередь приводило к ликвидации малокомплектных школ.

К концу 1952/1953 учебного года в Приуральском районе функционировало 15 школ (рис. 1). Причем единственная средняя школа находилась в административном центре Приуральского района — в селе Аксарка. Три из пятнадцати школ были семилетними: Лабытнангская, Катравожская и Щучьереченская. Остальные одиннадцать — начальные: Товопогольская, Белоярская, Халаспугорская, Харсаимская, Пельвожская, Обская, Илвалская, Полуйская, Пореченская, Ямбуринская и Сороттовская.

В процентном соотношении численность обучающихся «местных национальностей», по состоянию на конец 1952/1953 учебного года, среди общего количества обучающихся (1226 человек) составляла около 25 %. Из приведенной в отчете таблицы видно, что динамика движения контингента школ была достаточно активной (таблица 1).

Рис. 1. Схема расположения школ Приуральского района в 1953 г.

Источник: Проектирование и составление карты образовательных учреждений Приуральского района по состоянию на 1953 год / Р. М. Ильясов, С. М. Зувев. — Салехард: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 2021.

Таблица 1. Количество учащихся по Приуральскому РОНО

Школа	Начало года	Прибыло в течение года	Всего	Выбыло в течение года	Переезд в другой район	Исключение	Закр.	Переезд на работы	Болезнь	Перерост	Лесная школа	Отправка в базовую школу Салехарда
Лабытнангская	271	76	347	45	35	1	–	9				
Аксарковская	321	21	342	31	13	2	3	6	2			5
Поречье	9	5	14	5	5							
Катравож	118	11	129	11	7	–	–	–	1	2		
Пельвож	37	24	61	7							7	
Обская	20	3	23	2	2							
Илвалская	18	1	19	5	5							
Харсаим	23	4	27	5	4				1			
Белоярск	34	11	45	2							2	
Щучьереченская	53	81	134									
Полуй	10		10									
Товопогол	19	6	25	1	1							
Саратто	6		6									
Ямбура	14		14	4	4							
Халаспугор	25	5	30	1					1	1		

Источник: [9].

Выявилась любопытная тенденция: в результате миграции населения и, соответственно, прибытия и выбытия школьников имел место стабильный прирост обучающихся по району более чем в два раза. В то же время в Приуральском районе имел место и значительный прирост обучающихся, который наблюдался в Лабытнангской, Пельвожской и Щучьереченской школах. Большая же часть выбывших выезжала за пределы региона. Очевидно, что численность обучающихся пополнялась за счет прибывавших сюда «спецпоселенцев» разных категорий.

Особняком в документе предоставлены сведения об обучающихся, как это обозначено в документе, в «нерусских» школах (таблица 2).

Таблица 2. Численность учащихся ненцев и ханты

Школа	Ханты	Ненцы
Хантыйские школы		
Катравожская семилетняя школа	50	6
Пельвожская начальная школа	39	—
Харсаимская начальная школа	10	1
Ненецкие школы		
Щучьинская начальная школа	—	82
Белоярская начальная школа	2	26
Смешанные школы		
Халоспугорская начальная школа	7	12
Товопогольская начальная школа	3	17
Русские школы, в которых обучаются дети ненцев и ханты		
Аксарковская средняя школа	9	13
Лабытнангская семилетняя школа	2	10
Ямбуринская начальная школа	2	—
Итого	124	167

Источник: [9].

Всего в 1952/1953 учебном году в Приуральском районе обучались 291 представитель народа ханты (124) и ненцев (167). Принцип разделения школ на хантыйские, ненецкие и смешанные основывался на количестве представителей той или иной национальности среди обучающихся. Если же однозначного перевеса в чью-то пользу не было, то школы именовались «смешанными». Впрочем, как показал анализ отчета, хантыйские, ненецкие или смешанные школы не имели каких-либо особенностей в основной образовательной программе школ, преподавания на родном языке или хотя бы наличия в учебном плане родного языка. Тем не менее отличия все же были. Среди них необходимо выделить наличие подготовительного класса, где детей обучали русскому языку. Внедрение в программу родного языка находилось пока в стадии проекта. Отдельно велся подсчет обучающихся из числа коренных местных жителей в так называемых русских школах. Любопытно, что даже в официальных документах национальные школы было принято обозначать как нерусские.

Сложная экономическая ситуация в государстве наложила свой отпечаток на качество материально-технической базы образовательных

учреждений. Главной проблемой школ Приуральского района была их слабая материально-техническая оснащенность. Недостаток школьных помещений приводил к тому, что детям в условиях Крайнего Севера, где, помимо суровых зим, есть еще и полярные ночи, приходилось заниматься в две или три смены. Так, обучение в две смены происходило в половине школ (в 7 школах) района. В три смены приходилось обучаться воспитанникам интерната в Белоярске. Как оказалось, специального помещения для школы там не было, а выделенный под школьные нужды домик был настолько мал, что там вмещалось 12 парт [9, л. 141].

Согласно отчету, из пятнадцати школ района лишь шесть располагались в типовых зданиях. Остальные девять зданий школ были переоборудованными хозяйственными помещениями. Для освещения помещений в девяти школах района использовались керосинки, и всего лишь шесть были электрифицированы [9, л. 140]. Отопление всех школ района было дровяное, поставки топлива, как обозначено в отчете, осуществлялись без перебоев практически во всех школах, за исключением Щучьего и Белоярска. Что касается непосредственно учебно-методической составляющей, то следует отметить, что школьные библиотеки были полностью укомплектованы необходимыми учебными пособиями, материальная база была обновлена. Однако не все кабинеты были укомплектованы необходимым оборудованием. Так, в единственной средней школе района не были оборудованы кабинет химии и спортзал.

Задача методической работы школ района была сформулирована следующим образом: «Более настойчиво, более упорно и решительно вести борьбу за повышение качества знаний учащихся, за предупреждение второгодничества, за выполнение всеобуча и за преподавание в школах на высоком идейном уровне» [9, л. 152]. Однако в отчете нет указаний на то, какими конкретными действиями планировалось достигать поставленной цели. В описании методической работы школ содержится информация о том, что все школы были обеспечены методической литературой. А в некоторых даже оборудованы так называемые методические уголки, где размещались периодическая литература, наглядные пособия, собственные разработки педагогов. В некоторых школах, как значится в отчете, не было выявлено материально-технической возможности создать методический уголок (Белоярск, Харсаим, Товопогол), а в некоторых — желания педагогов (Халаспугор). Как обозначено в отчете, каждый учитель района работал над индивидуальным заданием, разрабатывал те-

му своего профессионального роста. Школьные методические объединения работали с разной интенсивностью: если предметникам хватало времени на тематические мероприятия, то секция же классных руководителей бездействовала.

Особое внимание уделено идейно-воспитательным моментам в организации труда педагогов. Так, в Катравожской школе был организован кружок по изучению основ марксизма-ленинизма.

Внеклассная и внешкольная работа, как отмечено в отчете, была представлена разнообразными кружками: физико-математическим, драматическим, физкультурным, хоровым, литературным. Организовывали внеклассные чтения, читательские конференции, еженедельную политинформацию, предметные вечера, вечера отдыха, проводили всенародные праздники. Инспекторские проверки выявили, что «работа в отчетах часто выглядела более плодотворной, чем на деле» [9, л. 156–158].

Относительно дисциплины школьников в отчете отмечено, что наиболее высокий уровень ее нарушения выявлен у обучающихся Аксарки и Лабытнанги. Дети не соблюдали правила поведения, в Аксарке даже был случай исключения ученика 4 «Б» класса за грубые нарушения в школе и за ее пределами [9, л. 159–160]. В «сводной ведомости по итогам учебно-воспитательной работы за 1 полугодие 1950/1951 учебного года» среди прочего отмечается, что некоторые учителя «позволяли грубости и оскорбления учеников» [9, л. 27].

При восьми школах Приуральского района действовали интернаты, в которых по состоянию на начало учебного года пребывало 130 обучающихся, на конец 1952/1953 учебного года — 319 воспитанников [9, л. 140]. Восстановить картину состояния интернатов в Приуральском районе стало возможно благодаря официальным документам и воспоминаниям современников. В документе указано, что интернаты находились при 8 школах, однако в анализе присутствуют указания только на 7 (при школах: Аксарковской, Катравожской, Белоярской, Щучьереченской, Товопогольской, Харсаимской и Пельвожской). Так, материально-техническое оснащение требовало срочного улучшения. В документе особо отмечено, что при школах Аксарка, Белоярска, Товопогола и Харсаима площадь помещений интерната была недостаточной и не соответствовала санитарным нормам. Говорить о каких-то удобствах и комфортности пребывания тоже не приходится. Согласно отчету, в интернатах не было специальных помещений: для подготовки к урокам, комнат отдыха, а также отдельных

от кухни столовых. Стоит указать, что, как указано авторами отчета, питание обеспечивалось полноценно. Оно осуществлялось бесперебойно, 4 раза в день [9, л. 141].

Анализ источников показал, что наиболее сложными проблемами в осуществлении образовательного процесса, которые решались в Приуральском районе, были следующие: языковой барьер, отсутствие необходимой учебно-методической литературы и каких-либо методических рекомендаций по работе в местных условиях.

Под формулировкой «языковой барьер» скрывался огромный пласт проблем, который формировался вследствие незнания местными детьми русского языка и незнания местных языков русскоговорящими учителями, которые прибывали сюда из разных частей СССР. Помимо незнания языка, приезжие могли не знать или не принимать особенности местной этнопедагогики и этнопсихологии, что, безусловно, негативно сказывалось на качестве освоения знаний школьниками. По состоянию на конец 1952/1953 учебного года национальный состав воспитателей интерната выглядел следующим образом: 2 ненки, 1 коми и 6 русских (1 не указана) [9, л. 140].

Для преодоления языкового барьера была введена практика подготовительных классов: дошкольников, за год до поступления в школу, принимали в школу для обучения их русскому языку. В Приуральском районе в 1952/1953 учебном году действовало 6 подготовительных групп. В отчете особо отмечалось, что учителя, которые работали в национальных классах и не стремились овладеть родным языком, показывали низкую результативность обучения [9, л. 144].

С 1952/1953 учебного года преподавание в некоторых начальных классах начали осуществлять по программам для школ народов Крайнего Севера, до этого года преподавание велось по программам для русских школ. Кстати, из 66 начальных классов района всего 3 были национальными [9, л. 144]. Известно, что как раз в это время появилась тенденция вводить обязательно родной язык во всех национальных школах района и перейти на «родной язык обучения» [9, л. 27].

Качество работы большинства воспитателей интерната, как указано в отчете, иногда признавалось неудовлетворительным. Важнейшей причиной такого положения дел, по мнению составителей отчета, было отсутствие авторитета воспитателей среди воспитанников. Воспитатели «собственно воспитанием не занимаются вообще», а «занимаются воспитанием только школьные учителя» [9, л. 145].

В 8 интернатах Приуральского района работало 10 воспитателей. Информация о профессиональной подготовке кадрового состава, содержащаяся в отчете, дает основания полагать, что районная система образования, наряду с материально-техническим и учебно-методическим обеспечением, испытывала и кадровый голод. Так, четверо из воспитателей имели среднее педагогическое образование, шесть — незаконченное среднее педагогическое образование.

По состоянию на 1953 год в Приуральском районе работало 73 педагога (таблица 3).

Таблица 3. Педагогический состав школ Приуральского района

Уровень образования	Ненецкие школы	Хантыйские школы	Смешанные школы	Русские школы	Итого
Всего	13	15	5	40	73
Высшее	—	—	—	6	6
Незаконченное высшее	5	4	—	8	17
Среднее	7	11	5	23	46
Незаконченное среднее	1	—	—	3	4
Стаж					
До 5 лет	12	10	—	18	40
5–10 лет	1	1	2	11	15
10–25 лет	1	4	2	9	16
Свыше 25	—	—	1	1	2
Национальность					
Русские	13	12	4	32	61
Коми	—	1	—	3	4
Ненцы	—	1	1	1	3
Татары	—	1	—	2	3
Украинцы	—	—	—	2	3

Источник: [9].

Из них высшее образование имели лишь 6 человек, у 46 — среднее педагогическое, у 17 — незаконченное высшее; незаконченное среднее было у 4 педагогов. Большая часть педагогов, 40 человек, имела стаж работы до 5 лет, то есть эти педагоги являлись молодыми специалистами. Примерно одинаковое число педагогов имело стаж работы от 5 до 10 лет

и от 10 до 25 лет стажа (15 и 16 соответственно). Всего лишь два педагога имели стаж более 25 лет. Такое соотношение специалистов говорит о нехватке квалифицированных кадров, что, безусловно, сказывалось на качестве преподавания и требовало более тщательной методической работы.

Национальный состав педагогов имел явный перевес в пользу русских: 61 из 73. Представителей местного населения — 3 человека (3 ненцев). Анализ данных таблицы показал, что ни один из трех учителей из числа ненцев не преподавал в ненецких школах. В хантыйских школах также не было ни одного преподавателя — представителя народа ханты.

Указанные выше сведения по материально-техническому обеспечению школ и интернатов Приуральского района, качеству организации работы педагогических кадров и состоянию методической работы школ, а также недостаточность учета региональных особенностей подготавливают к выводу, что показатели общей успеваемости и качества будут далеки от высоких.

Как сказано в отчете, в школах Приуральского района по итогам 1952/1953 учебного года было не аттестовано 18 обучающихся. По мнению авторов отчета, причинами такого положения вещей были «плохая постановка внутришкольного контроля» и «невысокое качество руководства со стороны руководителей школ», а также низкий уровень методической дисциплины в школах, низкое качество уроков ряда учителей, «очковтирательство», работа «не всегда на высоком уровне идейно-политическом» [9, л. 155].

Итоги 1952/1953 учебного года показали уровень успеваемости обучающихся на уровне 88,9 %. 38 детей не приступило к обучению вообще. Был составлен некий антирейтинг, в «лидерах» оказались, по результатам работы, Аксарковская (70,7 %) и Лабытнангская (63,3 %) школы [9, л. 109].

Заключение

Одной из важнейших проблем системы образования в Приуральском районе, которая перекочевала из сталинской эпохи в последующие периоды, было недостаточное материально-техническое обеспечение, что мешало созданию полноценной образовательной среды не только для учебных, но и для воспитательных целей, а иногда и элементарных бытовых условий. Особо следует отметить состояние методической работы, которая часто сводилась к идеологическим моментам. В то же время наметились существенные подвижки в изучении родного языка в школах района.

Как раз в этот период появились первые буквари на языках коренных малочисленных народов Севера, были разработаны и начали реализовываться образовательные программы для обучающихся с неродным русским языком. Воспитательная работа в целом носила удовлетворительный характер, но имели место единичные серьезные нарушения дисциплины со стороны учеников. Кадровый состав был представлен педагогами разного уровня подготовки, высококвалифицированных специалистов было очень мало. Большое количество приезжих педагогов слабо владели особенностями местной этнопедагогике и не знали местные языки. Такая ситуация усугубляла и без того сложные условия учебно-воспитательного процесса. Вышеперечисленные факторы оказали негативное воздействие на качественный показатель успеваемости обучающихся. Таким образом, очевидно, что с задачей всеобуча в Приуральском районе в целом справлялись, хотя некоторые проблемы не удалось решить (низкий показатель качества успеваемости и наличие не приступивших к обучению детей). Надо отметить, что подобная ситуация сложилась по всей территории ЯНАО. Это говорит о том, что ситуация носила системный характер и, возможно, пути решения задач всеобуча были не всегда выбраны верно и, соответственно, не приводили к желаемым результатам [2]. В то же время в сталинский период истории Ямала в Приуральском районе произошли колоссальные преобразования, за двадцать с небольшим лет был положен прочный фундамент системы школьного образования, пройден сложный путь выбора оптимальных на тот момент способов обучения для детей, чьи родители вели кочевой и полуседлый образ жизни.

Список источников

1. Образование и культура: 1946–1994 гг. // Очерки истории Тюменской области. — Тюмень, б\н, 1994. — С. 241–254.
2. Экономика и население Ямала в первой трети XX в. / отв. ред. А. В. Головнев, Е. А. Волжанина; Институт проблем освоения Севера СОРАН, Служба по делам архивов ЯНАО. — Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2014. — 375 с.
3. История Ямала с древности до наших дней: учебн. для 6–9 классов общеобразоват. шк. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. — Екатеринбург: АМБ, 2012. — 240 с.
4. История Ямала: в 2-х томах / под общей редакцией В. В. Алексеева. — Т. II: Ямал современный. Кн. I. У истоков модернизации / под ред. К. И. Зубкова и др. — Екатеринбург: Баско, 2010. — 368 с.
5. Образование на Ямале: от вековых традиций к новой школе / под редакцией Ю. И. Попова и С. Е. Тихонова. — Екатеринбург: Баско, 2010. — 140 с.

6. Просвещение на Крайнем Севере: сб. в помощь учителям шк. народностей Крайнего Севера. — № 25 / сост. А. Л. Бугаева, А. А. Кудря. — Л.: Просвещение. Ленинград. Отделение, 1992. — 336 с.
7. Харючи С. Н. Современные проблемы коренных народов Севера (доклады и выступления) / под ред. Н. В. Лукиной. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. — 104 с.
8. Цымбалистенко Н. В., Паршуков В. Г. Популярная этнология (для государственных служащих, мигрантов и вахтовиков ЯНАО). — СПб.: ООО «Литературный город», 2015. — 160 с.
9. Государственный архив ЯНАО, фонд 116, оп. 1, д. 34. «Отчет о работе школ Приуральского района 1952–1953 гг.».
10. Шушарина Н. П. Кочевая школа — новая реальная альтернатива // Кочевая школа — анскулинг современного образования: сборник учебно-методических материалов о Лаборовской кочевой школе Приуральского района ЯНАО. — Вып. 2. — Салехард: Спейб, 2013. — 92 с.
11. Белич И. В., Вануйто В. Ю. Приуральский район // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: в 3 т. — Т. 2. — Салехард—Тюмень: Изд. ТГУ, 2004. — С. 330–331.
12. Бакулина Т. И., Петрова В. П. Земля и люди Приуралья: исторический очерк. — Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 2003. — 203 с.
13. Быковский В. А. Азбука Ямала. Часть I. — Екатеринбург: Баско, 2012. — 216 с.
14. Гриценко В. Н. История Ямальского Севера в очерках и документах. В 2 т. — Т. 2. — Омск: Кн. изд-во, 2004. — 336 с.
15. Петрова В. П. Кочевые школы // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого округа: в 3 т. — Т. 2. — Салехард—Тюмень: Изд. ТГУ, 2004. — 360 с.
16. Приуральский район на карте Ямало-Ненецкого автономного округа / кол. авт. Изд. 2-е, доп. и переработ. — Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 2005. — 384 с.
17. Приуральский район на карте Ямало-Ненецкого автономного округа / кол. авт. — Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 2000. — 336 с.
18. Приуральское ожерелье. — Салехард: б\и, 2007. — 168 с.
19. Просвещение на Крайнем Севере: сб. в помощь учителям шк. Народностей Крайнего Севера, № 24 / сост. А. Л. Бугаева, А. А. Кудря. — Л.: Просвещение. Ленинград. Отделение, 1990. — 222 с.
20. Этнология региона (Ямало-Ненецкий автономный округ): учебное пособие для учащихся учреждений профессионального образования ЯНАО в двух частях. — Ч. 1 / авт.-сост. В. Г. Паршуков, Н. В. Цымбалистенко, Н. Н. Ядне. — Салехард: б\и, 2012. — 352 с.
21. Моргун Е. Н. Модель методического сопровождения образования детей Приуральского района, которые ведут кочевой или полукочевой образ жизни // Научный вестник ЯНАО. Научные исследования в сферах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе. — 2017. — Вып. № 4 (97). — С. 57–63.

22. Моргун Е. Н., Айпин Е. Д. Тезаурусная онтология кочевого и стойбищного образования коренных малочисленных народов Севера (Онтология кочевого и стойбищного образования). Свидетельство о регистрации базы данных 2020621257, 17.07.2020. Заявка № 2020621069 от 07.07.2020.
23. Локтев Р. И., Моргун Е. Н. Этно-ориентированные виды туризма и кочевое образование как туристский бренд (на примере Шурышкарского района ЯНАО) // Биосферное хозяйство: теория и практика. — 2020. — № 11 (29). — С. 59–75.

References

1. Education and culture: 1946–1994 // Essays on the history of the Tyumen region. — Tyumen, 1994. — P. 241–254.
2. Economy and population of Yamal in the first third of the XX century / eds. A. V. Golovnev, E. A. Volzhanina; Institute of Problems of Development of the North of SBRAS, Archives Service of the Yamal-Nenets Autonomous District. — Novosibirsk: Publishing House “Geo”, 2014. — 375 p.
3. The history of Yamal from antiquity to the present day: textbook for 6–9 grades of secondary schools / ed. G. E. Kornilov. — Yekaterinburg: AMB Publishing House, 2012. — 240 p.
4. The history of Yamal: in 2 volumes / under the general editorship of V. V. Alekseev. — Vol. II: Modern Yamal. Book I. At the origins of modernization / ed. by K. I. Zubkov et al. — Yekaterinburg: Basco, 2010. — 368 p.
5. Education in Yamal: from age-old traditions to a new school / ed. by Yu. I. Popov and S. E. Tikhonov. — Yekaterinburg: Basco, 2010. — 140 p.
6. Education in the Far North: collection to help teachers of schools of the peoples of the Far North. — No. 25 / Comp. A. L. Bugaeva, A. A. Kudrya. — L.: Prosveshchenie. Leningrad Department, 1992. — 336 p.
7. Kharyuchi S. N. Contemporary problems of the indigenous peoples of the North (Reports and speeches) / ed. by N. V. Lukina. — Tomsk: Tomsk State University, 1999. — 104 p.
8. Tsymbalistenko N. V., Parshukov V. G. Popular ethnology (for civil servants, migrants and shift workers of the Yamal-Nenets Autonomous District). — St. Petersburg: LLC “Literaturny gorod”, 2015. — 160 p.
9. State Archives of the Yamal-Nenets Autonomous District, Fund 116, inventory 1, file 34. “Report on the work of schools of Priuralsky region in 1952–1953”.
10. Shusharina N. P. The nomadic school is a new real alternative // Nomadic school — unschooling of modern education: a collection of teaching materials about Laborovskaya nomadic school in Priuralsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District. Issue 2. Salekhard: Speib, 2013. — 92 p.
11. Belich I. V., Vanuito V. Yu. Priuralsky region // Yamal: encyclopedia of the Yamal-Nenets Autonomous District: in 3 vols. — Vol. 2. — Salekhard—Tyumen: TSU, 2004. — P. 330–331.

12. Bakulina T. I., Petrova V. P. Land and people of Priuralsky region: a historical essay. — Ekaterinburg: Sredne-Uralskoe Publishing House, 2003. — 203 p.
13. Bykovsky V. A. ABC of Yamal. Part I. — Yekaterinburg: Basco, 2012. — 216 p.
14. Gritsenko V. N. History of the Yamal North in essays and documents. In 2 vols. — Vol. 2. — Omsk: Omsk Publishing House, 2004. — 336 p.
15. Petrova V. P. Nomadic schools // Yamal: encyclopedia of the Yamal-Nenets Autonomous District: in 3 vols. — Vol. 2. — Salekhard—Tyumen: TSU, 2004. — 360 p.
16. Priuralsky region on the map of the Yamal-Nenets Autonomous District / collective of authors. Ed. 2nd, add. and overwork. — Ekaterinburg: Middle.-Ural. Kg. Publishing house, 2005. — 384 p.
17. Priuralsky district on the map of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug / collective of authors — Ekaterinburg: Sredne-Uralskoe Publishing House, 2000. — 336 p.
18. Priuralskoe necklace. — Salekhard, 2007. — 168 p.
19. Education in the Far North: collection to help teachers of schools of the peoples of the Far North, No. 24 / comp. A. L. Bugaeva, A. A. Kudrya. — L.: Prosveshchenie. Leningrad Department, 1990. — P. 222.
20. Ethnology of the region (Yamal-Nenets Autonomous District): a textbook for students of vocational education institutions of the Yamal-Nenets Autonomous District in two parts. Part 1 / authors-compilers: V. G. Parshukov, N. V. Tsymbalistenko, N. N. Yadne. — Salekhard, 2012. — 352 p.
21. Morgun E. N. Model of methodological support for the education of children of Priuralsky region, leading a nomadic or semi-nomadic way of life // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. — 2017. — No. 4 (97). — P. 57–63.
22. Morgun E. N., Aipin E. D. Thesaurus ontology of nomadic and camp-based education of the indigenous peoples of the North (Ontology of nomadic and camp-based education). Certificate of registration of the database 2020621257, 17.07.2020. Application no. 2020621069 dated 07.07.2020.
23. Loktev R. I., Morgun E. N. Ethno-oriented types of tourism and nomadic education as a tourist brand (by the example of Shuryshkarsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District) // Biosphere economy: theory and practice. — 2020. — No. 11 (29). — P. 59–75.

Сведения об авторе

Ольга Сергеевна Анисимова, 1977 г. р. Окончила Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского по специальности «История» в 2003 г., в 2014 г. защитила диссертацию на соискание научной степени кандидата наук. С 2016 года — учитель истории и обществознания в МОУ Школа с. Аксарка. Область научных интересов: региональная история, становление системы образования на Ямале, этнография малых народов.

Information about the author

Olga Sergeevna Anisimova, born in 1977. Graduated from the V. I. Vernadsky Taurida National University with a degree in history in 2003. In 2014 she defended her Ph.D. thesis. Since 2016, she has been working as a teacher of history and social science at a school in the village of Aksarka. Research interests: regional history, the formation of the education system in Yamal, ethnography of small nations.

Статья поступила в редакцию 28.12.2020 г., принята к публикации 15.02.2021 г.

The article was submitted on December 28, 2020, accepted for publication on February 15, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 36–44.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 36–44.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 902 (985)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ДРЕВНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЯНАО)

Ольга Сергеевна Тупахина¹, Даниил Сергеевич Тупахин²

^{1,2} Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

¹ olga-tupakhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7634-0595>

² dantupahin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6298>

Аннотация. В статье авторы, анализируя хозяйственный уклад древнего населения Нижнего Приобья, постарались осветить роль и место традиционных экономических моделей природопользования в системе культурной самоидентификации. Хозяйственно-экономические модели, основанные на эксплуатации биоресурсов (охота и рыболовство), по мнению авторов, предшествовали специализированной отрасли производящего хозяйства (оленьеводства) и, подвергаясь определенной модернизации, сохранялись вплоть до этнографической современности.

Ключевые слова: древнее хозяйство, эпоха энеолита, археология Нижнего Приобья, традиционные экономические модели.

Цитирование: Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Формирование традиционных экономических моделей природопользования в древности (по материалам археологических памятников ЯНАО) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 36–44. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

Original article

FORMATION OF TRADITIONAL ECONOMIC MODELS OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN ANCIENT TIMES (BASED ON THE MATERIALS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE YAMAL-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT)

Olga S. Tupakhina¹, Daniil S. Tupakhin²

^{1,2} Arctic Research Center, Salekhard, Russia

¹ olga-tupakhina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7634-0595>

² dantupahin@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9024-6298>

Abstract. In the article, the authors analyze the economic structure of the ancient population of the Lower Ob region, try to highlight the role and place of traditional economic models of wildlife management in the system of cultural self-identification. Economic models based on the exploitation of biological resources (hunting and fishing), in our opinion, preceded the specialized branch of the productive economy, i.e., reindeer husbandry. The models were continuously updated to some extent and survived until ethnographic modernity.

Keywords: ancient economy, Eneolithic era, archaeology of the Lower Ob region, traditional economic models.

Citation: Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. Formation of traditional economic models of environmental management in ancient times (based on the materials from archaeological sites of the Yamal-Nenets Autonomous District) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 36–44. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.003

Введение

Хозяйственно-экономический уклад, составляющий основу культуры традиционных сообществ, неизбежно влияет на ее формирование и находит отражение во всех ее отраслях. Возникновение адаптационных стратегий, предполагающих интенсивную эксплуатацию имеющихся в распоряжении человека природных ресурсов, является важнейшим ус-

ловием выживания человека в суровых условиях Арктического региона. Анализируя многочисленные материалы, относящиеся к древнейшей истории ямальской Арктики, мы приходим к выводу, что сложившиеся не позднее конца четвертого тысячелетия устойчивые хозяйственно-экономические модели, ориентированные главным образом на круглогодичный промысел различных биоресурсов (крупных копытных, водоплавающей и боровой птицы, рыбы), обеспечивали устойчивое и достаточно комфортное существование человеческих коллективов. Не позднее эпохи неолита — начала энеолита сложившиеся типы хозяйства позволили человеку уверенно освоить регион и постоянно проживать на территории Нижнего Приобья. Выработанные в глубокой древности принципы и способы ведения хозяйства, на наш взгляд, стали основой традиционной культуры. Отдельные архаичные элементы, хотя и трансформировались, были сохранены до этнографической современности. Такого рода устойчивость связана, с одной стороны, с достаточной производительностью хозяйственных практик и методов, определяющих успешность выработанных еще в древности адаптационных стратегий, элементы которых сохраняются на протяжении значительного времени, с другой стороны — в целом с феноменом устойчивости традиционной культуры, менее подверженной модернизации и новаторству из-за определенной изолированности, связанной с удаленностью региона.

Объекты и методы исследования

Рассматривая древнюю историю региона, мы склонны полагать, что наиболее удачные адаптационные стратегии, которые можно определить как различные отрасли «присваивающего» хозяйства, сложились к концу эпохи энеолита — перехода к эпохе бронзы. В последние десятилетия объемом археологических материалов, характеризующих этот период, значительно возрос, что позволяет перейти к некоторым обобщениям. В частности, мы приходим к выводу, что к этому времени в Нижнеобском регионе сложились три основных типа хозяйства: 1) круглогодичный промысел рыбы; 2) охота преимущественно на крупных копытных; 3) охотничье-рыболовное хозяйство. Стоит отметить, что ранее авторы уже дали общую оценку хозяйственно-экономических моделей, сложившихся к финалу энеолита в Нижнем Приобье, однако находки полевого сезона 2020 г. вносят в сделанные ранее выводы определенные коррективы, касающиеся, в частности, хозяйства населения южной части полуострова Ямал.

К первому типу хозяйства относятся поселения, расположенные непосредственно на Оби (крупнейшей водной артерии Западно-Сибирского региона) и на ее крупных притоках (*пос. Горный Самотнел-1, нижние стратиграфические ярусы стоянки Салехард-1, 2, нижние стратиграфические ярусы городища Усть-Васьеган-I*). Самым известным археологическим памятником такого типа является поселение Горный Самотнел-1, которое изучалось на протяжении шести полевых сезонов (с 2009 по 2014 г.). Вывод о том, что поселение Горный Самотнел-1 является именно поселением оседлых рыболовов, базируется на результатах целого комплекса исследований, различных по своей методике и относящихся как к традиционным археологическим, так и к естественно-научным методам, результаты которых опубликованы нами в виде монографии [1]. О том, что основным занятием на поселении было рыболовство, свидетельствует, в частности, орудийный набор, в котором представлены фрагмент крупной (с ячейей 60 мм) сети, многочисленные каменные грузила различных типов (подвесные массивные дисковидные грузила, грузила из отдельных галек, составные грузила — «кибасы» из бересты и камня) [2], поплавки из скрученных фрагментов берестяных полотен. Косвенные свидетельства — многочисленные орудия для работы с деревом, которые могли использоваться для изготовления вспомогательных орудий лова из дерева и плавательных средств [3].

Промысел рыбы, как основное занятие древнего населения, не означает, что жители поселения не занимались охотой, поскольку лишь охота, наряду с разнообразием рациона мясом, могла обеспечить древнего человека важнейшим ресурсом, обеспечивающим выживание в холодное время года, — шкурами и пушниной. Однако доля охоты для такого типа экономики, на наш взгляд, была значительно ниже рыбного промысла. Помимо опорного памятника — поселения Горный Самотнел-1, — к археологическим комплексам этой культуры мы относим часть материалов стоянки Салехардской а также нижний ярус городища Усть-Васьеган-I [4, 5].

Второй хозяйственный тип, существовавший в эпоху энеолита, ориентирован главным образом на охотничий промысел. Его документирует группа памятников в средней части полуострова Ямал (*стоянка Йоркутинская, поселения Йоркутинское II, III, IV*). Высказанные нами ранее предположения о том, что основой хозяйства здесь являлась кочевая охота, базировались на малочисленных (16 фрагментов керамических

сосудов, один сланцевый остроконечник) случайных сборах 1960-х годов [5]. Результаты полевых работ 2020 г. позволяют внести в сформулированные ранее предположения определенные корректировки. Первоначальные описания памятника, сделанные Л. П. Хлобыстиным, сформировали представление о существующем комплексе как о кратковременной стоянке, к настоящему времени практически уничтоженной в ходе различных эрозионных процессов. Экспедиционные исследования 2020 года показали, что стоянка Йоркутинская представляет собой большой поселенческий комплекс, находящийся в аварийном состоянии. На площади 226 кв. м в результате раскопок выявлены остатки двух жилищ и прилегающей к ним территории. Размер одного из них составил около 100 кв. м, второе исследовано частично. В результате разведки сравнительно небольшого участка были открыты 6 памятников, керамические комплексы которых сопоставимы с Ясунской [6] и Йоркутинской [7] археологическими культурами финального неолита или энеолита. Кроме того, выделены материалы с неопределенной атрибуцией и хронологией. Коллекция стоянки Йоркутинская включает более 3000 предметов, на остальных памятниках на поверхности собраны многочисленные предметы. Эти данные позволяют утверждать, что выявленные объекты представляют долговременные базовые поселения: столь большое количество артефактов не может быть оставлено на кратковременных стоянках. Орудийный набор, представленный многочисленными наконечниками стрел, массивными наконечниками копий из сланца, орудиями обработки шкур из сланца и песчаника, говорит нам об ориентированности экономики древнего населения преимущественно на охоту. Эти выводы предварительны и потребуют детального изучения в ходе последующих полевых работ, всестороннего изучения естественно-научными методами.

Третий хозяйственный тип относится к смешанным типам экономики, где охотничий и рыболовный промыслы занимали примерно равные доли в общей системе хозяйства (*пос. Лов-Санг-Хум-II, пос. Пернашор, стоянка Щучья-II, нижние стратиграфические ярусы пос. Бухта Находка*). Оценка такого рода хозяйственно-экономической модели была дана ранее в работах, основанных на анализе археологических материалов южной части Нижнего Приобья [8]. Представленные поселения, как правило, приурочены к небольшим рекам, позволяющим вести рыбный промысел при помощи запоров-ловушек. Вместе с тем расположение

поселений в зоне северной тайги позволяло использовать близлежащую территорию в качестве охотничьих угодий, в которых велась добыча копытных, водоплавающей и боровой птицы, пушного зверя.

Выводы

Рассматривая хозяйство населения Нижнего Приобья в исторической ретроспективе, исследователи склонны отмечать значительную устойчивость как отдельных элементов материальной культуры, так и сложившихся экономических моделей. Нам кажется, что подобное замечание особенно уместно для отраслей экономики, определяемых как «присваивающее» хозяйство, которое основано на эффективной эксплуатации богатых природных ресурсов. Что касается сложившихся в древности приемов и практик природопользования, несмотря на неизбежные трансформации и усовершенствования, связанные с естественным историческим прогрессом материальной культуры, отдельные их элементы в традиционном виде сохраняются вплоть до этнографической современности.

Так, рыболовный промысел, сложившийся на Нижней Оби в энеолитическое время и сохранявшийся в последующие эпохи, не утратил своей актуальности и позволяет провести параллели с типами хозяйства, описываемыми А. В. Головневым для этнографического времени. Это тундрово-сетевое рыболовство — характерный сезонный промысел оленеводческих хозяйств; низово-неводной — характерный для малооленных и не связанных с оленеводством хозяйств ненецко-угорского населения нижнего Приобья. Развитое рыболовство, основанное на сетевом и неводном промысле, таким образом, может выступать как полноценная самостоятельная отрасль хозяйства, обеспечивающая пищевые потребности живущего на большой Оби и ее притоках населения, так и в качестве дополняющей части хозяйства, вносящего необходимое разнообразие в диету коллективов, занятых оленеводством. В ряде случаев также фиксируется трансформация сетевого промысла рыбы ценных пород в специализированную отрасль — товарную добычу рыбы [9].

Характерные приемы промысла, соотносящиеся с охотничье-рыболовным хозяйственным типом, фиксируемым по данным археологии, вполне сопоставимы с выделяемыми А. В. Головневым таежным неводно-запорным и таежным запорно-сетевым типом рыболовства хозяйств селькупов и лесных ненцев [9, с. 29].

Промысел крупных копытных (северного оленя и лося), по мнению ряда исследователей, оставался основным занятием населения крайнего севера Евразии вплоть до конца первого тысячелетия нашей эры [10].

Заключение

Снижение роли охоты в традиционной культуре аборигенного населения принято связывать с качественным переходом от присваивающего к особым формам производящего хозяйства — развитием оленеводства, которое стало основой традиционной культуры в первую очередь населения тундровой зоны. Оно неизбежно привело к смене общей парадигмы экономики от оседлых форм, связанных с эксплуатацией естественных биологических ресурсов, к появлению производящей северной кочевой экономики. Вместе с тем важно отметить, что сформированные в древности адаптационные модели, основанные на эксплуатации биологических ресурсов, не утратили своей актуальности, оставаясь как минимум вспомогательной частью сложной и развивающейся экономической системы аборигенного населения Нижнего Приобья на всем протяжении его истории. Также в ряде случаев, связанных с различными кризисными ситуациями, переход от производящего к присваивающему хозяйству способен обеспечить выживание отдельных коллективов, что, учитывая высокие риски такой отрасли, как оленеводство, является немаловажным фактором.

Список источников

1. Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования // Археология Арктики. — Вып. 5, приложение. — Салехард, 2018. — 149 с.
2. Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Значение рыболовства в финальном каменном веке Нижнего Приобья (по материалам поселения Горный Самотнел-1) // Самарский научный вестник. — 2018. — Вып. № 4 (25). — С. 193–197.
3. Тупахин Д. С. О роли древесины в хозяйстве древнего населения Нижнего Приобья (по материалам поселения Горный Самотнел-1) // I Международная конференция «Археология Арктики». — Салехард, 2017. — С. 57–60.
4. Кардаш О. В. Раскопки стоянки Салехард-1 (Обдорский городок) в 1946 и 2000 годы // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. — Томск, 2005. — С. 17–20.

5. Чикунова И. Ю. Городище Усть-Васьеган-1 в Северном Приобье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань, 2014. — Т. 3. — С. 554–558.
6. Васильев Е. А. Транскультурные традиции Северо-Западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестник Томского государственного университета. История. — 2016. — № 4 (42). — С. 98–102.
7. Королев Ю. Г., Хлобыстин Л. П. Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал // КСИА. — № 115. — М., 1969. — С. 79.
8. Рудковский С. И., Глызин И. П. Раскопки поселения Лов-санг-хум II // Археологические открытия. — Вып. 2005. — М., 2007. — С. 509–511.
9. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск, 1993. — 204 с.
10. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. — М.: Наука, 1976.

References

1. Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. Eneolithic settlement Gorny Samotnel – I: materials and research. // Arctic Archaeology. — Issue 5, addition. — Salekhard, 2018. — 149 p.
2. Tupakhina O. S., Tupakhin D. S. The importance of fishing in the final Stone Age of the Lower Ob region (based on the materials from the settlement Gorny Samotnel-I) // Samarsky Nauchny Vestnik. — No. 4 (25). — 2018. — P. 193–197.
3. Tupakhin D. S. About the role of wood in ancient economy of the Lower Ob region (based on the materials from the settlement Gorny Samotnel-I) // I international conference “Arctic archaeology”. — 2017. — P. 57–60.
4. Kardash O. V. Excavations of the Salekhard-I (Obdorsky gorodok) site in 1946 and 2000 // Problems of historical and cultural development of ancient and traditional society of the Western Siberia region and contiguous territories. — 2005. — P. 17–20.
5. Chikunova I. Yu. Settlement Ust-Vas'egan-1 in the northern Ob-river area // Materials of IV (XX) all-Russian archaeological conference in Kazan. — 2014. — Vol. 3. — P. 554–558.
6. Vasilyev E. A. Transcultural traditions of North-West Siberia in the Neolithic and Early Metal Age // Tomsk State University, Journal of History. — 2016. — No. 4 (42). — P. 98–102.
7. Korolev Yu. G., Khlobystin L. P. The Yorkutinkaya site in Yamal peninsula // KSIA. — 1969. — No. 115. — P. 79.
8. Rudkovsky S. I., Glyzin I. P. Excavation of the Lov-Sang-Khum II site // Archaeological discoveries. — 2007. — Vol. 5. — P. 509–511.
9. Golovnev A. V. Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia. — Novosibirsk, 1993. — 204 p.
10. Simchenko Yu. B. The culture of reindeer hunters in Northern Eurasia. — M.: Nauka, 1976.

Сведения об авторах

Ольга Сергеевна Тупахина, 1977 г. р. Окончила исторический факультет Благовещенского государственного педагогического университета в 2001 г. По окончании аспирантуры Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН в 2008 присвоена степень кандидата исторических наук. Старший научный сотрудник Научного центра изучения Арктики с 2012 г. Сфера научных интересов: первобытная история Арктики, древние керамические технологии, древние поселения

Даниил Сергеевич Тупахин, 1988 г. р. Окончил исторический факультет Томского государственного университета в 2014 г. Лаборант (с 2013 г.), младший научный сотрудник (с 2014 г.) отдела археологии Научного центра изучения Арктики. Сфера научных интересов: древняя история Арктики, каменные индустрии древности, применение методов естественных наук в археологических исследованиях.

Information about the authors

Olga Sergeevna Tupakhina, born in 1977. Graduated from the historical department of the Blagoveshchensk State Pedagogical University in 2001. Received a Ph.D. degree at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian branch of RAS in 2008. Senior researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia) since 2013. Research interests: Arctic prehistory, ancient pottery technologies, ancient settlements.

Daniil Sergeevich Tupakhin, born in 1988. Graduated from the historical department of the Tomsk State University in 2014. Laboratory assistant (since 2013), Junior researcher (since 2014) at the Arctic Research center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: ancient Arctic history, stone industries, natural science methods in archaeological research.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on on February 12, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 45–66.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 45–66.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 902(985)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.004

ДРЕВНЕЕ САМОДИЙСКО-УГОРСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ОТ ПЕРВЫХ АРТЕФАКТОВ К ТУНДРОВЫМ МИГРАЦИЯМ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Андрей Васильевич Гусев¹,

Андрей Владимирович Плеханов²

^{1,2} *Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия*

¹ *gusev_av2004@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1812-4741>*

² *andrei_plehanov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7334-6684>*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения археологических артефактов эпохи раннего железного века и Средневековья из памятников севера Западной Сибири. Эти изделия из рога северного оленя являются деталями оленьей упряжи и одновременно свидетельствами использования животных в транспортных целях. Приведен историографический обзор по проблеме появления оленеводства в регионе. Результатом изучения археологических деталей упряжи, археологического контекста средневековых тундровых памятников, изменения образа жизни населения является удревнение времени появления оленеводства в транспортном виде к рубежу эр. Навыки оленеводства накапливались в среде местного населения гораздо более продолжительное время, чем это считалось прежде.

Ключевые слова: ранний железный век, эпоха Средневековья, север Западной Сибири, оленеводство, детали оленьей упряжи.

Цитирование: Гусев А. В., Плеханов А. В. Древнее самодийско-угорское оленеводство на севере Западной Сибири: от первых ар-

тефактов к тундровым миграциям (по данным археологии) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 45–66. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.004

Original article

ANCIENT SAMOYEDIC-UGRIC REINDEER HUSBANDRY IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA: FROM THE FIRST ARTIFACTS TO TUNDRA MIGRATIONS (ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

Andrey V. Gusev¹, Andrey V. Plekhanov²

^{1,2} *Arctic Research Center, Salekhard, Russia*

¹ *gusev_av2004@mail.ru <https://orcid.org/0000-0003-1812-4741>*

² *andrei_plekhanov@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-7334-6684>*

Abstract. The article presents the results of the study of archaeological artifacts from the Early Iron Age and the Middle Ages from the sites of the north of Western Siberia. These artifacts made of reindeer horn are parts of reindeer harness and at the same time evidence of the use of reindeer for transport purposes. The article contains a historiographic review of the appearance of reindeer husbandry in the region. As a result of the study of the archaeological harness details, archaeological context of medieval tundra sites, and changes in the lifestyle of the population, it turns out that reindeer husbandry in transport form had appeared by the turn of the era, i.e., earlier than it was presumed previously. The local population had been accumulating the reindeer husbandry skills for a much longer time than the scientists presumed previously.

Keywords: Early Iron Age, Middle Ages, North of Western Siberia, reindeer husbandry, details of reindeer harness.

Citation: Gusev A. V., Plekhanov A. V. Ancient Samoyedic-Ugric reindeer husbandry in the north of Western Siberia: from the first artifacts to tundra migrations (according to archaeological research) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 45–66. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.004

Введение

В регионе северо-востока Европы, Приуралья и севера Западной Сибири выпасается самое многочисленное поголовье северных оленей в мире, выделяемое специалистами в ненецкую породу [1, с. 13]. По мнению зоологов, ненецкая порода (как и три другие породы современных северных оленей: эвенкийская, эвенская и чукотская) выведена путем «народной селекции», т. е. далекими предками представителей данных этносов. Таким образом, истоки происхождения домашнего оленеводства должны рассматриваться в связке с этногенезом ведущих народностей.

Традиционно изучение одомашнивания северного оленя разделяется на две самостоятельные проблемы: 1) поиск истоков этого явления; 2) обстоятельства трансформации его в крупностадную форму современного типа [2]. Если вопросы перехода к крупностадному хозяйству рассмотрены учеными уже достаточно подробно, то первые шаги на пути одомашнивания северного оленя остаются по-прежнему малоизучены. Новые археологические данные позволяют существенно расширить имеющиеся сведения по этой проблеме. Артефакты и их контекст с памятников Усть-Полуй, Ярте-6, Тиутей-Сале-1 позволяют на сегодняшний день реконструировать поступательное развитие домашнего оленеводства с рубежа эр до XIII–XIV вв. н. э.

Историография вопроса

Рамки статьи не позволяют дать полный анализ мнений относительно времени и места происхождения евразийского домашнего оленеводства, уместно лишь привести основные точки зрения на эту проблему. Это крайне важно, поскольку новые археологические данные существенно удревняют начало процесса одомашнивания северного оленя, нежели это изложено в консолидированной позиции этнографов, — от рубежа I–II тыс. н. э. до XIV–XV вв.

Традиционно в историографии разными авторами противопоставляются сторонники условно раннего и позднего периода одомашнивания, а также поли- и моноцентристы [3, с. 408; 4; 5, с. 75–77; 6, с. 39; 7, с. 19–22]. В самом начале дискуссии исследователями предполагалась самое разное время — от древности глубиной в несколько тысячелетий до близкого к современности периоду, исчисляемому всего лишь 2–3 столетиями. Районом первичного зарождения оленеводства становились то

один «саянский корень» (моноцентр по Б. Лауферу, Г. Хетту, В. Г. Богоразу, Ф. Флору, В. Н. Скалону и др.), то на паритетных началах с забайкальским (тунгусским по А. Н. Максиму, Г. М. Василевичу и М. Г. Левину) или скандинавским [8, с. 77; 4, с. 5]. По нашему мнению, с самого начала основным предметом спора была даже не столько сама глубина древности этого явления и не место его первичного исхода, сколько соотношение пальмы первенства в изобретении домашнего оленеводства с предками того или иного этноса. Сторонники раннего одомашнивания северных оленей исходили из логики существования весьма длительной традиции охоты на диких животных и, как ее закономерного результата, формирования самобытного оригинального достижения северных этносов в виде одомашнивания. Наиболее настойчиво эту позицию отстаивал В. Г. Богораз, связывающий время зарождения одомашнивания с периодом «отступления ледников» на север [9, с. 247]. Для аргументации он привлек мнения У. Т. Сирелиуса о том, что «приручение оленей относится к весьма отдаленной эпохе», и Ф. Нансена: «Достоверно одно, тундренное кочевое хозяйство с его оленеводством является древним» [9, с. 225]. С мнением Ф. Нансена соглашался К. Доннер [10, с. 36]. В последующее время по этой проблеме высказались и зоологи. Так, Е. А. Богданов, Е. Я. Борисенко, С. Н. Боголюбский полагали, что приручение северных оленей относится к неолиту, когда в северных районах еще не была известна домашняя лошадь [11, с. 47; 3, с. 412]. За глубокую древность домашнего оленеводства в самом начале дискуссии ратовали и археологи Г. П. Сосновский и В. И. Равдоникас [8, с. 86].

В 1920–1930-х гг. на севере Западной Сибири начинают работать молодые ученики и последователи идей В. Г. Богораз: В. Н. Чернецов и Г. Н. Прокофьев, позднее — Г. Д. Вербов, Л. В. Хомич, занятые среди прочего и поисками палеоазиатского следа в среде самодийцев. Упорная и напряженная работа в итоге дала «нужные» результаты, тем самым надежно укрепив основание фундамента южносамодийской гипотезы [12; 13, с. 22].

Теоретической подосновой позднего появления домашнего оленеводства на севере стала господствующая в науке концепция И. Э. Фишера — М. А. Кастрена о южносибирской прародине самодийских народов [7, с. 19–22]. Согласно ей, предки современных финских народов, со своими неразлучными соседями протосамодийцами, являются выходцами из районов Саяно-Алтайского нагорья [15, с. 47]. Вытесняемые тюр-

ками к северу, они ассимилировали разрозненные группы палеоазиатов, дав впоследствии новые титульные этносы. Эта идея, оформленная в научную концепцию М. А. Кастреном, передавалась от одного поколения ученых другому на протяжении всего XX в., став, по меткому замечанию А. В. Головнева, недвижимой «историографической глыбой» [15, с. 46]. На 1950–1960-е гг. пришелся едва ли не пик изучения проблемы оленеводства. Вместе с находкой погребенного коня в оленьей маске из пазырыкского кургана (раскопки М. П. Грязнова) археологические артефакты прочно вошли в круг источников по этой проблеме. Вскоре о находке двух деревянных скульптур оленей с резным орнаментом, отдаленно напоминающим ременную упряжь, заявил Л. Р. Кызласов [16, с. 41, рис. 2]. Для аргументации своей гипотезы автор использовал писаницы таштыкского времени, демонстрирующие сцены верховой охоты на оленей [16, рис. 8, 9]. Еще об одном южном свидетельстве древнего оленеводства — Большой Боярской писанице, датированной временем около рубежа эр, — писала М. А. Дэвлет [17, с. 6]. Археолог В. Н. Скалон, рассматривая петроглифы и оленные камни Западной Монголии, предполагал существование там ранних (доконеводческих) культур оленеводов, вышедших первично с Саян. Причины же их последующего исчезновения он связывал с изменениями климата в этом районе [18, с. 104–105].

Однако спустя какое-то время споры и предложения зоологов и археологов поутихли, а инициатива решения вопросов происхождения оленеводства перешла целиком в руки советских этнографов и работающих с ними лингвистов. Они в большинстве своём рассматривали одомашнивание северного оленя как результат миграции населения с юга на север, принципиально позднего заимствования от более высококультурных соседей, знакомых с коневодством или другими ранними видами домашних животных [8, с. 87].

Исследователи трудились в рамках устоявшихся постулатов, реконструировали и разрабатывали сложные схемы миграций с опорой на карту археологических культур, начиная едва ли не с конца каменного века [19]. Результатом такой деятельности стал подробнейший разбор всех составляющих компонентов оленеводческого хозяйства, анализ различных типов и форм разведения, способов выпаса, езды, окарауливания, деталей упряжи, терминологии и пр. Разбирая этот материал, ученые выстраивали генетические связи и реконструировали цепочки передачи технологических навыков от одного этноса к другому. Конечно же, привлекались

все возможные письменные источники, самым ранним из которых по нашему региону оказалось «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне» конца XV в., в котором упоминалась езда на оленях и собаках у самоедов [20, с. 83–97]. К этому относились как к непоколебимому факту, осмысление которого привело Г. М. Василевич и М. Г. Левина к мысли о широком распространении ездового собаководства, предшествующего оленному транспорту, вплоть до XV в. Одомашнивание северного оленя местными племенами не отвергалось целиком, ведь на него умели охотиться с помощью обученного манщика, но в изобретении оленеводства им было всё же отказано. Произойти это могло, по мнению авторов, лишь с экспансией самодийцев, знавших, правда, лишь верховое (саяно-алтайское) оленеводство. Впрочем, в условиях уменьшения физических размеров своих домашних поголовий пришельцы быстро переняли идею собачьей упряжки от аборигенов [8, с. 79]. Получалось, что в X–XIII вв. ездили только на собаках, а в XV в. — уже на собаках и на оленях, а после ездовое собаководство и вовсе практически исчезло. Оленеводство имело лишь транспортное значение до середины XVIII в., после чего начинается увеличение размеров стад, связанное с повальным истреблением диких особей [21, с. 51]. Предложенная для столь короткого временного отрезка динамика преобразований в местной культуре не вызывала сомнений у авторов.

Впрочем, с интенсивными археологическими работами в Приобье заполнялась и археологическая картина древних культур, к которой регулярно обращались этнографы. Столь быстрый период формирования оленеводческого хозяйства, по мере наполнения данными по этногенезу, всё же растянули на гораздо более продолжительное время. Например, И. И. Крупник относил начало этого процесса к рубежу I–II тыс. н. э. [2, с. 57]. С этой точкой зрения (с небольшими вариациями) соглашалось большинство этнографов [5, 19]. Впрочем, зачастую вопрос датировок авторы предпочитали оставлять открытым. Попытку привязать этапы одомашнивания к хронологии осуществил С. И. Вайнштейн. Он, разделяя мнение В. Н. Чернецова о прародине северных самодийцев в тайге и лесостепи между Иртышом и Енисеем и вытесненных в свое время на север карасукцев и тагарцев, предполагал первичную domestикацию оленя в этом районе еще в I тыс. до н. э. Но первоначально олень использовался скорее в качестве подручного запаса пищи, и лишь спустя определенное время (в I тыс. н. э.) произошла трансформация его в транс-

портное, первоначально вьючное животное. Верховое же оленеводство, по его мнению, соотносилось уже с XIV–XVI вв. [4, с. 9–14].

Взятый за основополагающий вектор распространения оленеводства «юг–север», впрочем, плохо сочетался с промежуточным расселением на этой территории угорского населения. До определенного времени предкам ханты и манси вообще отводилась весьма скромная роль народов, перенявших готовые оленеводческие технологии от соседей самодийцев [22, с. 166–170]. Однако согласно такой логике оленеводство должно было сначала достигнуть самого севера, трансформироваться из верхового в упряжное и лишь потом вновь продолжить свое распространение в новом виде на юг — к манси и восточным хантам [23, с. 140]. Эту ситуацию во многом удалось переломить Н. В. Лукиной, стоявшей на позиции значительной самостоятельности происхождения угорского оленеводства. Аргументов к тому нашлось немало: это и схожие письменные свидетельства того же периода о езде югорских князей на оленях, и своя терминология [23, с. 138–144]. Н. В. Лукина же одна из первых, рассуждая о древности оленеводства, обратила внимание на археологические материалы того же Усть-Полуя, отмечая большую роль оставившего его населения как в древнеугорском этногенезе, так и в одомашнивании северного оленя.

Переосмысление значения усть-полуйских артефактов ямальскими археологами связано с возобновлением археологических работ на Усть-Полуе в 1993–1995 гг., а также изучением памятников п-ва Ямал Н. В. Федоровой. Археологическая картина периода около рубежа эр свидетельствовала о масштабных культурных преобразованиях в Северном Приобье: появление в местной среде далеких импортов, боевого оружия, памятников со схожей орнаментацией керамики на огромных пространствах, экспансия таежного населения на юг. Ключевым фактором, по мнению Н. В. Фёдоровой, стало появление в это время совершенно нового вида транспорта, на фоне сохранения традиционных отраслей — охоты и рыболовства. Взаимодействие с южными культурами вызвало бурные изменения в общественном мировоззрении, моде, социальной структуре и т. д. [24, с. 60]. Одновременно с этим оспаривалась и исключительная роль саяно-алтайского очага: «Ненцы ни откуда не пришли, а всегда в виде каких-то своих дальних предков присутствовали на севере Западной Сибири. Северного оленя одомашнили здесь же и давно — во всяком случае, в I в. до н. э.» [24, с. 66].

Эту точку зрения поддержал А. В. Головнев, полагая, что основные аргументы за передачу самодийских традиций с юга на север в равной мере применимы и для обоснования их прямо противоположного продвижения [15, с. 46]. Применительно к оленеводству на фоне возрастающего значения пушного промысла «транспортные олени стали представлять собой значительную ценность, возрастанию которой способствовало превращение оленных упряжек в «боевой» транспорт» [25, с. 93]. Он также согласился с предложенной ранней датировкой этих процессов «с рубежа эр» [7, с. 31]. В этой связи интерес представляет собственная гипотеза А. В. Головнева относительно района первоначального одомашнивания северного оленя, которым мог стать Северный Урал: «Обоснованной представляется точка зрения И. В. Друри, согласно которой в ходе массового промысла при миграциях дикого оленя охотники захватывали небольшие группы животных и удерживали их у жилищ, применяли первоначально как маншиков или пищевой резерв, а затем в качестве средства передвижения» [25, с. 105; 26, с. 154]. В последующем А. В. Головнев, как этнограф, наполнил свою гипотезу мифологическим содержанием. Ранние охотники «манту и сихиртя» еще не знали оленей, но «яптики» (ранние ненцы), благодаря богу — Старику Сихиртя, становятся обладателями оленя-спутника [27, с. 104].

В последние годы рядом иностранных авторов развивается подход к пониманию одомашнивания через интуитивное восприятие и взаимодействие между человеком и животным [28, 29]. При этом в фокусе внимания оказывается в первую очередь его ранняя фаза — приручение до глобальных селективных изменений, отразившихся на внешнем виде и генетике. Нечто схожее реализует в своей «Антропологии движения» А. В. Головнев. Поведенческие схемы (схему пастыря, схему хищника) еще палеолитический человек заимствовал из природы через механизм мим-адаптаций. Свои деятельностные схемы люди, осваивающие новые территории, заимствовали у бурого медведя и льва (для северной Евразии), занимая его пещеры, или белого медведя, «хозяина Арктики» (на Жоховской стоянке). Человек «не разрывал пут звериного мира <...>, становился его пастырем, сверхзверем» [30, с. 55–57].

В реальной практике далеко не всякий домашний олень пригоден к использованию в упряжке. Каждое ездовое животное проходит период обучения, при котором выявляются его выносливость, сила, манера поведения, что непременно учитывается хозяином-оленоводом в после-

дующем. Обучение начинается после первого года или уже ближе к двум, когда организм животного считается более окрепшим. Кастрированные быки, реже — важенки, привязываются за шею к заднику нарты и тренируются так ежедневно по нескольку раз. Животное постепенно привыкает к веревке на шею и к необходимости бежать за нартой. После этого обучаемого оленя запрягают в середину, меж двух обученных сильных быков [13, с. 112]. Это непростой путь, на котором отбраковываются слабые, больные или неуправляемые животные.

Таким образом, решение проблемы начального одомашнивания северного оленя относится к гораздо более ранним этапам истории, чем доступные сведения из письменных источников и данных этнографии. В этом смысле роль археологических источников становится ключевой, однако осмысление их должно быть комплексным и учитывать как функциональное использование самих артефактов, так и общий контекст археологических памятников.

Обсуждение археологических данных

Ранний железный век

На сегодняшний день при раскопках сакрально-производственного центра Усть-Полуй, среди прочего материала, собрана довольно информативная коллекция предметов, имеющих самое прямое отношение к процессам зарождения оленеводства. Памятник представляет собой площадку для подготовки и проведения важнейших культовых мероприятий местного населения в III в. до н. э. — II в. н. э. [32, 33, 34].

1. Г-образные пластины с зубчиками, которых известно около десятка (рис. 1: 1–3). По своим внешним данным выделяются три варианта изделий: 1 — с зубцами и пазом для шнура на внешней стороне; 2 — с зубцами и уже без паза; 3 — без зубцов и паза [35, с. 81–82]. В. И. Мошинская описала подобные изделия как части уздечки оленя-манщика [14, с. 78, табл. IV]. Действительно, у северных народов известен способ охоты на дикого оленя путем отвлечения его внимания на прирученного оленя, однако обучить животное слушаться команд через длинную веревку принципиально вряд ли легче обучения движению в упряжке [5, с. 96]. К тому же редкие достоверные пластинки манщика гыданских и канинских ненцев, показанные Ю. Б. Симченко, снабжены иными зубцами — более частыми и длинными, да и крепились они на затылке животного [5, рис. 2].

Рис. 1. Детали оленьей упряжи Усть-Полюя: 1–3 — Г-образные налобники; 4–5 — прямые пластины; 7–8 — застёжки-пояски; 9–13 — двухчастные вертлюги; 14–15 — пуговицы; 16 — кольцо-навершие хоря (14 — кость, остальное — рог северного оленя)

2. Прямые пластины упряжи с зубцами, девять целых и фрагментированных экземпляров (рис. 1: 4–5). В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская в своей ранней работе именовали их как «части уздечки оленя-манщика» [14, табл. IV]. Позднее В. И. Мошинская уже отнесла эти предметы к категории ледовых подковок, известных по культурам морских зверобоев, ведь именно ее следы так искал В. Н. Чернецов [33, с. 21–22; 14, с. 84]. Общее сходство усть-полуйских предметов с реальными ледовыми подковками действительно есть [36, с. 95, табл. 14, 5, 10, табл. 27, 1; 37, с. 195, рис. 195]. Однако при внимательном рассмотрении становится ясно, что они никак не могли быть ледовыми подковками. Эти изделия служили деталями оленьей упряжи и составляли парные комплекты с Г-образными налобниками.

Прямые пластины, правда, гладкие, широко используются в современной упряжи оленеводов. В «Историко-этнографическом атласе Сибири» в комплекте ненецкой упряжи у ведущего оленя представлены две симметричные Г-образные налобные пластины [38, с. 13, рис. 36]. На самом деле применение прямых пластин в паре с Г-образными наголовниками не такая уж редкость [39, с. 25, 39, 259; 40, с. 317, кат. 300].

3. Застежки-пояски (в количестве около 25 штук) представляют собой стержни, иногда слегка уплощенные, с отверстиями в середине (рис. 1: 7–8). За отверстие поясик привязывался к шнуру, после чего продевался в петлю или прорезь ремня приемника. Такие предметы необходимы для быстрого скрепления или разъединения ремней, потому часто применяются именно в различных видах упряжи. В средней расширяющейся части может быть одно или два отверстия, концы чаще притуплены, но есть изделия и с одним игловидным окончанием. В. И. Мошинской застежки-пояски были отнесены к категории средств передвижения, под которым подразумевалась собачья упряжь [33, с. 22]. Однако это сильное ограничение возможных вариантов применения таких изделий. В этнографических коллекциях пояски в форме небольших палочек или спиц — весьма универсальное приспособление, примеры которому в собачьей упряжи, конечно же, известны [38, с. 74, табл. III]. Но с равным успехом пояски можно встретить и на оленьих недоузках [38, с. 44, табл. II]. Более того, во втором случае застежки даже куда более необходимый инструмент, поскольку оленья сбруя более сложна по своему устройству и состоит из нескольких скрепляемых на теле животного ремней.

4. Двухчастные вертлюги в количестве более 200 ед., включая 15 парных комплектов. Изделия по форме приемника можно разделить на 4 условных типа (прямоугольный, втульчатый, Г-образный, подковообразный), гвоздевидная форма стержня оставалась неизменной (рис. 1: 9–13). В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская отнесли их к элементам собачьей упряжи. Трасолог Н. А. Алексашенко, работавшая с вертлюгами Усть-Полуя и этнографическими роговыми изделиями, вполне допускала применение вертлюгов в оленьей упряжке [41, с. 282]. Универсальный характер конструкции вертлюгов делает возможным различное их использование, вовсе не ограниченное одной лишь собачьей упряжкой. В обязательном порядке роговые вертлюги присутствуют в наборах современной ненецкой оленьей упряжи для прикрепления повода ведущего оленя.

5. Костяные пуговицы в количестве около десяти штук. Полусферической (из головки бедренной кости оленя) или плоской (из роговой пластины) формы, в центре обязательно располагалось отверстие (рис. 1: 14–15). Следы от использования просматриваются по краям отверстия, куда продевался шнурок. Принадлежность таких изделий оленьей упряжи основана как на личных наблюдениях образцов современной упряжи, так и на литературных источниках [39, с. 37, 39, 47]. На современной упряжи может располагаться до нескольких десятков пуговиц, часто они играют роль украшения праздничной упряжи.

В качестве остальных предметов набора оленьей упряжи в усть-полуйской коллекции представлены роговое кольцо (навершие тонкого конца деревянного шеста-хорея; рис. 1: 16), роговые наконечники, вероятно от самих хореев, фрагменты роговых блоков и, конечно же, деревянные детали нарт [35]. Таким образом, среди артефактов из культурного слоя Усть-Полуя мы можем видеть весь необходимый набор деталей упряжи, за исключением лишь самих кожаных ремней.

Усть-полуйские детали упряжи не являются единичным явлением, аналоги их известны среди находок из других археологических памятников. Вертлюги имеют аналоги среди хронологически и территориально близких памятников Приобья — городищ Катравож и Няксимволь, а также Туманского-1 святилища в Приуралье [33, с. 81, табл. 17, 2; 42, с. 31, ил. 13, 4; 43, с. 143, рис. 12, 5].

Вопрос соответствия усть-полуйских изделий и нетипичных для современной упряжи зубцов был специально рассмотрен нашими иностранными коллегами Р. Лозеем, Т. Номоконовой, Д. Андерсоном в 2017–

2018 гг. [29]. Итоги можно подвести следующие: применение зубцов на роговых деталях упряжи отвергается современными оленеводами для регулярного использования, это опасный элемент, способный ранить животное. При этом применение колючих налобников всё же допустимо в случае обучения наиболее строптивых оленей, при подготовке молодняка к движению в упряжке. Один лесной ненец-оленеvod даже вспомнил, что когда-то использовал колючий наголовник в течение нескольких дней при обучении непослушного молодого быка [29]. Спустя какое-то время этот рожок был выброшен за ненадобностью. Рассуждая о сравнительно малых размерах древних роговых налобников, ненцы предполагали, что здесь могло иметь место современное восприятие «большой» упряжи как индикатора богатства и престижа хозяина-оленевода. Все семьи оленеводов в наше время имеют праздничную, отличную от повседневной упряжку для поездок на значимые события. Наконец, в принимавшей ученых семье Окоэтто объяснили, что в период сильных зимних морозов в тамбейской тундре иногда вообще не используют роговые налобники, поскольку, даже будучи гладкими, они ранят голову оленя. Это не очень удобно, но допустимо в определенной ситуации. Впрочем, отказ от роговых деталей в оленьей упряжи не является чем-то уникальным для Сибирской Арктики [38, рис. 8]. Признание вертлюгов в качестве «своих» среди оленеводов продемонстрировало определенную избирательность. Самая многочисленная форма с прямоугольным приемником вообще не вызывала ассоциаций с вертлюгами. Зато другие изделия (подковообразные и Г-образные) определялись совершенно уверенно как аналоги современных металлических изделий.

Эпоха Средневековья

В нашем понимании только транспортное оленеводство дало возможность освоения новых (до определенного времени — труднодоступных) тундровых территорий. На археологической карте п-ва Ямал памятники ранних эпох (от эпохи камня до раннего железного века) зафиксированы лишь в южной части (южнее широты р. Юрибей). Очевидно, что этот район посещался людьми с самой глубокой древности. К северу фиксируются многочисленные памятники-стоянки, начиная только с эпохи Средневековья, т. е. с VI—VII вв. н. э. В большинстве своем они представляют собой остатки кострищ или случайные находки на песчаных выдувах. Это места кратковременного пребывания на путях калаша, сезон-

ных движений между районами промысла или же следования за стадами диких оленей с целями регулярной охоты. Керамика из тундровых кострищ по своему облику близка кругу памятников северотаежных культур Западной Сибири, что отражает исходные районы миграции стремящейся к северу части населения. В любом случае передвижение по открытой тундре на столь значительные расстояния, по нашему мнению, вряд ли могло осуществляться без использования тяглового усилия одомашненных оленей.

Одновременное со стоянками на выдувах бытование памятников продолжительного (сезонного или круглогодичного) проживания наглядно документирует процесс поэтапного освоения открытой тундры. Речь идет о местах выгодного промысла, посещение которых перекрывало все трудности, возникающие в пути. Таковы производственные поселения на побережье Карского моря: Тиутей-Сале-1–3 (VI–VIII и XII–XIV вв.); на территории внутренних тундр: Ярте-6 (XI–XII вв.); на берегу Обской губы: бухта Находка (XII–XIV вв.). К числу уникальных памятников с большим количеством находок в культурном слое следует отнести городище Ярте-6, возникшее на пути традиционных миграций оленьих стад (место сезонных поколок) в среднем течении р. Юрибей. Во вскрытой части хозяйственного рва (27 м²) Ярте-6 было зафиксировано свыше 19 тыс. единиц костей. Вблизи места охоты был организован и производственный центр, ориентированный на интенсивную товарную переработку шкур оленя. Здесь обнаружено много хозяйственных скребков для обработки, выполненных из рога, дерева, камня. Только свыше 200 экземпляров в этой коллекции составляют скребки из лопатки оленя [44, с. 49–60]. Анализ почвы на содержание ферментов северного оленя выявил концентрацию большого количества липидов северного оленя в слое памятника. Проведение же магнитометрических исследований выявило возможное наличие кострищ по периметру места длительного пребывания домашнего северного оленя. Возможно, всё вместе это является остатками следов средневекового короля [45].

При раскопках грунтового могильника Юр-яха-3, также в бассейне р. Юрибей, было зафиксировано женское погребение, в котором содержался двуручный струг — скребок для обработки шкур [46]. Это совершенно типичный предмет погребального инвентаря для поздних могильников оленеводов XIX в. На основе анализа C14 деревянной рукояти скребка была получена довольно ранняя дата — 1034 ± 28 г. н. э.

Следы пушной охоты, имеющей признаки товарной добычи, зафиксированы на двух тундровых поселениях: Тиутей-Сале-1 и бухта Находка. П. А. Косинцевым с каждого из этих памятников было проанализировано более чем по 1700 экземпляров нерасчлененных скелетов песцов. Почти все кости песцов первоначально были выброшены в виде тушек, при этом людей интересовали исключительно шкурки.

На городище Ярте-6 и поселении Тиутей-Сале-1 мы можем наблюдать следы проживания семейными коллективами. Это подтверждается находками мужских орудий, детских игрушек (модели лодок, весел, луков, стрел, топоров, деталей нарт и волчков), предметов, связанных с типично женскими ремеслами (шитье, починка берестяной посуды). Если попытаться представить вероятное количество оленей, которое было необходимо для ведения реконструированного образа жизни, то оно вряд ли было меньше 200, а, скорее всего, даже больше [47]. Возможность постоянных передвижений семейных коллективов (со всем своим имуществом и грузом изделий для торговли) столь далеко от мест зимовок в лесотундровых районах Приобья или Пур-Тазовского междуречья и обратно могла появиться только при нарастающем влиянии кочевого оленеводства у части населения.

Заключение

Кратко суммируя выводы из наших исследований, можно заключить, что оленеводство, на первых порах в его транспортном варианте, возникло совершенно отчетливо не позднее рубежа эр. Узко локализовать его очаг вряд ли возможно, однако в качестве исходной позиции уместно рассматривать северную тайгу и лесотундру Западной Сибири. Другими словами, более притягательным в решении этой проблемы видится полицентрический подход. В рамках этого подхода предложенная А. В. Головневой версия о первичном районе одомашнивании в предгорьях Северного Урала видится вполне реалистичной.

В транспортной форме оно существовало на протяжении очень длительного времени, вплоть до позднего Средневековья. Основным археологически уловимым достижением за это время нам видится освоение самой «оленной» территории — зоны открытых тундр, начавшееся в VI–VIII вв. Налобники остаются в прежнем виде с характерными зубцами, а немногочисленные археологические памятники с мощным культурным слоем, демонстрируют нам основное свое предназначение в качестве пунктов спе-

специализированной промысловой охоты (добыча морского зверя, пушнины, массовый забой на путях миграции дикого оленя). Однако удаленность их от лесной зоны, наличие следов многочисленных стоянок во внутренних тундрах — отчетливые свидетельства специализации части населения, регулярно мигрирующей в тундру и обратно и постоянно совершенствующей свои навыки обращения с северным оленем. Это освоение территории и выработка путей миграции, системы окарауливания и размерности домашних стад, кастрация и селекция по поведенческим признакам. У части населения, все дальше проникающего на север, формируется совершенно новый подход к мобильности. Зрело это довольно долго, пока не произошел взрывной рост оленеводства в середине XVIII в. с трансформацией в крупностадную форму [2; 48, с. 147]. С этого момента оленеводство перерастает из транспортной функции, обеспечивающей условия для выгодного промысла, в самостоятельную отрасль местной экономики. Следует согласиться с мнением большинства этнографов об удачном стечении многих факторов для такого скачка. Это и благоприятное климатическое похолодание, и появление огромного рынка спроса на товары оленеводства. Однако, по нашему мнению, присутствует недооценка или ошибочное отрицание роли важнейшего из них — длительной региональной адаптации человека и северного оленя. Без одомашнивания оленя и изобретения упряжки в усть-полуйское время освоение открытых тундр было бы невозможно, а без усовершенствованных навыков, полученных именно в тундре, не произошел бы переход к крупностадному содержанию.

Список литературы

1. Лайшев К. А., Южаков А. А., Романенко Т. М., Деттер Г. Ф., Зуев С. М. Современные методы исследований и модели в северном оленеводстве. — Салехард: ГУ «Северное издательство», 2019. — 224 с.
2. Крупник И. И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. — 1976. — № 2. — С. 57–69.
3. Боголюбовский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. — М.: Советская наука, 1959. — 593 с.
4. Вайнштейн С. И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии. Саянский очаг одомашнивания оленя // Советская этнография. — 1970. — № 6. — С. 3–14.
5. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: этнографическая реконструкция. — М.: Наука, 1976. — 309 с.
6. Помишин С. Б. Происхождение оленеводства и domestикация северного оленя. — М.: Наука, 1990. — 141 с.

7. Головнев А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — 344 с.
8. Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение // Советская этнография. — 1951. — № 1. — С. 63–87.
9. Богораз В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы // Проблемы происхождения домашних животных. — Л., 1933. — Вып. 1. — С. 219–251.
10. Нансен Ф. Через Сибирь. — М.: Игра слов, 2012. — 121 с.
11. Богданов Е. А. Происхождение домашних животных. — М.: Сельхозгиз, 1937. — 317 с.
12. Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — 284 с.
13. Ненецкое оленеводство: география, этнография, лингвистика / под. ред. Д. В. Арзютова, М. Д. Люблянской. — СПб.: МАЭ РАН, 2017. — 184 с.
14. Мошинская В. И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.: Наука, 1953. — № 35. — С. 72–106.
15. Головнев А. В. Поиск алтайской прародины: М. А. Кастрен о происхождении самодийцев // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. — С. 45–48.
16. Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // Советская этнография. — 1952. — № 2. — С. 39–49.
17. Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. — М.: ИА РАН, 1976. — 20 с.
18. Скалон В. Н. Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства // Советская археология. — 1956. — Вып. 15. — С. 87–105.
19. Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. — М.: Наука, 1979. — 243 с.
20. Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. — М.—Ньютонвиль: Археографический центр, 1993. — 148 с.
21. Хомич Л. В. Ненцы. — СПб.: Русский двор, 1995. — 336 с.
22. Козьмин В. А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 163–170.
23. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. — 364 с.
24. Федорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. — Екатеринбург—Салехард: УрО РАН, 2000. — С. 54–66.
25. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. — 204 с.
26. Головнев А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. — СПб.: МАЭ РАН, 2018. — 352 с.
27. Головнев А. В. Древний Ямал в контексте мифологии и археологии // ЭО. — 1998. — № 2. — С. 101–115.
28. Ingold T. Five questions of skill // Cultural Geographies. — 2018. — Vol. 25 (1). — P. 159–163.

29. Losey R. J., Nomokonova T., Arzyutov D. V., Gusev A. V., Plekhanov A. V., Fedorova N. V., Anderson D. G. Domestication as Enskilment: Harnessing Reindeer in Arctic Siberia (2020) // *Journal of Archaeological Method and Theory*. — <https://doi.org/10.1007/s10816-020-09455-w>
30. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). — Екатеринбург: УрО РАН: Волот, 2009. — 496 с.
31. Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. — 375 с.
32. Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье // *Материалы и исследования по археологии СССР*. — М.: АН СССР, 1953. — № 35. — С. 221–241.
33. Мошинская В. И. Археологические памятники севера Западной Сибири. — М.: Наука, 1965. — Свод археологических источников. Д3-8. — 89 с.
34. Археология Арктики. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования / науч. ред. О. Н. Корочкова. Т. 1. — Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. — 280 с.
35. Гусев Ан. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // *Археология Арктики*. — Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. — Вып. 4. — Усть-Полуй: материалы и исследования. — Т. 2 / науч. ред. О. Н. Корочкова. — С. 4–103.
36. Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. — М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. — 106 с.
37. Богораз В. Г. Материальная культура чукчей / авториз. пер. с англ. послесл. и примеч. И. С. Вдовина. — М.: Наука. Глав. ред. вост. лит.-ры, 1991. — 224 с.
38. Историко-этнографический атлас Сибири. — М.–Л.: Наука, 1961. — 497 с.
39. Сухановский А. Ф. Оленные люди. — Архангельск: Изд-во СК-Россия, 2009. — 343 с.
40. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 342 с.
41. Алексашенко Н. А. Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ РАН (результаты трасологического изучения) // *Свод археологических источников Кунсткамеры*. — СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. — Вып. 1. — С. 265–301.
42. Стародумов Д. О., Комова Н. Г. Городище Няксимволь: история исследования // *Няксимволь* / отв. ред. Я. А. Яковлев. — Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2014. — С. 19–32.
43. Викторова В. Д. Туманское I поселение, святилище, костыше // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале: сб. статей*. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. — Вып. 3. — С. 126–153.
44. Плеханов А. В. Ярте VI — средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. — Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. — 124 с.
45. Anderson D. G., Harrault L., Milek K. B., Forbes B. C., Kuoppamaa M., Plekhanov A. V. Animal domestication in the high arctic: hunting and holding reindeer on the Iamal peninsula Northwest Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. — 2019. — Vol. 55. — <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.101079>

46. Плеханов А. В. Новые исследования археологического памятника Юр-яха III // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — Салехард, 2016. — № 3. — С. 18–21.
47. Гусев Ан. В., Плеханов А. В., Федорова Н. В. Оленеводство на севере Западной Сибири: ранний железный век — Средневековье // Археология Арктики. — Вып. 3. — Калининград: ИД «РОС-ДООФК», 2016. — С. 228–239.
48. Крупник И. И. Арктическая этноэкология. — М.: Наука, 1989. — 272 с.

References

1. Laishev K. A., Yuzhakov A. A., Romanenko T. M., Detter G. F., Zuev S. M. Modern research methods and models in reindeer husbandry. — Salekhard: Severnoe izdatelstvo, 2019. — 224 p.
2. Krupnik I. I. Formation of large-scale reindeer herding in tundra Nenets // Soviet Ethnography. — 1976. — No. 2. — P. 57–69.
3. Bogolyubsky S. N. The origin and transformation of domestic animals. — M.: Sovetskaya Nauka, 1959. — 593 p.
4. Weinstein S. I. The problem of the origin of reindeer husbandry in Eurasia. Sayan center of domestication of the reindeer // Soviet Ethnography. — 1970. — No. 6. — P. 3–14.
5. Simchenko Yu. B. Culture of reindeer hunters in Northern Eurasia: an ethnographic reconstruction. — M.: Nauka, 1976. — 309 p.
6. Pomishin S. B. The origin of reindeer breeding and domestication of the reindeer. — M.: Nauka, 1990. — 141 p.
7. Golovnev A. V. Nomads of the tundra: the Nenets and their folklore. — Yekaterinburg: Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. — 344 p.
8. Vasilevich G. M., Levin M. G. Types of reindeer husbandry and their origin. — 1951. — No. 1. — P. 63–87.
9. Bogoraz V. G. Reindeer Breeding. Emergence, development and prospects // Problems of the origin of domestic animals. — L., 1933. — Vol. 1. — P. 219–251.
10. Nansen F. Through Siberia. — M.: Igra slov, 2012. — 121 p.
11. Bogdanov E. A. the Origin of domestic animals. — M.: Selkhozgiz, 1937. — 317 p.
12. Sources on the Ethnography of Western Siberia. — Tomsk: Tomsk State University, 1987. — 284 p.
13. Nenets reindeer herding: geography, ethnography, linguistics / D. V. Ortutova, M. D. Ljubljana (eds.). — St. Petersburg: MAE RAS, 2017. — 184 p.
14. Moshinskaya V. I. Material culture and economy of Ust-Poluy // Materials and research on the archeology of the USSR. — M.: Nauka, 1953. — No. 35. — P. 72–106.
15. Golovnev A. V. Search for the Altai ancestral homeland: M. A. Kastren about the origin of the Samoyeds // Problems of interethnic interaction of the peoples of Siberia. — Novosibirsk: IAE SB RAS, 2002. — P. 45–48.
16. Kyzlasov L. R. The oldest evidence of reindeer husbandry // Soviet Ethnography. — 1952. — No. 2. — P. 39–49.
17. Devlet M. A. Bolshaya Boyarskaya Pisanitsa. — Moscow: IA RAS, 1976. — 20 p.

18. Skalon V. N. Deer stones of Mongolia and the problem of the origin of reindeer husbandry // *Soviet archaeology*. — 1956. — Issue 15. — P. 87–105.
19. Vasiliev V. I. Problems of formation of North Samoyedic nationalities. — Moscow: Nauka, 1979. — 243 p.
20. Pliguzov A. I. Text-centaur about Siberian Samoyeds. — M.–Newtonville: Archeographic center, 1993. — 148 p.
21. Khomich L. V. Nenets. — St. Petersburg: Russky dvor, 1995. — 336 p.
22. Kozmin V. A. Speaking of the time of the appearance of reindeer breeding in the Ob Ugrians // *Ethnography of Northern Asia*. — Novosibirsk: Nauka, 1980. — P. 163–170.
23. Lukina N. V. Formation of material culture of the Khanty (Eastern group). — Tomsk: Tomsk State University, 1985. — 364 p.
24. Fedorova N. V. Reineer, dog, Kulaika phenomenon and the legend of Sihirtia // *Antiquities of the Yamal Peninsula*. — Yekaterinburg–Salekhard: Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 2000. — P. 54–66.
25. Golovnev A. V. Historical typology of the economy of the peoples of North-Western Siberia. — Novosibirsk: Novosibirsk State University, 1993. — 204 p.
26. Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. Arctic: Atlas of nomadic technologies. — St. Petersburg: MAE RAS, 2018. — 352 p.
27. Golovnev A. V. Ancient Yamal in the context of mythology and archeology // *The ethnographic review*. — 1998. — No. 2. — P. 101–115.
28. Ingold T. Five questions of skill // *Cultural Geographies*. — 2018. — Vol. 25 (1). — P. 159–163.
29. Losey R. J., Nomokonova T., Arzyutov D. V., Gusev A. V., Plekhanov A. V., Fedorova N. V., Anderson D. G. Domestication as Enskilment: Harnessing Reindeer in Arctic Siberia (2020) // *Journal of Archaeological Method and Theory*. — <https://doi.org/10.1007/s10816-020-09455-w>
30. Golovnev A. V. Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia). — Yekaterinburg: Ural branch of the Russian Academy of Sciences: Volot, 2009. — 496 p.
31. Vizgalov G. P., Kardash O. V., Kosintsev P. A., Lobanova T. V. Historical ecology of the population of the North of Western Siberia. — Ekaterinburg: AMB, 2013. — 375 p.
32. Chernetsov V. N. Ust-poluy time the Ob region // *Materials and researches on archeology of the USSR*. — M.: USSR Academy of Sciences, 1953. — No. 35. — P. 221–241.
33. Moshinskaia V. I. Archaeological sites in the North of Western Siberia. — M.: Nauka, 1965. — Set of archaeological sources D3-8. — 89 p.
34. Archeology of the Arctic. Issue 4. Ust-Poluy: materials and research / scientific ed. by O. N. Korochkova, — Yekaterinburg: Delovaya Pressa publishing House, 2017. — Vol. 1. — 280 p.
35. Gusev An. V. Collection of bone and horn products based on the materials of excavations in 1993–1995, 2006–2015. — Issue 4. — Ust-Poluy: materials and research. — Vol. 2 / scientific ed. by O. N. Korochkov. — Yekaterinburg: Delovaya Pressa, 2017. — P. 4–103.

36. Rudenko S. I. Ancient culture of the Bering Sea and the Eskimo problem. — М.—Л.: GLAVSEVMORPUT publishing house, 1947. — 106 p.
37. Bogoraz V. G. Material culture of the Chukchi. Translation from English, afterword and notes by I. S. Vdovin. — М.: Nauka. Main editorial office of Eastern literature, 1991. — 224 p.
38. Historical and ethnographic Atlas of Siberia. — М.—Л.: Nauka, 1961. — 497 p.
39. Sukhanovsky A. F. People with reindeer. — Arkhangelsk: publishing house of SK-Russia, 2009. — 343 p.
40. Sirelius U. T. Journey to the Khanty. — Tomsk: Tomsk State University, 2001. — 342 p.
41. Aleksashenko N. A. Bone products of Ust-Polui from the collection of the MAE RAS (results of tracological study) // Set of archaeological sources of the Kunstkamera. — St. Petersburg: Publishing house of the MAE RAS, 2006. — Issue 1. — P. 265–301.
42. Starodumov D. O., Komova N. G. Ancient settlement Nyaksimvol: history of research // Nyaksimvol. Responsible editor: Ya. A. Yakovlev. — Tomsk–Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 2014. — P. 19–32.
43. Viktorov D. V. Tumansky I settlement, the sanctuary, sacrificial place // Conservation archaeological research in the Middle Urals: collection of articles. — Yekaterinburg: Bank of cultural information, 1999. — Issue 3. — P. 126–153.
44. Plekhanov A. V. Yarte VI-medieval “settlement” on the Yuribey river (Yamal Peninsula). Catalog of the collection. — Yekaterinburg: Business press publishing house, 2014. — 124 p.
45. Anderson D. G., Harrault L., Milek K. B., Forbes B. C., Kuoppamaa M., Plekhanov A. V. Animal domestication in the high arctic: hunting and holding reindeer on the Iaṁal peninsula Northwest Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. — 2019. — Vol. 55. — <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2019.101079>
46. Plekhanov A. V. New studies of the archaeological site of Yur-Yakh III // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. — Salekhard, 2016. — No. 3. — P. 18–21.
47. Gusev An. V., Plekhanov A. V., Fedorova N. V. Reindeer herding in the North of Western Siberia: the early Iron Age — the Middle Ages. Issue 3. — Kaliningrad: ROS-DOAFK publishing house, 2016. — P. 228–239.
48. Krupnik I. I. Arctic ethnoecology. — М.: Nauka, 1989. — 272 p.

Сведения об авторах

Андрей Васильевич Гусев, 1980 г. р. Окончил Томский госуниверситет по специальности «История» в 2002 году. С 2013 г. — старший научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Область научных интересов: археология раннего железного века севера Западной Сибири, обработка кости и рога.

Андрей Владимирович Плеханов, 1980 г. р. Окончил Омский педагогический университет по специальности «История» в 2002 году. С 2013 г. — старший научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Область научных интересов: археология эпохи Средневековья севера Западной Сибири, средневековая керамика.

Information about the authors

Andrey Vasilyevich Gusev, born in 1980. Graduated from the historical department of the Tomsk State University in 2002. Senior researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia) since 2013. Research interests: Early Iron Age archaeology in the north of Western Siberia, ancient bone carving technologies.

Andrey Vladimirovich Plekhanov, born in 1980. Graduated from the historical department of the Omsk State Pedagogical University in 2002. Senior researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia) since 2013. Research interests: archeology of the Middle Ages in the north of Western Siberia, medieval pottery.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 12, 2021.

**СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ**

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 68–82.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 68–82.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Научная статья

УДК 681.5.622.32

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.005

АРКТИЧЕСКИЙ ГОРОД И ВАХТОВИК: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Анатолий Николаевич Силин

*Тюменский индустриальный университет, ЗСФ ФНИСЦ РАН,
Тюмень, Россия*

sm-2004@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования условий жизнедеятельности вахтового персонала, приезжающего на работу в Ямало-Ненецкий автономный округ из других регионов России и других государств. Обращается внимание на изменения сложившейся ситуации, вызванные пандемией коронавируса. Опираясь на результаты собственных мониторинговых полевых исследований, проводимых с 2000 года и углубленных опросов 2020 года глав арктических муниципальных образований, входящих в Союз городов Заполярья и Крайнего Севера, внесены предложения по принятию актуальных мер нормативно-законодательного регулирования вахтового метода организации труда в Российской Арктике.

Ключевые слова: Арктика, вахтовый метод, социологическое сопровождение, пандемия COVID-19.

Благодарности: РФФИ за грантовую поддержку в рамках проекта № 19-29-07355/19 «Человеческий капитал арктического региона в концепции пространственного развития России».

Цитирование: Силин А. Н. Арктический город и вахтовик: новые вызовы в период пандемии // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 68–82.
doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.005

Original article

ARCTIC CITY AND ROTATIONAL WORKER: NEW CHALLENGES

Anatoly N. Silin

Industrial University of Tyumen, WSB — FCTAS RAS, Tyumen, Russia

sm-2004@rambler.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study of the living conditions of rotational workers who come to the Yamal-Nenets Autonomous District from other regions of Russia and from other countries. Particular attention is paid to the changes in the current situation caused by the coronavirus pandemic. Based on the results of our own monitoring field studies conducted since 2000 and in-depth interviews in 2020 with the heads of Arctic municipalities that are members of the Union of Cities of the Arctic and the Far North, the author suggests adopting the relevant measures aimed at legislative regulation of rotational work management in the Russian Arctic.

Keywords: Arctic, rotational work, sociological support, COVID-19 pandemic.

Acknowledgments: to RFBR for grant support under project No. 19-29-07355 / 19 “Human capital of the Arctic region in the concept of spatial development of Russia”.

Citation: Silin A. N. Arctic city and rotational worker: new challenges // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 68–82. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.005

Введение и постановка проблемы

Многие годы шла и продолжается до сих пор дискуссия о целесообразности строительства городов в Арктике. Адептами первой позиции выступают представители сырьевых корпораций, считающие, что города после исчерпания ресурсов станут мертвыми и достаточно доставки необходимых трудовых ресурсов вахтой. Противоположную точку зрения о необходимости не «осваивать», а «обживать» Север и для этого развивать имеющиеся города и строить новые, отстаивают региональные и ме-

ственные органы власти. Между тем, как показывают и теоретические изыскания [1], и практический опыт последних десятилетий, обе стратегии вовсе не являются взаимоисключающими и альтернативными, а успешно дополняют друг друга [2]. В итоге число городов в АЗ РФ увеличивалось и достигло 91 (в том числе 8 — ЯНАО). Росла и численность вахтового персонала, прилетающего на работу в Арктику из других регионов. Так, в ЯНАО численность вахтовиков за последние 30 лет выросла с 25,5 тыс. человек до 133,7 тысяч (см. таблицу 1).

Таблица 1. Численность вахтового персонала на территории ЯНАО по состоянию на 1.01.2020 г.

Место постоянного проживания	Численность, тыс. чел.
1. РФ, всего	127,0
Из них другие регионы	91,3
В том числе	
1.1. Республика Башкортостан	15,6
1.2. Тюменская область (без округов)	5,7
1.3. Омская область	4,0
1.4. Краснодарский край	3,5
1.5. Оренбургская область	3,1
1.6. ХМАО	2,8
1.7. Республика Татарстан	2,5
1.8. Самарская область	2,2
1.9. Свердловская область	2,0
1.10. Алтайский край	1,8
1.11. Пермский край	1,8
1.12. Белгородская область	1,4
1.13. Ставропольский край	1,3
1.14. Волгоградская область	1,3
1.15. Удмуртская Республика	1,3
1.16. Другие регионы РФ	41,0
1.17. Внутрорегиональная вахта из ЯНАО	35,7
2. Иностранцы граждане, всего	6,7
2.1. В том числе из стран СНГ	5,4
2.2. Дальнее зарубежье	1,3
Вахтовый персонал, всего	133,7

Источник: составлено по отчетным данным Департамента экономики ЯНАО.

В период трудовой деятельности, организованной по этому методу, персонал, как правило, проживает в специально созданных временных (вахтовых) поселках, функции которых ограничены удовлетворением лишь первичных потребностей работников, проживающих без семей, а на время межвахтового отдыха персонал возвращается в места постоянного проживания — в так называемые базовые города и поселки. Вахтовые поселки структурно отличаются от базовых, с одной стороны, «сжатым» обеспечением жильем и минимальными условиями первичного жизнеобеспечения, когда свободное (нерабочее) время сокращено, с другой — необходимостью обеспечения тех функций, которые в обычных условиях берет на себя семья (питание, бытовое обслуживание).

В условиях вахтовой организации труда отрыв от дома и семьи приводит к формированию преимущественно мужского коллектива, в котором люди различных возрастов, уровня культуры, личных интересов находятся длительное время вне привычных условий жизни. Нередко возникают конфликтные ситуации, которые, как правило, не проявляются в обычных условиях.

Различие в жизненных ценностях, расхождения во взглядах разновозрастных работников, поневоле оказавшихся в вахтовом поселке соседями по комнате, могут спровоцировать конфликты, которые переносятся и на сферу производственных отношений, негативно воздействуют на психоэмоциональное состояние работника, не способствуя полноценному отдыху после рабочей смены. Оказывает влияние и недостаточность объема бытовых помещений. Быт вахтовиков не отличается разнообразием, спортивные залы вахтовых поселков не могут вместить всех желающих (см. таблицу 2).

В целом вахтовый труд значительно отличается от традиционного специфическими режимами труда и отдыха (далее — РТО), значимым влиянием на здоровье нагрузок, связанных с регулярным перемещением от мест проживания к месту работы и обратно, особенностями вахтового расселения и социального обслуживания и др. [3].

Институт физиологии Сибирского отделения Академии медицинских наук в 80-х годах прошлого века проводил обширные исследования по программе «Вахта», направленные на выявление медико-биологических и социально-гигиенических характеристик вахтового метода. Были установлены механизмы влияния на здоровье вахтовиков таких факторов, как климатический контраст, смена часовых поясов, изменение геомагнитно-

го поля, а также утомление, вызванное тяжестью и напряженностью труда. Было, в частности, установлено, что для людей, приезжающих на Крайний Север из других регионов, адаптация к изменению климатогеографических условий составляет, в зависимости от возраста, от 20 до 40 дней, а используемые варианты вахтового режима зачастую противоречат физиологическому протеканию приспособительных реакций, не обеспечивают достижение фонового режима физиологических систем организма, приводят к сокращению фазы устойчивой работоспособности. Учеными-медиками была начата разработка оптимальных РТО для разных условий, видов деятельности и категории работников. К сожалению, финансирование этих работ было приостановлено, и они были прекращены [4].

В условиях пандемии влияние на здоровье всех отмеченных факторов, связанных с вахтовым режимом, резко обостряется, на них накладывается усиление дискомфорта, тревожности, реального заражения вирусной инфекцией. Кроме того, вахтовики находятся в скученных условиях, в вахтовых поселках много мест общего пользования и мало возможностей изоляции. В большинстве вахтовых поселков (за редкими исключениями: Ямбург, Новозаполярный) отсутствуют возможности оказания квалифицированной медицинской помощи. Все это приводит (и уже привело) к вспышкам инфекций (на Чаяндинском, Приобском, Быстринском и др. месторождениях, в пос. Сабетта и др.), росту социальной напряженности и протестным акциям.

Таблица 2. Субъективная оценка причин конфликтов в вахтовых бригадах на территории ЯНАО (опрос 2019 г.)

Причины конфликтов	% ответивших респондентов	Ранг причины
Неудовлетворенность оплатой труда	28,5	1
Бытовые проблемы	21,8	2
Неудовлетворенность организацией труда	20,3	3
Режим перевахтовок	10,1	4
Отрицательные черты характера непосредственного руководителя	8,5	5
Организация вахтовых перевозок	6,3	6
Накладки с жильем в вахтовом поселке	3,0	7
Приходится подменять не приехавшего и работать не по специальности	1,5	8

Источник: данные опросов в вахтовых поселках.

Материалы и методы

Социологическое исследование проводилось в ходе полевых работ и научных экспедиций на Ямале. Массовые опросы вахтовиков, членов их семей, менеджмента бизнес-структур, связанных с вахтой, проводились в мониторинговом режиме, с использованием инструментария, разработанного автором [5, 6].

Кроме того, проводились глубинные интервью экспертов, фокус-группы, контент-анализ информации в СМИ, включая социальные сети. Так, в 2020 г. автором совместно с Союзом городов Заполярья и Крайнего Севера проведен опрос руководителей муниципальных образований, входящих в Союз, по проблемам их взаимодействия с ресурсодобывающими компаниями, использующими вахтовую организацию труда.

Полученная информация вошла в разрабатываемую нами на платформе BIG DATA с использованием технологии DATA MINING интеллектуальную информационно-аналитическую систему [7].

Некоторые результаты исследования

Исследования показали, что с ростом вахтового стажа у многих людей появляются бессонница, отсутствие аппетита (или, наоборот, переедание), повышенная потребность в никотине, кофе, алкоголе.

Вместе с тем в ходе углубленных интервью и проведенных нами фокус-групп вахтовики комментируют и иные причины своего недовольства вахтовой организацией труда. Одна из наиболее значимых из них — невозможность побыть в одиночестве и снять накопившееся психоэмоциональное напряжение.

Ясно, что разные жизненные ценности и взгляды на жизнь разновозрастных представителей разных регионов, этносов и конфессий, поневоле оказавшихся на длительное время соседями в вахтовом общежитии, могут привести (и реально приводят) к конфликтным ситуациям. На северной вахте нередко сталкиваются ценности различных субкультур, привезенных из разных регионов. При этом отсутствует элемент социума, который невозможно создать при любых инвестициях. Речь идет о социально-духовном пространстве, включающем родителей и других родственников, бабушек и дедушек, родных и близких, лежащих на кладбище [5].

Вахтовый метод как социальный феномен напоминает своеобразный айсберг, вершиной которого являются периодические перемещения че-

ловека от места постоянного проживания к месту работы и который на самом деле содержит многообразные социальные явления и процессы, связанные с особенностями жизнедеятельности вахтовиков, реализации ими производственных задач, адаптации и социализации в нетрадиционных условиях, включая и освоение новых приарктических территорий, формирование иных социально-территориальных общностей и др. [2].

Полагаем важным в анализе данного феномена учитывать также социальные явления и процессы в месте постоянного проживания вахтовика (на территории исхода, если использовать язык исследователей, изучающих миграцию как социальное явление), важнейшими из которых являются семья вахтовика, состояние рынка труда, иные социальные институты. Представляется, что вахтовый труд при этом следует понимать как социальную технологию, экономический и управленческий механизм, который обеспечивает связность и взаимодействие социального пространства различных территорий в процессе реализации крупных экономических проектов, способствует взаимному (взаимозависимому) социально-экономическому развитию регионов. Такое понимание позволит четче увидеть противоречия этого взаимозависимого межрегионального развития, пути их разрешения (скажем, вахтовый труд, с одной стороны, способствует более эффективному использованию трудовых ресурсов, с другой — причиняет ущерб рынку труда территории, на которой происходит наём вахтовиков, изымает из него часть профессионально подготовленных работников; с одной стороны, он способствует укреплению материального положения семей вахтовиков, с другой, — затрудняет реализацию семьями функций воспитания детей и т. п.).

Как показал опрос, и сами вахтовики, и члены их семей достаточно терпимо относятся к мобильному мультилокальному образу жизни, вахтовая форма организации труда в целом удовлетворяет работающих таким образом людей, и большинство не намерены менять ее на традиционную (возможно, это связано и с недостаточностью рынка труда в их населенных пунктах). Так, 81,8 % опрошенных вахтовиков собирается продолжать трудиться в ЯНАО 5 и более лет (в том числе 38,3 % назвали более длительный срок — более 10 лет). Тех же, кто высказал желание прекратить «вахтоваться» в течение 3 или менее лет, оказалось менее 4 % от числа участников опроса (в основном представители возрастной группы от 20 до 25 лет; основные причины возможного увольнения — состояние здоровья, неудовлетворенность оплатой труда, семейные обстоятельства).

При этом большинство опрошенных вахтовиков до пандемии достаточно высоко оценивали состояние своего здоровья (см. таблицу 3). Ситуация, сложившаяся в 2020 году, многое поменяла, и сложившиеся приоритеты, видимо, предстоит значимо пересмотреть.

Таблица 3. Самооценка здоровья вахтовиками из других регионов,
% от числа опрошенных

Оценка состояния своего здоровья	Года		
	2000	2010	2020
Совершенно здоров	45	42	18
Здоровье удовлетворительное	36	40	61
Часто болею, но хронических заболеваний нет	13	15	17
Здоровье плохое, имею хронические болезни	6	3	4
Итого	100	100	100

Источник: данные опросов в вахтовых поселках.

При этом, по мнению опрошенных нами экспертов, большинство социальных проблем, связанных с вахтовым методом, вызвано отсутствием механизмов его нормативно-правового регулирования.

Так, в законодательстве Российской Федерации полностью отсутствуют понятия вахтового поселка и его статуса. В частности, нет упоминаний о нем в Градостроительном кодексе РФ, хотя численность проживающих в таких поселках людей порой превышает численность самих муниципальных образований. Например, в с. Тас-Юрях — административном центре Ботубуйинского сельского поселения Мирнинского муниципального района Республики Саха (Якутия) — население составляет 400 человек, а в расположенном на его территории вахтовом поселке — более 5 тыс. человек.

В современном федеральном законодательстве вахтовому методу посвящена лишь глава 47 «Особенности регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом» (ст. с. 297–302) Трудового кодекса Российской Федерации, в которой законодательно регулируются трудовые отношения в системе «работодатель–работник», что, конечно, необходимо, но недостаточно [8].

В 2020 году было также принято Постановление Правительства РФ от 28.04.2020 № 601 «Об утверждении Временных правил работы вахтовым методом» [9], установлены особенности порядка применения вахто-

вого метода работы в условиях реализации мероприятий по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции, письмом Роспотребнадзора от 30.04.2020 № 02/8480-2020-24 [10] работодателям направлены Рекомендации по организации работы вахтовым методом в условиях сохранения рисков распространения COVID-19.

Основы правового регулирования многочисленных вопросов вахтового метода представлены до сих пор Постановлением Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС, Минздрава СССР от 31.12.1987 № 794/33-82 «Об утверждении основных положений о вахтовом методе организации работ» [11]. Правовое содержание этого документа, естественно, является устаревшим и может применяться только с учетом соответствия современному законодательству Российской Федерации в силу изменений ситуации. Как следствие, в действительности отсутствует и возможность его практического применения.

Необходимо подготовить и принять на федеральном уровне закон, регламентирующий статус вахтового поселка, в котором должны найти отражение вопросы:

- разграничение понятий «вахтовый жилой комплекс», «вахтовый поселок» и «населенный пункт», определение статуса вахтового поселка в административно-территориальном устройстве северного региона;
- в целом статус вахтовых поселков, в том числе признаки такого поселка, допустимый период деятельности, допустимое количество проживающих граждан, определение условий его перехода в статус населенного пункта;
- права, обязанности и полномочия органов государственной власти и местного самоуправления во взаимоотношениях с организациями, осуществляющими производственную деятельность с использованием вахтового метода труда и организацию деятельности вахтовых поселков;
- права и обязанности организаций, осуществляющих производственную деятельность с использованием вахтового метода труда и организацию вахтовых поселков, включая экологические аспекты этой деятельности.

При этом вполне правомерно предложение о дополнении государственных нормативно-правовых актов соглашениями между региональными и муниципальными властными структурами, бизнесом и гражданским

обществом, направленными на повышение эффективности и безопасности вахтового метода, повышение качества жизни работающих таким методом людей. Например, возможны на горизонтальном уровне соглашения между органами муниципальной власти в населенных пунктах постоянного проживания, с одной стороны, и в населенных пунктах трудовой деятельности вахтовиков, с другой.

Сегодня для многих социально и экономически неблагополучных поселений Центральной России вахтовый метод работы горожан становится значимой стратегией сохранения жизнеспособности. Органами местной власти этих городов могла бы проводиться работа по сокращению количества незанятого экономически активного населения, по повышению уровня профессионального образования желающих работать на Севере граждан, по повышению качества их муниципального обслуживания и т. д. при налаживании делового взаимодействия с северными городами и дислоцированными в них компаниями. При этом следует учитывать, что основную часть своего заработка вахтовики расходуют в местах постоянного проживания и лишь небольшую — там, где работают. Вместе с тем, если компания зарегистрирована по месту своей прямой деятельности, а не в Москве, здесь остается НДФЛ.

Все эти и другие вопросы могли бы найти отражение в трехсторонних соглашениях между работодателем, администрациями населенных пунктов, где находится работодатель, осуществляется производственная деятельность, и базовых городов, откуда предполагается производить найм вахтового персонала. В них может быть включен и пункт об общественном контроле за его выполнением со стороны профсоюза и депутатов.

Одним из наиболее важных элементов правового регулирования вахтового труда в Арктике и Субарктике является необходимость закрепления возможности трудоустройства для стационарного населения этих регионов. В настоящее время ресурсодобывающие компании избегают приема на работу местных жителей, и причин этому несколько. Например, в арктических регионах цены на товары и услуги значительно выше, чем в центральных районах РФ, поэтому труд вахтовиков возможно оплачивать ниже, чем людям, постоянно проживающим в регионе. Последним также приходится компенсировать оплату проезда в отпуск для всей семьи и другие льготы.

В нефтегазовых компаниях Западно-Сибирского Севера практически не используется труд местного населения, страдающего от безработицы.

Между тем рабочие места, на которых могли бы использоваться представители коренных малочисленных народов Севера, даже не имеющие технических компетенций, есть. Например, обходчики трубопроводов. Однако компании предпочитают завозить этих работников из Центральной России, объясняя нежеланием «собирать работников по тундре».

Заключение и выводы

Таким образом, по результатам проведенных исследований можно сделать следующие выводы.

1. Необходимо значительно расширить проведение фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследований вахтовых форм организации трудовой деятельности [12, 13].

2. Необходим федеральный закон, позволяющий регулировать решение следующих вопросов, остро нуждающихся в правовом обеспечении:

- гарантированное предоставление минимально необходимого объема и качества услуг вахтовому персоналу в вахтовых жилых комплексах предприятия, которые должны обеспечить высокую трудовую отдачу вахтового персонала и минимизацию влияния на его здоровье внешних экологических, климатических и геофизических факторов окружающей среды, характерных для места расположения предприятия и особенностей проживания во время вахты в вахтовом жилом комплексе;
- обеспечение безопасности функционирования вахтовых жилых комплексов предприятия с вахтовым методом организации труда в базовом городе и в промышленных узлах предприятия;
- организация доставки вахтового персонала из установленных пунктов сбора и базового города в вахтовый жилой комплекс(ы) предприятия и его промышленных узлов с вахтовым методом организации труда после междувахтового отдыха, в установленные пункты сбора и базовый город по окончании вахты;
- обеспечение безопасности вахтового персонала во время его доставки из установленных пунктов сбора и базового города в вахтовый жилой комплекс(ы) предприятия и его промышленных узлов с вахтовым методом организации труда после междувахтового отдыха, а также его доставки в установленные пункты сбора и базовый город по окончании вахты;

- организация доставки вахтового персонала из вахтовых жилых комплексов предприятия и его промышленных узлов к месту работы и обратно по окончании рабочей смены;
- организация и обеспечение охраны труда на рабочих местах предприятия и его промышленных узлов с учетом особенностей вахтового метода организации труда вахтового персонала (удлиненная рабочая смена и повышенная интенсивность труда);
- организация и обеспечение безопасности проживания вахтового персонала в вахтовых жилых комплексах предприятия и его промышленных узлов в период вахты;
- организация оптимального РТО вахтового персонала в период вахты (удлиненная рабочая смена и повышенная интенсивность труда);
- организация отбора персонала для работы вахтовым методом и мониторинга здоровья и психического состояния вахтового персонала предприятия в его промышленных узлах;
- медицинское обеспечение и профилактика заболеваемости вахтового персонала в период работы на вахте (с учетом удлиненной рабочей смены и повышенной интенсивности труда);
- организация медицинского обеспечения и профилактика заболеваемости вахтового персонала в межвахтовый период;
- организация реабилитации здоровья вахтового персонала в период междуменного отдыха, в межвахтовый период и в период отпусков;
- организация проведения психологического сопровождения отбора и карьерного роста вахтового персонала предприятия и его промышленных узлов;
- социальные льготы и гарантии вахтовому персоналу, предусмотренные локальными нормативными актами;
- периодическое обучение и переподготовка вахтового персонала предприятия и его промышленных узлов.

Список источников

1. Замятина Н. Ю. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилысов // Арктика и Север. — 2018. — № 31. — С. 5–27.

2. Маркин В. В. Новый этап освоения Арктики в контексте пространственного развития России: методология и опыт социологического сопровождения / В. В. Маркин, А. Н. Силин // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / отв. ред. В. И. Герасимов. — Вып. 2. — М.: ИНИОН РАН, 2019. — С. 1004–1009.
3. Силин А. Н. Вахтовый метод в нефтегазовом комплексе: опыт социологического обеспечения // Вестник ВЭГУ. — 2017. — № 4 (90). — С. 111–118.
4. Силин А. Н. Обоснование режимов труда и отдыха при вахтовом освоении Севера // Актуальные проблемы физиологических и структурно-функциональных основ жизнедеятельности. — Новосибирск: СО АМН СССР, 1987. — С. 51–60.
5. Силин А. Н., Маслаков Н. А. Вахтовый метод на Тюменском Севере: двадцать лет спустя. — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — 172 с.
6. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера / О. П. Андреев, А. К. Арабский, В. С. Крамар, А. Н. Силин. — М.: Недра-Бизнесцентр, 2009. — 175 с.
7. Силин А. Н. Мониторинг социальных изменений на территории компактного проживания аборигенных этносов Арктики / А. Н. Силин, А. С. Гюрджинян // Арктика: общество, наука и право: сборник статей / под ред. Н. К. Харлампевой. — СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2020. — С. 249–261.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW34683/ (дата обращения: 20.11.2020).
9. Об утверждении Временных правил работы вахтовым методом: Постановление правительства РФ от 28.04.2020 № 601 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004290004> (дата опубликования: 29.04.2020).
10. О направлении рекомендаций по организации работы вахтовым методом в условиях распространения COVID-19: письмо федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 30 апреля 2020 г. № 02/8480-2020-24 // Гарант: справочно-правовая система. — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73906944> (дата обращения: 20.11.2020).
11. Об утверждении основных положений о вахтовом методе организации работ: постановления Госкомтруда СССР, секретариата ВЦСПС, Минздрава СССР от 31.12.1987 № 794/33-82 // Гарант: справочно-правовая система. — URL: <http://base.garant.ru/178667/> (дата обращения: 20.11.2020).
12. Silin A. N. Long-distance commuting in oil and gas production industry in the Northwestern Siberia: sociological analysis of change // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6, no. 3 S5. — P. 199–206.
13. Butcher M. Mobile methods and the empirical / M. Buscher, J. Urry // European Journal of Social Theory. — 2009. — No. 12 (1). — P. 99–106.

References

1. Zamyatina N. Yu. New theory of development (of space) of the Arctic and the North: multi-scale interdisciplinary synthesis / N. Yu. Zamyatina, A. N. Pilyasov // *Arctic and North*. — 2018. — No. 31. — P. 5–27.
2. Markin V. V. A new stage in the development of the Arctic in the context of the spatial development of Russia: methodology and experience of sociological support / V. V. Markin, A. N. Silin // *Greater Eurasia: development, security, cooperation* / resp. ed. V. I. Gerasimov. — Issue 2. — M.: INION RAN, 2019. — P. 1004–1009.
3. Silin A. N. Shift method in the oil and gas complex: experience of sociological support // *Bulletin of VEGU*. — 2017. — No. 4 (90). — P. 111–118.
4. Silin A. N. Substantiation of modes of work and rest during the rotational development of the North // *Actual problems of physiological and structural-functional foundations of life*. — Novosibirsk: SO AMS USSR, 1987. — P. 51–60.
5. Silin A. N., Maslakov N. A. Shift method in the Tyumen North: twenty years later. — Tyumen: Vector Buk, 2004. — 172 p.
6. The management system of the rotational method of the enterprise in the Far North / O. P. Andreev, A. K. Arabsky, V. S. Kramar, A. N. Silin. — M.: Nedra-Business Center, 2009. — 175 p.
7. Silin A. N. Monitoring of social changes in the territory of compact residence of indigenous ethnic groups in the Arctic / A. N. Silin, A. S. Gyurdzhinyan // *Arctic: society, science and law: collection of articles* / ed. N. K. Kharlampieva. — St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2020. — P. 249–261.
8. RF Labor Code of 30 December 2001 No. 197-FZ (as of 9 November 2020). Accessed 20 November 2020. — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ [in Russian].
9. RF Government Resolution of 28 April 2020 No. 601 “Approval of the Provisional Regulations for Rotational Work”. 29 April. Publication no. 0001202004290004. — <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004290004> [In Russian]
10. RF Federal Service for Supervision of Consumer Rights protection and Human Well-Being Letter of 30 April 2020 No. 02/8480-2020-84 “Sending recommendations on the organisation of work on a rotational basis in the context of spread of COVID-19”. Accessed 20 November 2020. — <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73906944/> [in Russian].
11. USSR State Committee for Labor, All-Union Central Council of Trade Unions Secretariat, USSR Ministry of Health of the Resolution of 31 December 1987 No. 794/33-82 “About the approval of the main provisions on the rotational method of work organization”. Accessed 20 November 2020. — <http://base.garant.ru/178667/> [in Russian].
12. Silin A. N. Long-distance commuting in oil and gas production industry in the Northwestern Siberia: sociological analysis of change // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. — 2015. — Vol. 6, no. 3 S5. — P. 199–206.
13. Buscher M., Urry J. Mobil methods and the empirical // *European Journal of Social Theory*. — 2009. — No. 12 (1). — P. 99–106.

Сведения об авторе

Анатолий Николаевич Силин, 1946 г. р. В 1972 г. окончил Тюменский индустриальный институт, в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по региональной экономике, в 1990 г. — докторскую по экономической социологии. Профессор, заслуженный деятель науки РФ. Работал в отраслевых НИИ нефтегазового комплекса, Госплане СССР, Тюменском государственном университете. В настоящее время является главным научным сотрудником Тюменского индустриального университета и Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического Центра РАН. Область научных интересов: социальные проблемы освоения Арктики.

Information about the author

Anatoly Nikolaevich Silin, born in 1946. Graduated from the Industrial University of Tyumen in 1972, in 1984 he defended his Ph.D. thesis on regional economics, and in 1990 he defended his doctoral dissertation on economic sociology. Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. He worked in the branch research institutes of the oil and gas complex, the USSR State Planning Committee, and the Tyumen State University. Currently, he is a principal researcher at the Industrial University of Tyumen and the West-Siberian branch of the Federal Center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences. Research interests: social problems of the Arctic development.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 12, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 83–100.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 83–100.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Научная статья

УДК 338.346

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.006

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (РЫБОЛОВСТВА, ОЛЕНЕВОДСТВА)

Константин Геннадьевич Филант

*Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия
fkg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1301-7085>*

Аннотация. В статье рассмотрены основные риски и угрозы продовольственной безопасности в арктических регионах Российской Федерации. Оценена возможность самообеспечения арктических регионов продуктами оленеводства, рыболовства за счет внутренних ресурсов, рассмотрены социальные риски выполнения федеральной и региональных доктрин продовольственной безопасности. Было отмечено, что решение большинства проблем самообеспечения арктических регионов продуктами оленеводства правовыми методами невозможно. Роль рыболовства в обеспечении продовольственной безопасности арктических регионов зависит от полноты и своевременности выполнения уже существующих властных предписаний и улучшения инвестиционного климата.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, риски и угрозы, оленеводство, рыболовство, социальная угроза, арктическая зона, сельское хозяйство, правовое регулирование.

Цитирование: Филант К. Г. Продовольственная безопасность в Арктическом регионе и перспективы правового регулирования сельского хозяйства (рыболовства, оленеводства) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 83–100. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.006

Original article

FOOD SECURITY IN THE ARCTIC REGION AND PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF AGRICULTURE (FISHING, REINDEER HUSBANDRY)

Konstantin G. Filant

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

fkg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1301-7085>

Abstract. The article addresses main risks and threats associated with food security in the Arctic regions of the Russian Federation. Possibility of self-sufficiency of the Arctic regions in products of reindeer husbandry and fishing at the expense of internal resources is assessed; the social risks of fulfilling the federal and regional doctrines of food security are considered. The author believes that it is not possible to solve most of the problems of self-sufficiency of the Arctic regions in reindeer products by legal means. The role of fisheries in ensuring food security in the Arctic regions depends on the completeness and timeliness of implementation of existing government regulations and improvement in the investment climate.

Keywords: food security, risks and threats, reindeer husbandry, fishing, social threat, Arctic zone, agriculture, legal regulation.

Citation: Filant K. G. Food security in the Arctic region and prospects for legal regulation of agriculture (fishing, reindeer husbandry) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 83–100. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.006

Введение

Очередной этап изучения вопросов регулирования продовольственной безопасности в арктической зоне Российской Федерации (далее — АЗРФ, Арктика, РФ), в том числе и по правовому регулированию сельского хозяйства в АЗРФ, связан с утверждением Указа Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» и Плана мероприятий (дорожной карты) по реализации положений Доктрины продовольственной безо-

пасности Российской Федерации распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 г. № 1516-р.

Особый интерес вызывают принципиальные нововведения Указа Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20:

- самообеспечение определено как приоритет формирования системы продовольственной безопасности; уровень собственного производства мяса и мясопродуктов, рыбы и рыбопродуктов должен составлять не менее 85 %;
- список рисков и угроз продовольственной безопасности дополнен риском снижения плодородия сельхозземель из-за их нерационального использования и социальной угрозой, обусловленной снижением трудовых ресурсов в сельской местности.

Состояние и возможности системы продовольственного обеспечения АЗРФ были в свое время рассмотрены различными группами исследователей. В докладе «Стратегические приоритеты формирования системы продовольственного обеспечения северных, полярных и арктических территорий» сделан основной вывод: приоритет формирования системы продовольственного обеспечения — разработка системы продовольственного обеспечения, основанной на привозе большей части продовольствия из европейской части страны и регионов Сибири [1], но возможности самообеспечения регионов в большей части остались за рамками исследования. Проведенный SWOT-анализ развития аграрного сектора АЗРФ и приарктических территорий Европейского Северо-Востока позволил выявить возможности и угрозы, риски, сильные и слабые стороны регулирования вопросов обеспечения продовольственной безопасности жителей Арктики [2].

Практически всеми исследователями указывается, что решение вопросов продовольственной безопасности большинства регионов АЗРФ должно учитывать гарантированные права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее — КМНС). Вместе с тем, рассматривая социальные риски и потенциальную возможность самообеспечения продовольственной безопасности, нельзя переоценивать человеческий потенциал индигенного населения, несмотря на то что ключевыми направлениями развития агропромышленного комплекса, например Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ЯНАО, автономный округ), сегодня остаются оленеводство и рыболовство, на которые приходится 98 % производства продукции

и которые являются источниками обеспечения основного дохода и занятости 30 % коренного населения.

Потребности самообеспечения

Возможности самообеспечения регионов АЗРФ напрямую зависят не только от геоклиматических условий, не позволяющих вести полноценное сельскохозяйственное производство в отличие от регионов средней полосы РФ, но и от численности населения как потенциала производства и потребления продуктов питания. Так, среднегодовая численность населения Ямало-Ненецкого автономного округа в 2019 г. составляла 542 961 чел., из которых 455 666 чел. — городское население, 87 295 чел. — сельское население [3]. Применяв усредненный объем потребления по основным социально-демографическим группам (дети, пенсионеры, трудоспособное население), установленный Законом Ямало-Ненецкого автономного округа от 27.06.2013 г. № 51-ЗАО «О потребительской корзине в Ямало-Ненецком автономном округе», потребление мяса и рыбы населением автономного округа в год должно составлять 34 370 тыс. тонн и 17 103 тыс. тонн соответственно, а производство данных сельскохозяйственных продуктов должно составлять (85 %) в ЯНАО 29 215 тыс. тонн мяса и 14 538 тыс. тонн рыбы в качестве целевого показателя продовольственной безопасности региона. Учитывая, что в автономном округе производится всего около 2,1 тыс. тонн мяса и 10 тыс. тонн рыбы [4], достижение данных показателей, особенно по производству мяса, невозможно.

Необходимо отметить, что государственная поддержка агропромышленного комплекса ЯНАО и так является одной из самых высоких среди релевантных регионов в абсолютном выражении (в 2,5 раза больше, чем в Республике Коми, в 1,8 раз больше, чем в Ханты-Мансийском автономном округе), но при годовом уровне государственной поддержки на уровне 1,9 млрд руб. объем реализованной продукции агропромышленного комплекса автономного округа составляет всего немногим более 2 млрд руб.

Оленеводство в обеспечении продовольственной безопасности

Оленеводство, производство оленеводческой продукции традиционно связывают с АЗРФ как основную отрасль мясного скотоводства в этих регионах и считают основой продовольственной безопасности [5]. Вместе

с тем «Анализ рынка оленины в России в 2015–2019 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2020–2024 гг.» [6], подготовленный крупнейшим в России и странах СНГ разработчиком готовых обзоров промышленных и продовольственных рынков ООО «BusiesStat», демонстрирует, что в 2015–2019 гг. производство оленины в России снизилось на 12,5 %: с 10,4 до 9,1 тыс. тонн. Динамика показателя внутри периода была разнонаправленной. В 2016 г. наблюдалось его снижение на 6,7 %, что было связано со вспышкой сибирской язвы в Арктическом регионе. В 2017 г. наблюдался восстановительный рост производства оленины. В 2018–2019 гг. показатель снова продемонстрировал снижение, наибольший темп которого пришелся на 2018 г. (7,1 %). В 2018 году наблюдалось сокращение производства оленины во всех регионах России, исключая лишь Архангельскую область. Наибольшее снижение показателя в 2018 г. было отмечено по Тюменской области (–0,4 тыс. тонн).

В 2019 г. лидером по поголовью оленей в хозяйствах всех категорий на федеральном уровне была Тюменская область (50,5 % от общего поголовья оленей в стране). При этом на долю автономного округа приходилось 94,7 % от всего стада Тюменской области, или 47,8 % от суммарного показателя по стране. Второе место по поголовью в 2019 г. занимала Архангельская область, на долю которой приходилось порядка 9,6 % от общего стада, при этом на Ненецкий автономный округ, входящий в состав области, приходилось 99,0 % от численности стада региона, т. е. 9,5 % от совокупного поголовья по стране. На долю Республики Саха (Якутия) приходилось 8,3 % от поголовья оленей в стране. Это третье место среди регионов. Четвертое место по данному показателю принадлежало Чукотскому автономному округу (7,2 %).

Как ожидается, в 2020–2024 гг. доля экспорта в структуре спроса будет расти и к концу периода достигнет 6,2 %. На долю внутренних продаж в 2024 г. будет приходиться 83,4 % от спроса, а на долю натурального потребления — оставшиеся 10,4 %. Основу российского экспорта составляет мясо оленей, выращенных в ЯНАО. В 2016 г. МУП «Ямальские олени» заключило соглашение с финской компанией «Polarica Oy» на поставку оленины этой компании сроком на 10 лет. Кроме того, руководством ЯНАО принято решение развивать экспорт продукции ямальских компаний потенциальным партнерам из Швеции, Германии, Норвегии, Эстонии и Латвии. С 2019 г. экспорт оленины в Германию осуществляет еще одно предприятие, расположенное в ЯНАО, — МУП «Мясоперерабаты-

вающий комплекс «Паюта», и в этой ситуации экспортные поставки будут иметь значительный приоритет перед внутренним рынком, что еще более снизит долю потребления оленины в регионе.

По прогнозам ООО «BusiesStat», в 2020–2024 гг. ожидается, что производство оленины в России продолжит сокращаться. На это повлияет прогнозируемое снижение поголовья оленей, прежде всего связанное с назревшей проблемой нехватки пастбищ в ЯНАО, на который приходится 47,8 % от совокупного поголовья оленей в России. Темп снижения производства оленины в целом по стране составит в 2020–2024 гг. в среднем 2,1 % в год.

Согласно геоботаническим исследованиям 2016–2018 гг. в Тазовском, Приуральском и Ямальском районах ЯНАО, запасы кормов, оставшихся на территории районов, минимальны, что приведет к сверхнормативным падежам от истощения в зимне-весенний период и ведет к потере доходов и занятости значительного количества индигенного населения [7].

Вышеизложенное приводит к недостижению плановых показателей валового производства мяса оленей и увеличению государственных издержек в агропромышленном комплексе за последние годы (табл. 1) [4, 8].

Таблица 1. Валовое производство мяса оленей в организациях агропромышленного комплекса ЯНАО

№	Период (год)	Производство мяса оленей в организациях (тонн)		% выполнения	Объем финансирования мероприятий (тыс. руб.)	
		План	Факт		План	Факт
1	2016	4240	4382	103,35	723 553	723 403
2	2017	4330	3867	89,31	919 489	891 191
3	2018	4420	838	18,96	1 914 000	1 914 000
4	2019	4500	2460	54,6	1 337 370	1 272 244

Источники: [8, 9, 10].

Кроме того, спрос на оленину сократился из-за сжатия рынка по причине миграционного оттока населения и ликвидации предприятий ресурсного сектора, а также из-за неконкурентоспособности оленины в связи с преобладанием на рынке привозной мясной продукции и наличием более дешевого мяса дикого оленя [11].

Социальная угроза в обеспечении продовольственной безопасности

Каждая из программ развития сельского хозяйства или социально-экономического развития регионов исходит из парадигмы увеличения численности населения и зачастую игнорирует скрытые факты реальной демографической и миграционной динамики.

В целом на протяжении последних 20 лет численность населения ЯНАО стабильна, как и возрастная структура населения, за исключением последних лет, в связи с возрастающим миграционным оттоком лиц трудоспособного возраста и сокращением миграционного оттока лиц пенсионного возраста, что свойственно для всех субъектов АЗРФ) (рис. 1, 2).

Тенденция выезда жителей за пределы АЗРФ не является специфичной только для ЯНАО, где на протяжении многих лет численность населения автономного округа остается достаточно стабильной только благодаря высокой рождаемости и низкой смертности (рис. 3).

Сокращение миграционного оттока лиц пенсионного возраста может быть обусловлено двумя факторами: снижением финансовых возможностей для смены мест жительства и социальной политикой регионов, когда де-юре пенсионеры проживают в АЗРФ (сохраняют регистрацию по месту жительства на территории АЗРФ), а де-факто давно проживают

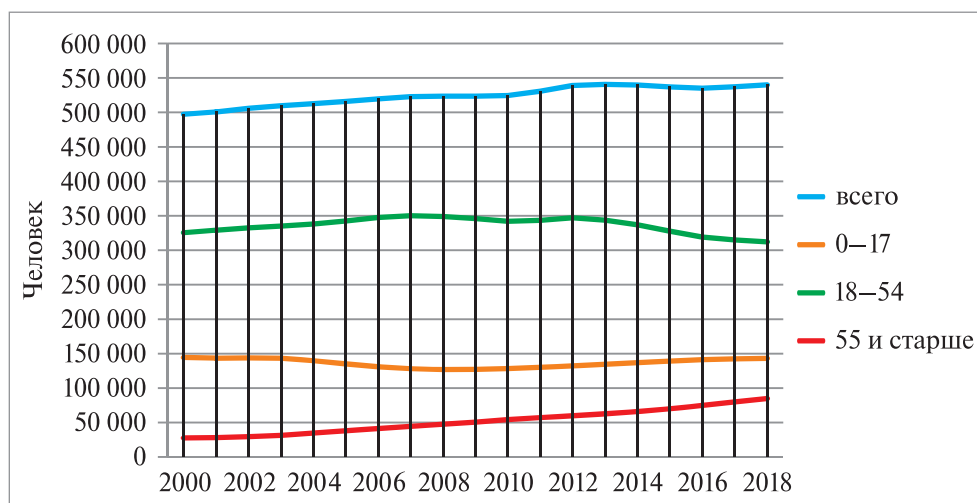
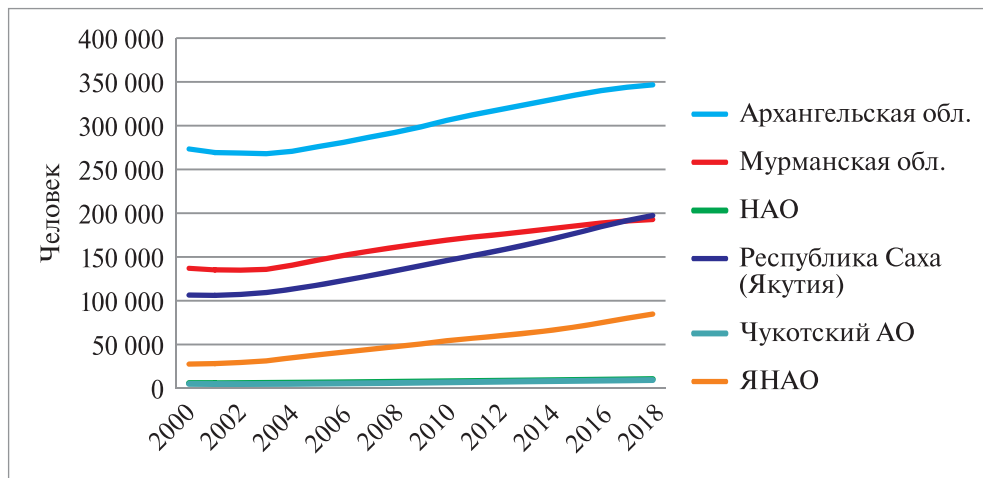

Рис. 1. Возрастная структура и численность населения ЯНАО 2000–2018 гг.

Источник: [12]

в регионах средней и южной части России или даже в странах ближнего зарубежья. Это явление вызвано прежде всего именно социальной политикой регионов, когда получение всех социальных выплат, пособий и льгот связано в первую очередь с фактом проживания в регионе.

* НАО — Ненецкий автономный округ.

Рис. 2. Численность населения АЗРФ старше 55 лет.

Источник: [12]

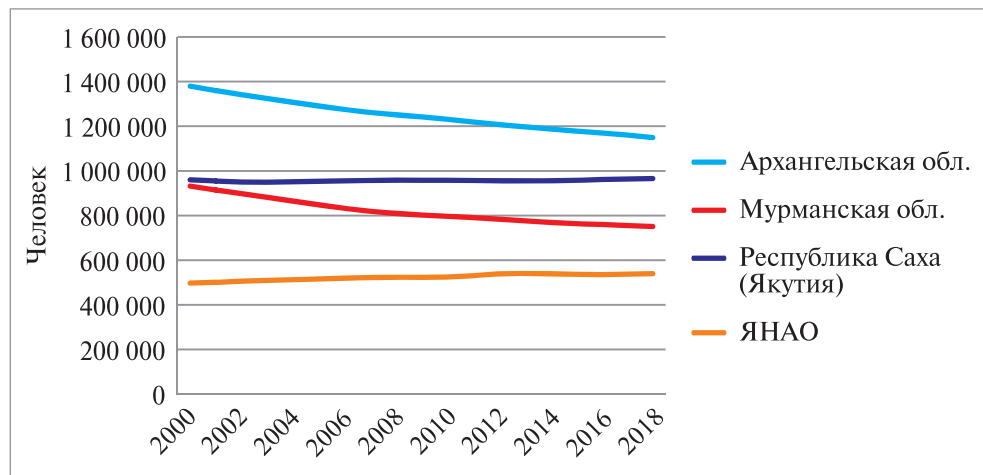

Рис. 3. Численность населения АЗРФ.

Источник: [12]

Кроме того, социальная политика регионов, зачастую направленная на возложение на работодателя бремени социальной поддержки работающего населения АЗРФ, приводит к сокращению рынка труда для постоянно проживающего населения, когда работодателю намного выгоднее внедрять вахтовый метод работы на предприятии за счет мигрантов, чем за счет молодых специалистов автохтонного населения (рис. 4).

Кроме того, «выездные» миграционные предпочтения существуют и у жителей сельской местности, особенно малочисленных населенных пунктов (численность населения — до 100 человек). В 2020 году, в ходе подготовки Плана мероприятий (дорожной карты) по улучшению жилищных условий жителей населенных пунктов Шурышкарского района с минимальной численностью населения, в ходе обработки и проверки статистических данных, социологических опросов, подворового обхода, экспедиций была установлена тенденция опустения сельских населенных пунктов и районов. Динамика не велика, но неизменна на протяжении двух последних десятилетий. Происходит миграция молодого и трудоспособного населения как в ближайшие районные центры и города, так и за пределы округа (рис. 5) [13].

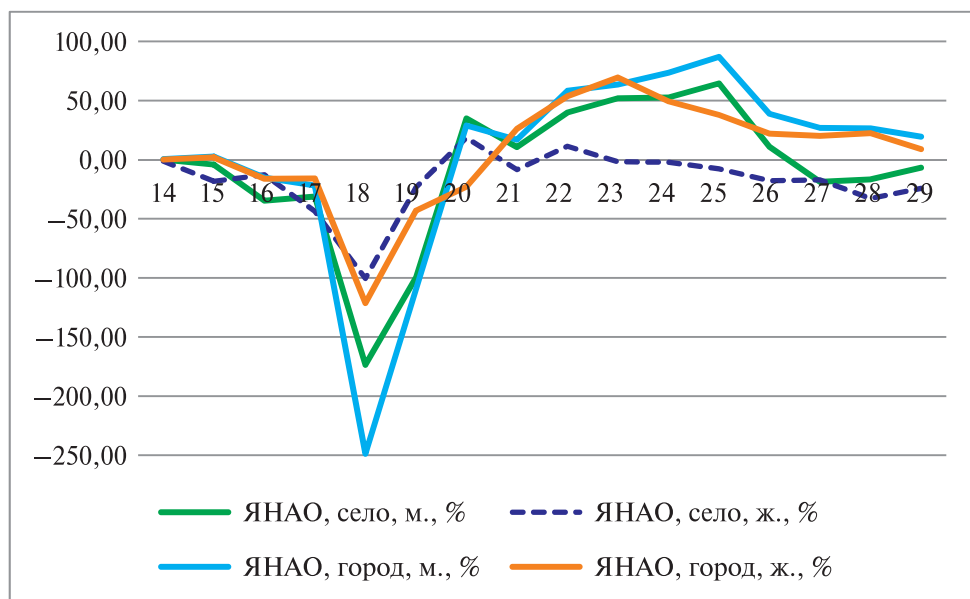

Рис. 4. Коэффициент интенсивности миграции молодежи ЯНАО за 2019 год, по однолетним возрастным группам в разрезе пола и территории.

Источник: [12]

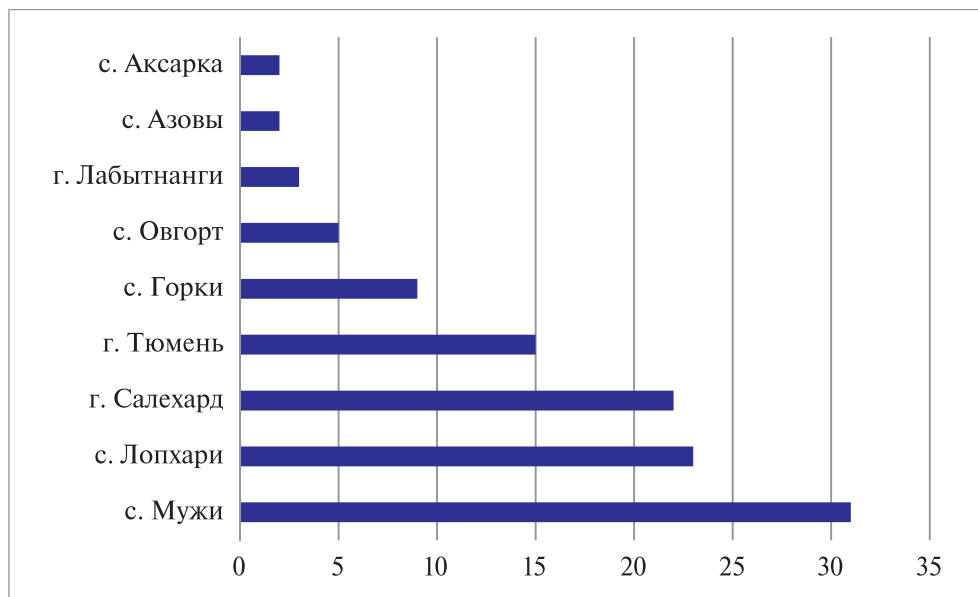

Рис. 5. Численность и фактическое место проживания жителей малочисленных населенных пунктов Шурышкарского района ЯНАО, чел.

Источник: [13]

Из 19 малочисленных населенных пунктов с общей численностью 402 человека:

- два села (с. Ильягорт, с. Ишвары) формально утратили признаки населенного пункта в связи с отсутствием постоянно проживающего населения и фактически являются покинутыми;
- 30 % населения проживают за пределами Шурышкарского района;
- 26 % проживают в Шурышкарском районе, вне своего населенного пункта;
- только 44 % жителей продолжают проживать в малочисленных населенных пунктах;
- 50 % жителей трудоспособного возраста, оставшихся в малочисленных населенных пунктах, не работают.

Таким образом, трудоустройство и рынок труда являются определяющими в миграционных настроениях как жителей округа, так и прибывающих извне. Кроме того, большое влияние на процесс трудовой миграции оказывала высокая отраслевая и территориальная дифференциация заработной платы между городом и селом. В ряде отраслей ЯНАО уровень заработной платы не покрывает высокие издержки жизни в се-

верном регионе (как, например, в секторе сельскохозяйственного производства).

Промышленное рыболовство в обеспечении продовольственной безопасности

Питание и рацион жителей не будут полноценными без рыбного белка, а моря и внутренние водоемы регионов АЗРФ отличаются крайне высокой биопродуктивностью, и их значение возрастает с каждым годом. Добыча рыбы и морепродуктов позволяет обеспечить их потребление в объеме от 26,5 до 30,5 кг/чел. за счет вылова на внутренний рынок, но увеличивающийся в последние годы экспорт рыбной продукции не компенсируется импортом, что привело к сокращению уровня потребления рыбы в 2018 г. до 18,88 кг/чел. (на 14,2 % ниже установленной нормы) [14].

Организация, ведение и развитие рыболовства требуют создания и поддержания инфраструктуры по приему и переработке водных биологических ресурсов, но перемены, произошедшие в организации рыболовства, динамика уловов коснулись всех стран, но особенно негативными стали для России [15]. Применение политики демпинговых цен азиатскими и европейскими странами позволило стать им крупнейшими импортерами рыбной продукции.

Отсутствие инвестиций в рыбную отрасль и стимулов для преимущественно внутренней реализации рыбной продукции является не единственной проблемой обеспечения населения АЗРФ рыбой. Сами климатические условия, малочисленность населенных пунктов, их удаленность друг от друга, отсутствие транспортной инфраструктуры, незначительная штатная численность правоохранительных органов, рассчитываемая исходя из численности населения региона без учета его территории, отсутствие у них техники высокой проходимости, вертолетов малой авиации, быстроходных судов делают борьбу с незаконной добычей водных биологических ресурсов крайне неэффективной, а объемы этой добычи вполне сопоставимы с объемами легальной добычи [16]. Так, в 2020 году на 9 314 жителей Шурышкарского района ЯНАО выдано всего 333 разрешения на ведение традиционного рыболовства, в то время как в ходе социологического исследования 2020 года 64 % респондентов сообщили, что рыбачат «для себя» [13].

В то же время именно такое «неформальное» рыболовство позволяет полностью обеспечить физическую и экономическую доступность рыб-

ной продукции для населения АЗРФ и является для многих жителей единственным источником жизнеобеспечения. Несмотря на такой «положительный» эффект рыболовства «для себя», рыболовство в промышленных объемах зависит от состояния рыбных ресурсов, и браконьерство, в совокупности с избыточным ловом и загрязнением водных объектов, подрывает основу рыболовства. При этом даже активное регулирование использования рыбных ресурсов не гарантирует предотвращение их чрезмерного промысла [17].

Рассмотрение вопросов значения рыбодобычи в продовольственной безопасности регионов невозможно без учета экологических рисков. Но при этом, как правило, остаются без учета климатические риски и особенности воспроизводства водных биоресурсов (цикличность увеличения и снижения). Так, в 2014 г. запрет на вылов муксуна связывают в первую очередь с ухудшением экологической обстановки акватории Обского бассейна, в то время как в период 1964–1972 гг., в связи с сокращением вылова рыбы и запрещением лова сиговых пород рыб, ряд населенных пунктов был ликвидирован и население переведено в более крупные населенные пункты. Из Объяснительной записки к решению окрисполкома № 169 от 16 сентября 1971 г. «Об исключении из учетных данных административно-территориального деления Тюменской области несуществующих населенных пунктов Ямало-Ненецкого национального округа»: «В селениях Лохпотгорт, Овгорт, Сохомпол, в деревне Пыштыгорт Шурышкарского района постоянно никто не проживает. ... В связи с запрещением вылова сиговых пород ... население переведено в г. Салемал, в деревне Ентосата также никто не проживает» [18].

В то же время благоприятные гидрологические условия, многоводность последних лет привели к высокой численности частичковых, тресковых видов водных биоресурсов, позволило в 2019 г. увеличить плановые показатели добычи водных биологических ресурсов в ЯНАО до 132 %, 8 000 тонн (план) — 10 582 тонны (факт) [4].

Заключение

1. Основными рисками реализации масштабных программ регионального самообеспечения продовольственной безопасности в регионах АЗРФ, с небольшой численностью населения и выраженной моноэкономикой, будут являться именно социальные риски, ведущие к сокращению численности постоянно проживающего населения и депопуляции

сельского населения, связанной с внутренней миграцией в урбанизированные населенные пункты.

Основной фактор депопуляции постоянно проживающего городского и сельского населения АЗРФ — климатические условия — как в ближайшей перспективе, так и обозримом будущем останется неизменен и вне правового регулирования.

Проводимая региональная социальная политика, направленная на увеличение социальных трансфертов постоянно проживающему населению АЗРФ, усиление социальной ответственности бизнеса, возложение на работодателя части социальных обязательств государства в определенных условиях являются факторами сокращения рынка труда и препятствуют развитию предпринимательской деятельности.

2. Существующее законодательное регулирование рассматривает оленеводство как фундамент традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера исходя из этнографических представлений о традиционном образе жизни, основанном на ведении натурального хозяйства, в то время как товарно-денежные отношения преобладают в современной жизни и экономике.

Основными рисками развития оленеводства как основы продовольственной безопасности АЗРФ являются геоклиматические условия и истощение оленьих пастбищ, которые также не регулируются правовыми способами.

3. В настоящее время морские и речные рыбные запасы регионов АЗРФ способны увеличить объемы добычи водных биологических ресурсов и обеспечить данным видом продовольствия не только их жителей, но и жителей России в целом, сохраняя при этом высокую экспортную значимость. Вместе с тем решение вопросов увеличения значения рыбодобычи в обеспечении продовольственной безопасности лежит в большей степени в экономической плоскости и зависит от деятельности правоохранительных, природоохранных органов государственной власти.

Правительство России должно более оперативно применять меры таможенно-тарифного регулирования для рационализации соотношения экспорта и импорта в рамках Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» и более жестко использовать его по отношению к компаниям, осуществляющим экспорт с использованием «серых» схем, в том числе офшоров [14].

Необходимо изменить принципы системы управления рыбной промышленностью, налоговой политики и государственной поддержки, квотирования в целях увеличения инвестиционной привлекательности отрасли.

Учитывая низкую плотность населения в районах АЗРФ, необходимо обеспечить инвестиционную привлекательность проектов малой мощности по глубокой переработке рыбы и производству рыбной продукции, а также кормов из отходов производства, что также позволит улучшить ресурсную базу производства сырья и готовой продукции в агропромышленном комплексе регионов [19].

Вместе с тем эффективность принятия ряда законодательных нововведений, стимулирующих превалирование работы на внутреннего потребителя над экспортом, напрямую зависит от покупательной способности населения или размера государственной поддержки, направленной на компенсацию части расходов рыбодобывающей и рыбоперерабатывающей промышленности.

Список источников

1. Полбицын С. Н., Дрокин В. В., Журавлёв А. С. Основные направления в организации продовольственного обеспечения северных, полярных и арктических территорий // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2014. — № 10. — URL: <http://uecs.ru/uecs70-702014/item/3084-2014-10-17-08-22-34> (дата обращения: 23.10.2020).
2. Иванов В. А. Специфика, приоритеты и механизмы обеспечения продовольственной безопасности арктических и приарктических территорий Европейского Северо-Востока // Проблемы развития территории. — 2016. — № 2. — С. 50–64.
3. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу [Электронный ресурс]. — https://tumstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%AF%D0%9D%D0%90%D0%9E_2020.htm5 (дата обращения: 23.10.2020).
4. Доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие агропромышленного комплекса, рыбного хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2024 годы» за 2019 год [Электронный ресурс]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (дата обращения: 23.10.2020).

5. Митин А. Н., Воронин Б. А., Донник И. М. Экономико-правовые механизмы использования природно-ресурсного потенциала Арктики в контексте продовольственной и экологической безопасности // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 2. — С. 414–416.
6. Анализ рынка оленины в России в 2015–2019 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2020–2024 гг. / ООО «BusiesStat», 2020. — С. 97–116.
7. Проблемы и стратегии развития тундрового оленеводства Ямало-Ненецкого автономного округа: отчет о НИР / ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»; рук. Г. Ф. Деттер. — Салехард, 2018. — 271 с. — Исполн.: К. Г. Филант, О. В. Рябкова, Р. В. Серебрякова, С. В. Шулинин.
8. Доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие агропромышленного комплекса, рыбного хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2024 годы» за 2016 год [Электронный ресурс]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (дата обращения: 23.10.2020).
9. Доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие агропромышленного комплекса, рыбного хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2024 годы» за 2017 год [Электронный ресурс]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (дата обращения: 23.10.2020).
10. Доклад о ходе реализации и оценке эффективности реализации государственной программы Ямало-Ненецкого автономного округа «Развитие агропромышленного комплекса, рыбного хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2014–2024 годы» за 2018 год [Электронный ресурс]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (дата обращения: 23.10.2020).
11. Антонов Е. В., Литвиненко Т. В., Нувано В. Н. Полимасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутрорегиональные и локальные различия // Известия РАН. Сер. географическая. — 2018. — № 5. — С. 21–35.
12. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. — <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 23.10.2020).
13. Аналитическая записка ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» от 11.12.2019 г. № 2386-16/1048 «О жизненных стратегиях и миграционных предпочтениях домохозяйств малочисленных населенных пунктов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа».
14. Васильев А. М., Затхеева В. А., Лисунова Е. А. Вклад российского рыболовства, в том числе арктического, в достижение показателей «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 1 (37). — С. 16.

15. Большаков В. Н., Богданов В. Д. Освоение Арктики. Риск утраты биологических ресурсов // Вестник Уральского отделения РАН. — 2009. — № 3. — С. 29–35.
16. Вопиловский С. С. Специфика борьбы с незаконным, несообщаемым и нерегулируемым промыслом в условиях Арктического региона // Евразийское научное объединение. — 2019. — № 12-3 (58). — С. 2.
17. Торцев А. М., Студёнов И. И. Промышленное рыболовство в условиях расширения границ особо охраняемых природных территорий Архангельской области // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2020. — № 5. — С. 347.
18. Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа // Доклад Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа по вопросам социально-экономического развития муниципального образования Шурышкарский район от 15.04. 2020 г. — С. 48.
19. Денисов В. И., Черноградский В. Н., Потравный И. М., Иванова П. Ю. Направления сбалансированного социально-экономического развития Арктической зоны России (на примере Якутии) // Проблемы прогнозирования. — 2020. — № 4. — С. 70.

References

1. Polbitsyn S. N., Drokin V. V., Zhuravlev A. S. The main directions in the organization of food supply for the northern, polar and arctic territories // Management of economic systems: electronic scientific journal. — 2014. — No. 10. — URL: <http://uecs.ru/uecs70-702014/item/3084-2014-10-17-08-22-34> (date of access: 23.10.2020).
2. Ivanov V. A. Specificity, priorities and mechanisms for ensuring food security in the Arctic and subarctic territories of the European North-East [Text] / V. A. Ivanov // Problems of territory development. — 2016. — No. 2. — P. 50–64.
3. Office of the Federal State Statistics Service of the Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous District — Yugra and Yamal-Nenets Autonomous District [Electronic resource]. — https://tumstat.gks.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%AF%D0%9D%D0%90%D0%9E_2020.htm (date of access: 23.10.2020).
4. Report on the progress of implementation and assessment of the effectiveness of the implementation of the state program of the Yamal-Nenets Autonomous District “Development of the agro-industrial complex, fisheries and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2014–2024” for 2019 [Electronic resource]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (date of access: 23.10.2020).
5. Mitin A. N., Voronin B. A., Donnik I. M. Economic and legal mechanisms for using the natural resource potential of the Arctic in the context of food and environmental security // Economy of the region. — 2018. — Vol. 14, no. 2. — P. 414–416.

6. Analysis of the reindeer meat market in Russia in 2015–2019, assessment of the impact of coronavirus and forecast for 2020–2024 / LLC “BusiesStat”, 2020. — P. 97–116.
7. Problems and strategies for the development of tundra reindeer husbandry in the Yamal-Nenets Autonomous District: report on research / Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District; head: G. F. Detter. — Salekhard, 2018. — 271 p. — Executors: K. G. Filant, O. V. Ryabkova, R. V. Serebryakova, S. V. Shulinin.
8. Report on the progress of implementation and assessment of the effectiveness of the implementation of the state program of the Yamal-Nenets Autonomous District “Development of the agro-industrial complex, fisheries and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2014–2024” for 2016 [Electronic resource]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (date of access: 23.10.2020).
9. Report on the progress and assessment of the effectiveness of the implementation of the state program of the Yamal-Nenets Autonomous District “Development of the agro-industrial complex, fisheries and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2014–2024” for 2017 [Electronic resource]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (date of access: 23.10.2020).
10. Report on the progress of implementation and assessment of the effectiveness of the implementation of the state program of the Yamal-Nenets Autonomous District “Development of the agro-industrial complex, fisheries and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food for 2014–2024” for 2018 [Electronic resource]. — <https://dapk.yanao.ru/documents/reports/> (date of access: 23.10.2020).
11. Antonov E. V., Litvinenko T. V., Nuvano V. N. A poly-scale analysis of the dynamics of domestic reindeer husbandry in the Arctic regions: territorial shifts, intraregional and local differences // *Izvestiya RAN. Geographic series.* — 2018. — No. 5. — P. 21–35.
12. Unified interdepartmental information and statistical system [Electronic resource]. — <https://www.fedstat.ru> (date of access: 23.10.2020).
13. Analytical note of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District dated December 11, 2019 No. 2386-16 / 1048 “Life strategies and migration preferences of households in small settlements in the Shuryshkarsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District.”
14. Vasiliev A. M., Zatkheeva V. A., Lisunova E. A. Contribution of Russian fishing, including the Arctic one, to the achievement of indicators of the “Doctrine of food security of the Russian Federation” // *Arctic: ecology and economics.* — 2020. — No. 1 (37). — P. 16.
15. Bolshakov V. N., Bogdanov V. D. Development of the Arctic. The risk of loss of biological resources // *Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.* — 2009. — No. 3. — P. 29–35.
16. Vopilovsky S. S. Specificity of the fight against illegal, unreported and unregulated fishing in the Arctic region. // *Eurasian Scientific Association.* — 2019. — No. 12-3 (58). — P. 2.

17. Tortsev A. M., Studenov I. I. Industrial fishing in the context of expanding the boundaries of specially protected natural areas of the Arkhangelsk region // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. — 2020. — No. 5. — P. 347.
18. Government of the Yamal-Nenets Autonomous District // Report to the Governor of the Yamal-Nenets Autonomous District on the issues of socio-economic development of Shuryshkarsky region of 15.04. 2020. — P. 48.
19. Denisov V. I., Chernogradskiy V. N., Potravny I. M., Ivanova P. Yu. Directions of balanced socio-economic development of the Arctic zone of Russia (by the example of Yakutia) // Forecasting problems. — 2020. — No. 4. — P. 70.

Сведения об авторе

Константин Геннадьевич Филант, 1972 г. р. Закончил в 2002 году Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов по специальности «Юриспруденция», в 2006 году — Уральскую государственную юридическую академию. Кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). Научные интересы: теория государства и права, административное право, конституционное право, информационное право, финансовое право, обычное право, оценка юридических рисков, региональная экономика, права коренных малочисленных народов Севера, государственное управление миграционными и административно-территориальными процессами.

Information about the author

Konstantin Gennadievich Filant, born in 1972. Graduated from St. Petersburg Humanities University of Trade Unions in 2002 with a degree in law, and in 2006 from the Ural State Law Academy. Candidate of Juridical Sciences, Leading researcher of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: theory of state and law, administrative law, constitutional law, information law, financial law, customary law, legal risk assessment, regional economy, rights of indigenous peoples of the North, state management of migration and administrative-territorial processes.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 12, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 101–119.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 101–119.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

Научная статья

УДК 37

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.007

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ

*Руслана Вячеславовна Серебрякова¹,
Геннадий Филиппович Деттер²*

^{1,2} Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

¹ wild30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0147-5812>

² detter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2590-0243>

Аннотация. Промышленное освоение Арктической зоны Российской Федерации, изменения климата, нормативной правовой базы, масштабные экономические преобразования, происходящие как в России, так и в других арктических странах в последние десятилетия, привели к серьезным изменениям в традиционном образе жизни, традиционной хозяйственной деятельности, изменению способов жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Возник комплекс проблем, которые требуют серьезного изучения и анализа, разработки мер по их разрешению. Одна из важнейших проблем коренных малочисленных народов — это доступность, уровень и качество образования выпускников школ-интернатов. Результативность образования коренного населения является определяющим условием для их трудоустройства в отраслях, не связанных с традиционной экономикой, с возможностью миграции в большие поселения и города. Тем не менее современная система образования не обеспечивает достаточных условий для получения коренным населением высокого уровня образования и компетентности. Типичной причиной является низкая заинте-

ресованность самих представителей коренного населения, что характерно и для всех остальных категорий обучающегося контингента. Но следует отметить и несовершенство образовательных учреждений и образовательных программ. Гипотеза исследования предполагает, что культурное и языковое равенство и многообразие в обучении коренных малочисленных народов способны существенно повысить доступность, уровень и качество образования в школах-интернатах и таким образом помочь им в формировании позитивных жизненных установок, альтернативных ведению традиционного образа жизни, тем самым способствовать адаптации в современных социально-экономических и научно-технологических условиях. По результатам исследования подготовлены предложения, направленные на улучшение результативности обучения в школах-интернатах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Арктика, коренные малочисленные народы, образование, культура, язык.

Цитирование: Серебрякова Р. В., Деттер Г. Ф. Роль культурного и языкового многообразия в образовательном процессе коренных малочисленных народов Арктики) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 101–119. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.007

Original article

THE ROLE OF CULTURAL AND LINGUISTIC DIVERSITY IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE ARCTIC

Ruslana V. Serebryakova¹, Gennady F. Detter²

^{1,2} Arctic Research Center, Salekhard, Russia

¹ wild30@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0147-5812>

² detter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2590-0243>

Abstract. Industrial development of the Arctic zone of the Russian Federation, climate change, changes in the regulatory framework, large-

scale economic transformations taking place both in Russia and in other Arctic countries in recent decades have led to serious changes in the traditional way of life, traditional economic activities, changes in the way of life support of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. A complex of problems has arisen. They require serious study, analysis, and development of measures to resolve them. One of the crucial issues of indigenous small-numbered peoples is the availability of education for boarding school graduates, its level and quality. The efficiency of education of the indigenous population is a determining condition for their employment in the industries that are not related to the traditional economy, with the possibility of migration to large settlements and cities. However, the modern education system does not provide sufficient conditions for the representatives of indigenous population to obtain a high level of education and competence. A typical reason is the low interest of the indigenous population, which is common for all other categories of students, but the imperfection of educational institutions and educational programs should also be noted. The research hypothesis assumes that cultural and linguistic equality and diversity in education of indigenous small-numbered peoples can significantly increase the availability, level and quality of education in boarding schools and thus help them to form positive life attitudes, alternative to the traditional way of life, thereby contributing to adaptation in modern socio-economic and scientific-technological conditions. As a result of the study, proposals aimed at improving the efficiency of education in boarding schools for indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East have been prepared.

Keywords: Arctic, indigenous small-numbered peoples, education, culture, language.

Citation: Serebryakova R. V., Detter G. F. The role of cultural and linguistic diversity in the educational process of the indigenous peoples of the Arctic // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 101–119. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.007

Введение

Качество образовательной подготовки населения является одним из условий успешного социального развития. На протяжении долгого времени в нашей стране система образования коренных малочисленных на-

родов Севера предполагала усвоение ими русской, европейской культуры без учета специфики их ментального склада и этнокультурных потребностей. Это привело к резкому сужению функций их родных языков, формированию иждивенческой психологии, пренебрежительного отношения к собственным культурным ценностям, неустойчивости профессиональной ориентации выпускников школ, неспособности адаптироваться к самостоятельной жизни. На определенном этапе сложившаяся в советское время в местах компактного проживания северных народов система школ-интернатов способствовала ликвидации неграмотности, получению всестороннего образования. Хотя в целом уровень образования аборигенов был существенно ниже, чем у нового населения, в результате подобной системы у коренных народов появились писатели, профессиональные художники, ученые, техническая интеллигенция. Но на сегодняшний день назрела необходимость применения системного подхода к реформированию и совершенствованию системы образования, поиска оптимальных форм обучения детей коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктики, с целью их успешной социализации и дальнейшего трудоустройства, интеграции в современную цивилизацию.

Постановка проблемы

Промышленное освоение Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), изменение климата, модификация нормативной правовой базы, масштабные экономические преобразования, происходящие как в России, так и во всем мире, привели к серьезным изменениям в традиционном хозяйстве и традиционном образе жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (КМН), локализованных на сухопутной территории АЗРФ. Возник целый комплекс взаимосвязанных проблем и противоречий, которые требуют серьезного изучения и анализа, разработки мер по их разрешению.

Одной из таких проблем является низкий уровень качества образования коренного населения, в первую очередь выпускников школ-интернатов, не позволяющий им трудоустроиваться вне традиционных отраслей экономики и вне сельских поселений, молодежь не находит себе места на рынке труда, что создает социогуманитарные и экономические проблемы. Вполне определенно можно утверждать, что это ключевой вызов в процессе развития коренных малочисленных народов [1].

Трудовая деятельность в среде КМН является источником средств к существованию лишь для четверти населения в трудоспособном возрасте. Пособия, пенсии, натуральное хозяйство — для 75 процентов. Поддержка традиционных отраслей лишь отчасти решает проблему сохранения и развития малочисленных этносов и практически не решает проблему отсутствия роста благосостояния. В настоящее время лишь 20 % населения в возрасте 14–64 лет заняты в отраслях традиционной хозяйственной деятельности (преимущественно в оленеводстве). В дальнейшем эта доля будет лишь сокращаться. Емкость арктических экосистем и заложенный самим типом хозяйствования низкий уровень производительности не предполагают значительного расширения возможностей роста доходов населения. Иными словами, задача — рост уровня социально-экономического благополучия КМН — не решается в рамках задачи сохранения технологий и образа жизни кочевого населения.

Охарактеризованная ситуация свидетельствует о том, что в перспективе развитие малочисленных этносов в еще большей степени (даже при увеличивающейся поддержке государства) будет осуществляться на нетрадиционной хозяйственной основе. Если сегодня об оленеводстве говорят как об этносохраняющей отрасли, которая, как отмечалось, консервирует элементы архаизма, изжитые другими народами мира (кочевничество), то добровольная или вынужденная смена деятельности означает переход к новому, базирующемуся на современных технических и иных достижениях, развивающему этапу жизни преобладающей части этноса [2].

Базовыми условиями такого перехода являются образование и получение компетенций, позволяющих адаптироваться к изменяющимся реалиям. С экономической точки зрения образование — это источник экономического роста. Знания, навыки, способности, мотивация, ценности и энергия, приобретаемые человеком в течение всей жизни, способствуют росту производительности труда и приносят доход индивиду и социальной группе.

Наличие профессионального образования в современной России — практически единственная потенциальная возможность изменения своей социальной траектории. Никакой другой фактор не способен создать растущим этносам возможность для перехода к новым формам самообеспечения. Однако в нашем случае система образования не обеспечивает условий для такого перехода. К примеру, по данным переписи 2002,

2010 годов, около 80 % ненцев и 74 % в целом КМН, живущих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), не имеют профессионального образования (в отношении в целом к населению ЯНАО этот показатель зеркально противоположен: 80 на 20). По уровню образованности населения КМН Ямала значительно отстает от всех других регионов, где проживают коренные малочисленные народы. В целом в Российской Федерации более 47,5 % КМН имеют высшее и среднее образование.

Отметим прежде всего, что фиксируемое отставание КМН от уровня образования в целом по России может быть объяснено как историческими причинами, так и большей включенностью этих народов в традиционный образ жизни, не требующий современного образования [2]. Отставание КМН Ямала, по сравнению с другими территориями, объясняется тремя причинами: наибольшее количество кочующего населения, отсутствие разветвленной инфраструктуры профессионального образования, доступного для КМН, и тем, что традиционное хозяйство до последнего времени оставалось практически единственным возможным социальным маршрутом. Выпускники из числа КМН меньше, чем другие дети, заинтересованы в продолжении обучения, что, видимо, связано с меньшей ценностью образования в среде аборигенного населения и низким уровнем материального обеспечения семей коренных народов. Играют свою роль также и социокультурные факторы, в частности ненацеленность большей части КМН на самореализацию в относительно конкурентной среде [3].

Однако нельзя недооценивать и дефекты самой системы образования: неадаптированность системы интернатного образования к потребностям и возможностям детей из КМН; отсутствие специальных усилий образовательной системы, направленных на формирование установок на жизненную стратегию, альтернативную ведению традиционного образа жизни; экономические факторы. В целом систему образования для КМН, сконцентрированную на школе-интернате, нельзя назвать эффективной.

Исследовательские вопросы

Для повышения уровня и качества образования детей КМН представляется необходимым ответить на такие вопросы, как: культурное и языковое равенство и многообразие помогут повысить уровень дошкольной подготовки, уровень готовности первоклассника, адаптировать

систему интернатного образования к потребностям и возможностям детей из числа КМН, расширить мировоззрение детей кочевников, сформировать установку на жизненную стратегию, альтернативную ведению традиционного образа, мотивировать родителей на получение детьми профессионального образования.

Цель исследования

Целью работы является определение возможностей повышения уровня и качества образования коренных малочисленных народов России в современных социально-экономических и научно-технологических условиях, поиск баланса между сохранением традиционного образа жизни коренного населения и развитием в новых технологических, экономических и экологических условиях, формирование предложений, направленных на улучшение уровня и качества образования представителей коренных малочисленных народов.

Методы исследования

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют научно-теоретические положения зарубежных исследователей процессов образования коренных малочисленных народов.

Исследователи из стран Северной Европы в настоящее время пытаются найти ответ на вопрос: возможно ли в условиях дошкольного и школьного образования объединить традиционную модель воспитания единственного оставшегося на территории Европейского Союза коренного народа (саамов) и модель образования, основанную на потребностях западного общества?

В настоящее время в Норвегии проживает около 60 тыс. саамов (примерно 1 % от населения страны), в Швеции — около 20 тыс. (0,2 %), в Финляндии — около 10 тыс. (0,1 %). Саамские языки существенно отличаются друг от друга, и носители разных вариантов языка не всегда могут друг друга понять. Языков, на которых говорят сегодняшние саамы, насчитывается менее десятка, из них на трех — северносаамском, колтта-саамском и инари-саамском — говорят саамы, проживающие в Финляндии. В Финляндии на северносаамском языке говорят более 2500 человек, в Норвегии и Швеции таких свыше 25 000. Носителей колтта-саамского и инари-саамского насчитывается всего лишь по несколько сотен каждого. Эти два малочисленных языка в XX веке были близки

к вымиранию. Есть саамы, которые уже не говорят на своем родном языке; есть также саамы, которые проживают за пределами территории их традиционного поселения [4].

Инструментально-методический аппарат основывается на сочетании методов общенаучного и естественно-научного познания, эмпирического и теоретического: сравнительно-исторический анализ, нормативный анализ, компаративный анализ, экономико-статистический анализ, обобщение, абстрагирование, моделирование, системный анализ и синтез.

Результаты

Раньше среди многих саамов Северной Европы бытовало представление о том, что для их детей будет лучше, если они не будут учить саамский язык, а сосредоточатся на изучении лишь государственного языка своей страны. До 1980-х гг. некоторые родители-саамы искренне верили, что жизнь их детей станет легче, если они будут свободны от бремени своей этнической идентификации. Однако сегодня многое изменилось.

Чтобы язык оставался витальным, т. е. способным к дальнейшему развитию, необходимы структурная поддержка языка на всех уровнях, обязательное наличие государственных программ поддержки языка. Но в конечном итоге жизнеспособность языка зависит от тех, кто является носителями языка. Язык надо использовать, говорить на нем. И это именно то, на что направлены усилия различных организаций и программ, которые функционируют в странах Северной Европы.

В поликультурном обществе система образования должна быть направлена на реализацию культурного и языкового равенства, развитие активного многоязычия и восприимчивости к мультикультурализму. Задача развития восприимчивости к мультикультурализму проистекает из необходимости наладить уважительный диалог между различными формами мышления и знаний, присущими, с одной стороны, коренным народам, а с другой — национальному большинству [5].

Коренные народы должны в полной мере участвовать в планировании собственных учебных программ, результаты которого должны обязательно приниматься во внимание органами власти. Предоставление коренным народам права на самоопределение в отношении образования потребует политических усилий и более глубокого осознания этого вопроса, чем прежде. Чтобы претерпеть трансформацию, образование коренных народов должно рассматриваться как один из факторов, кото-

рые позволяют создать общество, являющееся частью государства всеобщего благосостояния [6]. Образовательная политика государств Северной Европы направлена на предоставление возможностей получения высокоуровня образования и, следовательно, повышение качества жизни коренных народов [7].

Важную роль в продвижении саамского языка и культуры в странах Северной Европы играют дошкольные учреждения, потому что именно они способствуют познанию традиций, усвоению родного языка на начальном этапе формирования индивидуальности детей, играют важную роль в сохранении саамских языков и передаче их будущим поколениям.

Финляндия: дошкольное образование

Параграф 17 Конституции Финляндии гарантирует саамам, как коренному народу, право сохранять и развивать свой язык и культуру, а также пользоваться родным языком в органах власти. В Саамском регионе Финляндии, согласно параграфу 121 Конституции, саамское население имеет культурную и языковую автономию [8]. Так, например, в муниципалитете Инари существует четыре официальных языка: финский, северносаамский, колтта-саамский и инари-саамский. Одной из задач современной языковой политики Финляндии является возрождение саамских языков.

В Финляндии существуют так называемые «языковые гнезда»: это дошкольные языковые образовательные центры, которые являются примером активизации языка методом полного погружения обучаемого в языковую среду, когда персонал центра, начиная с самого первого дня обучения, все время говорит только на изучаемом языке. Языковые центры работают наподобие дневных детских учреждений, в которых весь персонал, ухаживающий за детьми, набран из говорящих на инари-саамском языке, при этом родители детей сами могут даже и не владеть инари-саамским.

Швеция: дошкольное образование

В Швеции саамский язык признан официальным языком национального меньшинства. Это произошло после того, как страна ратифицировала Европейскую рамочную конвенцию по защите национальных меньшинств и Европейскую хартию региональных и малых языков. Сегодня в тех регионах Швеции, где исторически жили саамы, саамским

языком, наравне со шведским, можно пользоваться в административных органах и в суде. Дети родителей, относящих себя к национальным меньшинствам, имеют право на занятия родным языком. Использование саамского языка также возможно в детских садах [9]. Саамские детские сады открыты в нескольких муниципалитетах.

Норвегия: дошкольное образование

В некоторых норвежских муниципалитетах с компактным проживанием саамов наравне с официальным языком сосуществуют 3 саамских языка: южный, северный и луле-саамский.

В Норвегии дети имеют право посещать муниципальные саамские детские сады независимо от места жительства. Сотрудники подобных дошкольных учреждений должны использовать саамский в качестве языка общения. Помимо саамских детских садов, существуют норвежские детские сады с саамским обучением, куда на несколько часов в неделю приходит учитель или воспитатель и проводит занятия для детей на саамском языке.

Работа в саамских детских садах строится по традиционному саамскому календарю с учетом этнической культуры, верований, обычаев и традиций [10]. Такие детские сады по инициативе местных саамских сообществ активно используют так называемое обучение на открытом воздухе. Воспитанники много времени проводят на природе, начиная с 4-летнего возраста они активно участвуют в рыбной ловле (в том числе и подледной), учатся ставить чум (и весной вся образовательная работа проводится внутри него), а также собирают ягоды и различные растения, участвуют в приготовлении еды из собранных продуктов, обучаются коптить мясо. Также в саамских детских садах проводятся дополнительные занятия по традиционным ремеслам со специально приглашенными мастерами, потому что не у всех детей есть возможность обучаться азам ремесла дома. В процессе обучения традиционным ремеслам дети также изучают традиционную саамскую лексику, расширяя таким образом свой словарный запас [11].

Цикличность и повторяемость являются главными принципами этнокультурного образовательного пространства: ежегодно годовой цикл повторяется, обучение усложняется на каждом возрастном уровне. Вся работа документируется, создаются архивы. Подобные занятия способствуют сближению поколений и росту самосознания саамов.

Финляндия — школа

Помимо того, что, согласно Индексу человеческого развития ООН (Human Development Index), по уровню образования Финляндия демонстрирует одни из самых лучших результатов в мире, в этой стране наиболее успешно (по сравнению с другими странами Северной Европы — Норвегией и Швецией) решаются не только вопросы сохранения саамского языка, но и проблемы развития и реформирования системы школьного образования детей-саамов [12].

Согласно национальной учебной программе Финляндии основная цель обучения саамоязычных учеников — способствовать их развитию в направлении активного двуязычия и мультикультурализма [13]:

- образование должно поддерживать идентификацию учеников со своим национальным культурным наследием и их связь с саамами, живущими в разных странах;
- при обучении на саамском языке все учебные дисциплины должны способствовать постоянному повышению у учащихся уровня владения языком; исследователями-лингвистами доказано, что высокий уровень владения родным языком в дальнейшем способствует успешному овладению государственным и международными языками [14];
- образование должно обеспечивать ученикам условия, способствующие развитию здоровой самооценки без потери саамской идентичности или ассимиляции с преобладающим населением;
- школа должна сотрудничать с семьями обучающихся, чтобы традиции воспитания и обучения саамов принимались во внимание;
- по возможности образование должно быть адаптировано к сезонному ритму жизни местной общины саамов, традиционной сезонной деятельности и смене сезонов.

Образование на саамском языке в Финляндии предоставляют все общеобразовательные школы и колледжи, расположенные в районе проживания саамов [15]. В Хельсинки находится общеобразовательная школа *Pasilan peruskoulu*, отличающаяся от всех других. Здесь сформированы двуязычные классы, в которых преподавание ведется как на финском, так и на северносаамском языках. Школа предоставляет ученикам двуязычное обучение вплоть до девятого класса, т. е. до 15-летнего возраста. 80 % образовательной программы для этих учеников пре-

доставляется на северносаамском языке, остальная часть — на финском языке [4].

Очень большое внимание в Финляндии уделяется подготовке учителей. Потенциальный учитель должен, во-первых, окончить школу с отличными оценками, затем получить профильное высшее образование и успешно закончить магистратуру. Профессия учителя в Финляндии является очень престижной, поэтому конкурс в финской системе подготовки учителей один из самых высоких в мире [16].

Швеция: школа

В систему обязательного образования в Швеции, помимо обычных школ, входят пять саамских школ для детей-саамов в возрасте до 12 лет. Четыре школы находятся в лене Норрботтен (в населенных пунктах Каресуандо, Кируна, Елливаре, Йоккмокк), и одна — на территории Лапландии в Тярнаби. В саамских школах обучение ведется как на шведском, так и на саамском языке. Они открыты для всех детей, чьи родители утверждают, что они являются саамами. Каждая саамская школа имеет свое собственное общежитие для учеников, в которых ученики и живут большую часть года.

У саамских школ есть собственная национальная учебная программа (Sami National Curriculum, SNC), которая во многих отношениях аналогична шведской национальной учебной программе для обязательной школы.

В отличие от Финляндии большая часть образовательной программы предоставляется не на саамском языке (800 часов преподавания на саамском языке по сравнению с 910 часами обучения на шведском языке за шесть лет обучения). То есть нынешняя школьная система в Швеции, хотя и предоставляет учащимся возможность двуязычного обучения, не поддерживает развитие саамского и шведского языков на равной основе.

Другая проблема заключается в том, что саамская учебная программа включает шесть школьных лет, а шведская национальная учебная программа включает все девять лет обязательного школьного образования. То есть, когда ученики заканчивают шестилетнее саамское образование, они вынуждены дальше учиться в другой школе, уже по шведской национальной учебной программе.

В Швеции есть также саамская гимназия, единственная в стране. Помимо общеобразовательной программы, гимназия предлагает обучение оленеводству, традиционной кулинарии, ремеслам и саамским языкам (на выбор: луле-саамский, северно- или южносаамский язык). В течение всей учебы дети находятся в школе-интернате.

Норвегия: школа

Саамская школа в Норвегии представляет собой инклюзивную школьную систему с саамской учебной программой. Учащиеся из числа саамов, помимо родного языка, в обязательном порядке изучают норвежский и английский языки.

В школах ведется профориентационная работа на основании заказов, поступающих от муниципалитета. Именно муниципалитет определяет востребованные в конкретный период времени профессии (например, профессии электрика, строителя, механика по ремонту снегоходов, медсестры, повара, оленевода) и составляет их перечень, на основании которого в школах осуществляется комплексная профориентационная деятельность [11].

Миссия саамского педагогического образования в Норвегии заключается в сохранении и развитии саамского языка, саамских традиций, саамского образа жизни, традиционных видов хозяйственной деятельности, знаний и компетенций, а также в поддержке развития саамского общества с целью обеспечения его существования на равных правах с норвежским обществом.

Финляндия: курсы саамского языка

Образовательный центр в Инари устраивает интенсивные годовые курсы северносаамского, колтта-саамского и инари-саамского языков для взрослых. Это языковые курсы практической направленности, в фокусе которых развитие разговорных навыков. Некоторые курсы формируются специально для людей, чья работа требует обязательного знания саамского языка, например для тех, кто работает в области образования, здравоохранения и сфере услуг.

Помимо занятий, проводимых непосредственно в Инари, центр организует также онлайн-курсы по всем трем языкам. 70 % саамов проживают за пределами Сапми — региона их традиционного поселения. Виртуальные занятия позволяют охватить языковым обучением и эту аудиторию [17].

Швеция: курсы саамского языка в университетах

Академические курсы саамского языка можно пройти в университетах Умео и Уппсалы. В Уппсальском университете и Университете Умео ведется преподавание северносаамского диалекта, а в Университете Умео к нему добавляется и южносаамский язык [18].

Норвегия: высшее образование

В Норвегии есть саамский университетский колледж и саамский исследовательский институт, который в настоящее время входит в состав саамского университетского колледжа. Цель Саамского колледжа, являющегося единственным учебным заведением, где готовят учителей для детей-саамов, состоит в том, чтобы приспособить образование к потребностям саамского общества [14]. Главный принцип обучения в колледже — преподавание на саамском языке. В саамском университетском колледже наряду с теоретическим обучением большое внимание уделяется развитию у студентов практических навыков, организации их общения с носителями языка. Учебный план строится в соответствии с традиционным календарем. Так, например, в сентябре студенты-первокурсники участвуют в забое оленей и обработке шкур, в октябре занимаются изготовлением из шкур традиционной саамской одежды. Помимо этого, учащиеся под руководством опытных мастеров — носителей языка занимаются рыбной ловлей, сооружают чумы, работают с оленями в корале, обучаются традиционному саамскому ремеслу «дуоджи». Обучение студентов последующих курсов повторяется циклично и в более усложненной форме. Сдача выпускных проектных работ и устных экзаменов осуществляется на саамском языке [11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Институтам образования необходимо разработать учебные программы с учетом культурных особенностей коренных народов, укрепить позиции их родных языков. Все это будет способствовать улучшению общего благосостояния и равенства коренных народов, поскольку учебные программы будут направлены на поддержку обучения, в центре внимания которого находятся культура, знания и опыт коренных народов. Подобные учебные планы, которые сочетают в себе знания корен-

ных народов и образ мышления национального большинства, следует разрабатывать в активном сотрудничестве с представителями коренных народов.

Школьное обучение детей коренных народов должно быть организовано более гибко, с учетом их представлений о времени и пространстве. Следует активно использовать обучение вне стен класса, «на открытом воздухе», отказаться от 45-минутного расписания, строить учебный план в соответствии с традиционным календарем. Рекомендуются отойти от разделенного и раздельного предметного обучения и внедрять целостное и активное обучение посредством взаимосвязанных тем и межпредметных проектов. Также следует отойти от обучения, основанного на авторитарных отношениях, в сторону обучения, ориентированного на учеников, в процессе которого учитель не выступает непререкаемым авторитетом, а оказывает ученикам поддержку при самостоятельном решении ими задач и работе над проектами. Методы обучения, ориентированные на учеников, более совместимы с традиционным воспитанием детей (и с культурой коренных малочисленных народов Севера), чем методы обучения, ориентированные на учителя.

Учителя тратят много времени на планирование уроков в соответствии с подробными инструкциями. Необходимо предоставить педагогам достаточное количество времени и ресурсов для планирования инновационного обучения.

На этапе дошкольного образования все обучение должно осуществляться на родном языке детей коренных народов. На этапе начального школьного образования обучение должно быть двуязычным, при этом обучение навыкам чтения должно осуществляться на языках коренных народов. На этапе среднего школьного образования двуязычную систему обучения необходимо сохранить, причем на всех этапах школьного образования большая часть образовательной программы должна предоставляться на родном языке учащихся. Изучение третьего языка также должно входить в учебный план.

Одна из самых сложных задач — помочь учащимся стать активными и заинтересованными в учебе. Здесь большое значение имеет как педагогическое мастерство учителя, так и сотрудничество школы с семьями обучающихся, так как мотивация к получению знаний у коренных народов тесно связана с возможностью их практического применения, в школах-интернатах обязательна к проведению профориентационная работа.

Причем проводиться она должна по тем специальностям, которые востребованы в регионе в конкретный период времени или будут востребованы в ближайшем будущем.

Список источников

1. Detter G., Filant K., Serebryakova R. Indigenous peoples of the North at the turn of the third decade of the 21st century // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. — 2020. — No. 539 (1). — <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012177>
2. Лашов Б. В. Экономика северного оленеводства в контексте этнической политики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — Т. 6, №. 4. — С. 7–16.
3. Деттер Г. Ф., Филант К. Г. Ключевые вызовы, узлы и тренды развития коренных малочисленных народов Севера в наступающее десятилетие // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — 2020. — № 2 (107). — С. 36–46.
4. Леггетт Т. Саамские языки в Финляндии живут и развиваются. — URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/saamskie-yazyki-v-finlyandii-zhivut-i-razvivayutsya/> (дата обращения: 10.12.2019).
5. Chacón H., Yanez F., Larriva G. Ecuadorian Amazonian cultures: Theoretical approaches to the training of researchers // Approaching indigenous knowledge. Complexities of the research process / J. C. Llorente, K. Kantasalmi, S. J. De Dios (eds.). — Helsinki: University of Helsinki, 2010. — P. 47–68.
6. Hirvonen V., Balto A. Self-government in Sámi schooling // Sámi self-government / J. B. Henriksen (ed.). — Gáldu cála: Á lgoálbmotvuoigatvuod — áid áigečála. — 2008. — P. 104–123.
7. Paksuniemi M., Keskitalo P. Introduction to the Finnish Educational System. — Leiden–Boston: Brill Sense, 2019. — 111 p.
8. Finnish Ministry of Justice legal information service. Suomen perustuslaki. — URL: <https://www.finlex.fi/> (дата обращения: 19.12.2020).
9. Голованов М. О., Прокина У. В. К вопросу о правовом положении саамов в королевстве Швеция // E-Scio. — 2017. — № 5 (8). — С. 120–130.
10. Keskitalo P. Place and space in Sámi education // Policy Futures in Education. — 2019. — № 17 (4). — P. 560–574. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1478210319848530> (дата обращения: 19.12.2020).
11. Алексеева А. Д. Этнокультурное образование у саамов Норвегии // Научный электронный журнал Меридиан. — 2016. — № 1 (1). — URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=75> (дата обращения: 13.12.2020).
12. Simola H. The Finnish Education Mystery: Historical and sociological essays on schooling in Finland. — New York: Routledge, 2017. — 308 p.

13. Finnish National Agency for Education. Prevention of violent radicalisation in schools and educational institutions. — 2018. — URL: <https://www.oph.fi/en/statistics-and-publications/publications/prevention-violent-radicalisation-schools-and-educational> (дата обращения: 18.12.2020).
14. Chiat S., Polišenská K. A Framework for Crosslinguistic Nonword Repetition Tests: Effects of Bilingualism and Socioeconomic Status on Children's Performance // *Journal of Speech Language and Hearing Research*. — 2016. — № 59 (5). — P. 1179–1189. — https://doi.org/10.1044/2016_JSLHR-L-15-0293
15. Keskitalo P., Määttä K., Uusiautti S. Sámi education in Finland // *Early Child Development and Care*. — 2012. — № 182 (3-4). — P. 329–343. — <https://doi.org/10.1080/03004430.2011.646723>
16. Hannele N., Auli T., Arto K.. *Miracle of Education // The Principles and Practices of Teaching and Learning in Finnish Schools*. — 2016. — URL: <https://www.springer.com/gp/book/9789463007764#> (дата обращения: 15.12.2020).
17. Sami Education Institute. — URL: <https://www.sogsakk.fi/en> (дата обращения: 16.12.2020).
18. The official site of Sweden. Sami in Sweden. — URL: <https://sweden.se/society/sami-in-sweden/> (дата обращения: 21.12.2020).

References

1. Detter G., Filant K., Serebryakova R. Indigenous peoples of the North at the turn of the third decade of the 21st century // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. — 2020. — No. 539 (1). — <https://doi.org/10.1088/1755-1315/539/1/012177>
2. Lashov B. V. The economy of northern reindeer husbandry in the context of ethnic policy // *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*. — 2014. — Vol. 6, No. 4. — P. 7–16.
3. Detter G. F., Filant K. G. Key challenges, nodes and development trends of the indigenous peoples of the North in the coming decade // *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*. — 2020. — No. 2 (107). — P. 36–46.
4. Leggett T. The Sami languages live and develop in Finland. — URL: <https://finland.fi/ru/zhizn-i-obshhestvo/saamskie-yazyki-v-finlyandii-zhivut-i-razvivayutsya/> (date of access: 10.12.2019).
5. Chacón H., Yanez F., Larriva G. Ecuadorian Amazonian cultures: Theoretical approaches to the training of researchers // *Approaching indigenous knowledge. Complexities of the research process / J. C. Llorente, K. Kantasalmi, S. J. De Dios (eds.)*. — Helsinki: University of Helsinki, 2010. — P. 47–68.
6. Hirvonen V., Balto A. Self-government in Sámi schooling // *Sámi self-government / J. B. Henriksen (ed.)*. — Gáldu cála: Á lgoálbmotvuoigatvuod — áid áigečála. — 2008. — P. 104–123.
7. Paksuniemi M., Keskitalo P. *Introduction to the Finnish Educational System*. — Leiden–Boston: Brill Sense, 2019. — 111 p.

8. Finnish Ministry of Justice legal information service. Suomen perustuslaki. — URL: <https://www.finlex.fi/> (date of access: 19.12.2020).
9. Golovanov M. O., Prokina U. V. The legal status of the Sami in the Kingdom of Sweden // E-Scio. — 2017. — No. 5 (8). — P. 120–130.
10. Keskitalo P. Place and space in Sámi education // Policy Futures in Education. — 2019. — No. 17 (4). — P. 560–574. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1478210319848530> (date of access: 19.12.2020).
11. Alexeeva A. D. Ethno-cultural education among the Sami in Norway // Scientific electronic journal Meridian. — 2016. — No. 1 (1). — URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=75> (date of access: 13.12.2020).
12. Simola H. The Finnish Education Mystery: Historical and sociological essays on schooling in Finland. — New York: Routledge, 2017. — 308 p.
13. Finnish National Agency for Education. Prevention of violent radicalisation in schools and educational institutions. — 2018. — URL: <https://www.oph.fi/en/statistics-and-publications/publications/prevention-violent-radicalisation-schools-and-educational> (date of access: 18.12.2020).
14. Chiat S., Polišenská K. A Framework for Crosslinguistic Nonword Repetition Tests: Effects of Bilingualism and Socioeconomic Status on Children's Performance // Journal of Speech Language and Hearing Research. — 2016. — No. 59 (5). — P. 1179–1189. — https://doi.org/10.1044/2016_JSLHR-L-15-0293
15. Keskitalo P., Määttä K., Uusiautti S. Sámi education in Finland // Early Child Development and Care. — 2012. — No. 182 (3-4). — P. 329–343. — <https://doi.org/10.1080/03004430.2011.646723>
16. Hannele N., Auli T., Arto K. Miracle of Education // The Principles and Practices of Teaching and Learning in Finnish Schools. — 2016. — URL: <https://www.springer.com/gp/book/9789463007764#> (date of access: 15.12.2020).
17. Sami Education Institute. — URL: <https://www.sogsakk.fi/en> (accessed on 16.12.2020).
18. The official site of Sweden. Sami in Sweden. — URL: <https://sweden.se/society/sami-in-sweden/> (date of access: 21.12.2020).

Сведения об авторах

Руслана Вячеславовна Серебрякова, 1977 г. р. Окончила факультет романо-германской филологии Воронежского государственного университета по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация» в 1999 году, Столичную финансово-гуманитарную академию по специальности «Юриспруденция» в 2015 году. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). Область научных интересов: межкультурная коммуникация, социокультурные и образовательные процессы в среде КМНС.

Геннадий Филиппович Деттер, 1967 г. р. Окончил Московскую академию предпринимательства при Правительстве г. Москвы по специальности «Экономист», аспирантуру на кафедре «Экономика и менеджмент недвижимости и технологий» Санкт-Петербургского политехнического университета им. Петра Великого. Кандидат экономических наук, заведующий научно-исследовательским сектором ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). Область научных интересов: социально-экономическое и пространственное развитие арктических пространств (регионов), стратегическое планирование, научно-технологическое и инновационное развитие, промышленная политика, традиционная хозяйственная деятельность коренных народов.

Information about the authors

Ruslana Vyacheslavovna Serebryakova, born in 1977. Graduated from the Faculty of Romance and Germanic Philology of the Voronezh State University with a degree in linguistics and intercultural communication in 1999, from the Moscow Academy of Finance and Humanities with a degree in law in 2015. Candidate of Philological Sciences. Senior researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: intercultural communication, sociocultural and educational processes in the indigenous peoples' environment.

Gennady Filippovich Detter, born in 1967. Graduated from the Moscow Academy of Entrepreneurship under the Government of Moscow with a degree in economics, from graduate school at the Department of Economics and Management of Real Estate and Technology of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. Candidate of Economic Sciences, Head of the research sector of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: socio-economic and spatial development of the Arctic areas (regions), strategic planning, scientific, technological and innovative development, industrial policy, traditional economic activities of indigenous peoples.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 19.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 19, 2021.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 711.4.01(571.121)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.008

ОСОБЕННОСТИ «ТРЕТЬИХ МЕСТ» СТОЛИЦЫ ОКРУГА. К ВОПРОСУ ГЕОБРЕНДИРОВАНИЯ САЛЕХАРДА

Галина Геннадьевна Гурьянова

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

galvarf@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются территории, не связанные с местами приоритетного пребывания человека: дома и работы, предназначенные для свободного общения. Функция этих зон коммуникации состоит в формировании городского сообщества, ориентированного на созидание современной городской среды. Рассматриваются территории, традиционно относящиеся к таким зонам, а также места, которые ценят именно жители Салехарда в качестве территорий общения. Анализ их роли в процессе урбанизации строится на результатах интервью горожан. Делается вывод о том, что кроме привычных для северных городов мест коммуникации в столице Ямала большое место занимает структурированное пространство города — улицы, набережные. В зимнее время, когда неспешная прогулка невозможна, заменой может стать «отложенная коммуникация» в виде результатов художественных акций.

Ключевые слова: «третьи места», Салехард, городское сообщество, геобрендинг.

Цитирование: Гурьянова Г. Г. Особенности «третьих мест» столицы округа. К вопросу геобрендинга Салехарда // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 122–135. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.008

Original article

SPECIFIC FEATURES OF THE DISTRICT CAPITAL THIRD PLACES. ON THE QUESTION OF THE SALEKHARD GEOBRANDING

Galina G. Guryanova

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

galvarf@mail.ru

Abstract. The article reviews the territories that are intended for free communication and are not associated with homes and workplaces where an individual stays most of the time. The function of these communication zones is to form an urban community focused to create a modern urban environment. The author considers territories that are traditionally classified as related to such zones, along with the places that are valued by the Salekhardians as territories for communication. The analysis of their role in the urbanization process is based on the results of their interviews. A conclusion is made that in addition to the communication places habitual for the non-northern cities, the structured urban areas such as streets and embankments play an important role in the Yamal capital. In winter, when an unhurried walk is impossible, “deferred communication” in the form of the results of artistic actions can be a substitute.

Keywords: Third Places, Salekhard, urban community, geo-branding.

Citation: Guryanova G. G. Specific features of the district capital third places. On the question of the Salekhard geobranding // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous district. 2021. (110). No. 1. P. 122–135. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.008

Введение

Салехард, как и большинство городов, обладает историей, живет настоящим и надеется на будущее. Жители Салехарда, коренные, приезжие, представители разных национальностей и конфессий, любят свой город, включаются в его освоение и созидание. При этом город окружает своего жителя теплыми местами работы, уютного жилья, разнообразной

сферой услуг. Как и в любом другом малом городе, несмотря на его столичный статус, большинство мест услуг (магазины, кафе и пр.) нестабильны, то мигрируют по городскому пространству, а то и исчезают. При этом своими названиями они часто отражают внутреннюю готовность салехардца к мгновенному перемещению в более южные территории. «Внутренняя миграция» жителя Салехарда, города северного, арктического (планирование следующего отпуска задолго до его начала, состояние «отложенного отъезда», «южные названия» магазинов), дополняет внешнюю мобильность горожанина (потоки приезжих «на Север» и отъезжающих «на землю», длинные отпуска, учеба в вузах за пределами Ямала и редкое возвращение после). Всё это на первый взгляд не содействует рождению образа горожанина, т. е. не просто жителя, но человека, ответственно относящегося к месту своей жизни и работы. В городе сильно развито краеведение, содействующее сохранению его истории, мест памяти, есть профессиональные сообщества, создающие в городском пространстве памятные места, устанавливающие памятные доски. Таким образом, в Салехарде есть устойчивые группы, участвующие в создании его уникального, прежде всего исторического, образа. Где и как могут собираться горожане, обдумывающие его современный уникальный образ?

Появилась цель изучить способность города предоставлять жителям места для активного общения и реализации себя в качестве осознанного горожанина, как сверхцель — выявить некое «салехардское» качество этих мест, их особенность.

Материалы и методы

Объект исследования — места свободного общения горожанина, предмет — «салехардские» качества подобных мест. Источниками для анализа послужили площадки, которые были специально организованы в качестве мест общения, интервью с их создателями, с горожанами по поводу потребности в местах общения и их форм, личные наблюдения, в том числе и во время реализации авторского проекта «Арт-субботник, или Искусство по шагам», за тем, как и где проводят свое время салехардцы. Всего опрошено было 35 человек от 25 лет и до 55 лет, т. е. активного городского населения, среди которых были коренные жители Салехарда (родившиеся здесь), местные (проживающие более 10 лет), приезжие (от 5 до 10 лет), вновь прибывшие (менее 5 лет).

Места, находящиеся между домом и работой, Рэем Ольденбургом в 1989 году были названы «третьими местами» [1]. Актуализация идей американского социолога в 2014 году (первое издание его книги в России) демонстрирует готовность изучения свободного общения, из которого может вырасти и гражданская инициатива. В исследовании учтена методика определения «третьих мест» по выделенным Ольденбургом признакам. Исследователь выделил следующие: пространство должно быть нейтральным, отличным от дома и работы, уравнивающим (посетители «третьих мест» не ранжируются по социальному/экономическому статусу); основное занятие в этих местах — беседа; места должны быть доступны, неприметны (немодны), их атмосфера — уютная, домашняя, игривая [1, с. 64–90].

Результаты и обсуждение

В результате рассмотрения мест, подпадающих под категорию «третьих», было определено, что столица Ямала находится лишь в начале пути внедрения и овладения этими территориями. Пока стабильно работают только две кофейни, расширяя охват населения столицы округа за счет появления новых «точек». В ряде учреждений культуры выявлены площадки, которые не только реализуют развивающую и досуговую функции, но и способствуют появлению атмосферы созидательного общения. При этом большинство опрошенных определили, что для них «третьими местами» служат встречи с друзьями на природе, прогулки по городу. При всей отличимости этих мест от тех, что определяет Р. Ольденбург, подчеркну, что для в целом «интерьерного» города именно прогулка становится особым состоянием, промежуточным, но не фрагментарным, а наполненным смыслом. Дело за главным — дополнить среду города смыслами, которые могут быть рождены в ходе продуманных арт-акций.

Подробность выделенных Р. Ольденбургом качеств дает возможность, с одной стороны, приложить данные для существующей салехардской реальности, с другой — выявить особенности этих мест. Для выявления «третьих мест» были проведены опросы населения. Любопытно, что на вопрос «где вы проводите свободное время?», респонденты ответили примерно одинаково: «дома», «с семьей», «чтение», «просмотр фильмов», «в сети Интернет». При разделении понятий «дом» и «свободное время» (вопрос «где вы проводите время между домом и работой?») респонденты дали более разнообразные ответы.

Безусловно, многие территории проведения свободного от работы (учебы) времени попадают под критерии Ольденбурга: могут быть доступны, уравнивающие, нейтральны, уютны. Поэтому главным критерием определения стала беседа (как основная цель посещения этих мест). Таким образом, места развития (спорт, школы иностранного языка, арт-студии) и занятий хобби, выделяемые в ответах, нами не принимались в расчет. Изучались лишь те территории, которые способствовали активизации общения.

Рассмотрю «третьи места» Салехарда по порядку их значимости для горожан. Начну с тех, кто значим менее. Первое место «снизу» занимают предприятия общественного питания. На международном сайте путешествий выделены действующие рестораны и кафе столицы ЯНАО [2]. В тройку лидеров по посещению входят «Охота», «Максим» и «Арктика». Сетевое кафе «Максим» салехардцы используют часто как место встреч, воскресных семейных обедов, проведения праздников. При этом много негативных отзывов о кухне и обслуживании. Другие рестораны («Охота», «Арктика», а также самый удивительный в городе — «Панорама») кроме праздничных мероприятий еще имеют функцию презентации округа и его столицы приезжим. Ясно, что по ряду признаков «третьих мест» — «неприметность», «нейтральность» — эти места ими не являются. А кафе «Максим» не всегда используется из-за небыстрого обслуживания. Многие территории общественного питания мигрируют, закрываются, тогда как «третье место» должно быть привычным, именно тогда в нём появляются «завсегдатаи» — обязательная примета «третьего места». Думаю, поэтому из всех опрошенных лишь один человек на вопрос «где вы проводите время между работой и домом?» ответил: «в ресторанчике каком-нибудь» [3]. Любопытно, что, вновь появляясь на карте города, новые места общепита часто предлагают себя именно как места общения (вывеска «Сегодня можно. Бар для друзей»). Для многих молодых людей Салехарда значимым местом общения является «Бургерная» на ул. Чубынина, аналог сетевых фастфудов «Burger King», «KFC» и т. п.

Чуть больше пяти лет назад в Салехарде появились кафе, специализирующиеся на предложении кофе и его вариантов. Кофейни — новое для Салехарда и привычное «третье место» для других, в том числе ямальских и сибирских, городов. Первой появилась кофейня «D'Safe» — в декабре 2014 года в Надыме, в мае 2015 года — в Салехарде. Летом 2020 года кофейня произвела ребрендинг и стала «Up Coffe» (девиз: «Только вверх!»).

Судя по группе в Instagram, кофейня имеет филиалы еще и в Новом Уренгое. Ответ организаторов на вопрос, что подвигло их на создание подобного заведения, свидетельствует об осмысленности продвижения сути «третьего места»: «Нашему региону не хватало мест с приятным обслуживанием, где дарят улыбку и всегда рады» [3].

В начале сентября 2019 года в Салехарде открылась еще одна кофейня «Kubik safe». По словам организатора, «кофе сам по себе — волшебный напиток, который ассоциируется с уютом, теплом, дружескими беседами» [3]. Выбор общения в качестве стратегии обеих кофеен ощущим в подборе бариста, готовых поддержать, часто инициировать разговор, создавать атмосферу дружелюбия и желания задержаться внутри кофейни подольше. И всё же большинство посетителей, приобретая напиток, выпивают его уже в личном автомобиле. Но заметим эту способность напитка мотивировать на общение. Прогулка со стаканом кофе по городу — это уже не просто перемещение от дверей дома к дверям работы.

Следующая категория мест — учреждения культуры: библиотеки, музеи, театры. Понятно, что не всегда библиотечные и музейные мероприятия созданы для общения, чаще для реализации разнообразных услуг — развивающей, познавательной, развлекательной. Познавательные события музея направлены на получение важной и интересной информации, а не на ее обсуждение и рефлекссию по этому поводу. Таковы формы экскурсий, лекций, квестов и пр. Проводимые национальной библиотекой ЯНАО встречи с писателями — это важный шаг на пути создания «третьего места». Но интересная тема и яркий человек еще не становятся залогом свободного общения участников встреч. Формат беседы задан: вопросы задаются только герою, общей беседы нет. Многие респонденты отмечают отсутствие в Салехарде книжных магазинов как мест общения. Действительно, в Салехарде книжные магазины — не как место торговли книгами, а как место диалога — отсутствуют. Нет магазинов с продуманной стратегией появления книжных новинок, нет и того, что часто в крупных городах возникает при магазинах. Так, обдумывая места возможного общения, один из респондентов пояснил: «Литературная кофейня «Чашка» — вот что мне хватает в нашем городе. Небольшого уютного библиокафе с буккроссингом» [4].

Но в Салехарде респонденты выделили места, связанные с учреждениями культуры, где ценность общения является приоритетной по срав-

нению с познанием и полученным умением. Это театральная мастерская «Скетч» в ДШИ имени Е. Образцовой и арт-субботник в МВК имени И. С. Шемановского. На первый взгляд цикл бесед «Арт-субботник, или Искусство по шагам», созданный в начале 2016 года и продолжающийся до сегодняшнего дня, представляет собой одну из развивающих площадок окружного музея. Да, знакомство с искусством «древним, классическим и современным», как следует из анонсов групп «ВКонтакте» и Facebook, протекает в режиме передачи информации, но основная цель не знание само по себе, а общение по поводу. Анонсы свидетельствуют об этом: «Субботние беседы об искусстве за чашкой чая и в хорошей компании» [5]; «Искусство — это пространство нашей воли, свободы... Это возможность побороть свой страх, найти новый ракурс, стать независимым. А еще это общение и познание себя» [6]. Арт-субботник как «третье место» отметили многие: «Меня очень устраивает формат общения на арт-субботнике»; «На моей памяти были попытки создать что-то типа городского клуба для взрослых. Вроде даже с бильярдом и кофе. Но как-то не хватило сил что ли. Отлично, что есть пространство арт-субботника» [7].

Самое большое количество ответов связано с ожидаемым для северного города «третьим местом» — прогулкой. Многие назвали выезды на природу, хотя вопрос касался городских мест. Но природное начало, конечно, доминировало в этих ответах: «...В лесу, в горах, на реке. В лодке или на снегоходе»; «С друзьями на пикниках и за грибами» [8].

Именно прогулка по городу стала самым приоритетным «третьим местом» Салехарда. Рассмотрим ее подробнее. Она не вписывается в структуру Р. Ольденбурга. Во-первых, ее трудно назвать местом, хотя респонденты часто точно обозначали маршруты прогулок. Во-вторых, беседе там не сопутствует домашний антураж в виде доступных напитков: кофе или чая. Хотя, вспоминая салехардские кофейни, понимаем, что именно они обеспечивают этот антураж, когда погода способствует неспешной прогулке, что летом, что зимой.

Салехардец тесно связан с автомобилем (это не только статус, но и возможность выезда на природу с детьми, друзьями), поэтому прогулка часто ассоциируется с машиной: «Люблю быть в теплой машине, разглядывая прохожих и небо»; «Люблю куда-то ехать...» [8]. Но самое большое количество ответов связано с прогулками пешеходными: «Люблю гулять по улицам, когда тепло. Одна»; «Чаще всего мое время между работой

и домом протекает в прогулках по городу»; «Люблю разговорные прогулки по улице Ленина, горсаду, набережной Полуя-Полябты»; «В Салехарде мне нравятся набережные рек»; «Город быстро меняет свой облик, я хожу и смотрю, что-то нравится, что-то — нет»; «Провожу свое время в салехардском небе!» [8]. Замечу, что неспешность прогулки, отличной от привычного пути от дома до работы и обратно, маркируется разговором с кем-то, а также с небом и городом. Таким образом, прогулка в качестве «третьего места» — это прогулка-диалог.

Учащиеся старших классов, уже осознающие потребность в свободном дружеском общении вне стен образовательных учреждений и мест дополнительного образования, также подчеркивают ценность прогулки: «Мы любим гулять по городу, по аллее у первой школы» (16 лет); «Старшая дочь (17 лет) с подругами гуляет одним и тем же маршрутом: по Республике до Городского сада, возвращаются по Ленина, любят качели» [9]. Действительно, пешеходная улица Ленина с 2018 года активно преобразуется, представляя важные мотивы для возможной коммуникации. Так, перголы с качелями привлекают гуляющих и беседующих разных возрастов круглый год, даже в зимнюю стужу и ветреные дни. Установленные в 2019 году интерактивные объекты предоставляют возможность осмысленного публичного высказывания. Мои наблюдения за весенне-летне-осенними манипуляциями молодежи с подвижными элементами объектов выделили приоритетные образы, создаваемые при их помощи: фигура человека (при том что «пятно» фигуры можно оставить и под собственным весом), знак сердца, аббревиатура хоккейной команды. Любопытно, что порой появляются даже обценные образы. Их «создание» на стене дома обычно не требует ни художественных навыков, ни старания, а содержит лишь вызов обществу. В формате интерактивного объекта этот процесс потребовал и старания, и продуманности «высказывания», и физического усилия. Не случайно банальный образ превратился в архаический жезл. Да, подобный мотив не обязателен для коммуникации, но наличие желания быть услышанным он утвердил. А ведь именно это и является первым шагом на пути общения.

Да, прогулки-диалоги свойственны в Салехарде и взрослым, и молодежи. Но среда столицы Ямала продемонстрировала и минимум состава «третьего места» в условиях их тотального дефицита. Из перечисленных Ольденбургом признаков я выделила ведущий — общение. А что нужно для общения? Место, откуда не прогонят и где минимально удобно. В ус-

ловиях неуютной для неспешных прогулок погоды северного города в течение большей части года этот минимум обеспечивается теплом и местом для сидения: «На обратном пути обязательно в «Апельсин» (магазин. — *Прим. Г. Г.*), погреться, выпить кофе»; «Часто вижу подростков в закрытых прозрачных курилках, эти сооружения закрыты от ветра, хороший обзор через прозрачные стены, длинные лавки; покупают в магазине вкусняшки, перекусывают там, болтают, слушают музыку» [9]. Подтверждая ответы респондентов, сама часто была свидетелем того, что во время массовых мероприятий подростки выбирали в учреждениях культуры места уютного сидения (кресла-мешки, пуфики), не принимая участия в развлечениях и развивающих событиях, просто разговаривали.

Зима, рано наступающая темнота, морозы, учеба обезлюдили и интерактивные малые архитектурные формы. Зато у северных городов (и у Салехарда в том числе) есть доступ к уникальному стрит-арту на заиндевевших поверхностях заборов, стен и пр. Стрит-арт (как, впрочем, и паблик-арт) — это отложенная коммуникация, общение, удобное для городов, где прогулка приобретает важное значение.

Поделюсь опытом создания такой коммуникации для сообщества южного сибирского города — Омска. С весны 2013 года на одной из красивейших центральных улиц города, с неоклассицистическими постройками начала XX века, к сожалению на то время пребывающей в полном запустении, несколько раз в год проводилась акция «Друзья улицы Либкнехта» (очистка территории от мусора, ростков клена) [10]. Это мероприятие постепенно стало сопровождаться арт-реконструкцией уличного пространства: на стене поздней пристройки была размещена стрит-арт-стенография, в арках здания установлены мобильные инсталляции. А летом 2014 года при укреплении осыпающихся поверхностей пьедесталов полуколонн авторы проекта «Друзья улицы Либкнехта» провели акцию «Личная память». Вместе с укрепляющим раствором в поверхность были вклеены мелкие предметы — монеты, ключи и пр. Цель акции состояла в привлечении внимания к городским мелочам, аналогиям случайной находки, предмета археологического раскопа и «секретиков» детства, помогающим остановить механическое перемещение по заданной траектории пути, увидеть город, архитектурные памятники, осознать свое место в этом пространстве. Результативность акции трудно оценить, так как обратной связи нет, остается надеяться, что «отложенная коммуникация» на тему осознания красоты улицы Либкнехта произошла.

Эту особую акцию трудно применить в другом месте. Но подобный прием — создание отложенной коммуникации при помощи искусства — можно использовать иначе, опираясь в том числе на природно-климатические особенности среды. Снеговик появился в публич-пространстве городов (Москва, Пермь) благодаря деятельности Н. Полискового и его команды в начале 2000-х. Снеговик, особенно в тиражном варианте, безусловно, образ не только свой, национальный, но и многозначный. Но вот в Сибири, на Севере, снеговик редко может быть создан. Низкие температуры не способствуют его лепке. Акция создания снеговиков в условиях низких температур была проведена в Омске в 2015 году С. Барановым и арт-группой «Ети-9» в рамках выставки «Снежные нежные белые люди». Процесс создания снеговика был упрощен, а образ превращен в средовой знак, состоящий из любой объемной горки снега (столбы ворот, основания фонарей и пр.), моркови и двух углей. Несколько десятков веселых «снеговиков» расположились вдоль центральной улицы Ленина Омска. Цель этой акции была та же — заставить горожанина остановиться, «выпасть» на мгновение из суеты, удивиться, а может быть, и улыбнуться.

«Ленивые» снеговики — вполне транслируемая в пространстве идея. Так, морозным ноябрьским вечером в 2016 году в Салехарде была проведена такая же акция (улицы Чубынина, Республики, Матросова). «Лица» снеговиков появились вдоль тротуаров, сопровождая человека из дома на работу, готовые мотивировать появление вопросов: «кто сделал?» и «зачем?». Конечно, снеговики молчаливы. Но правильно заданный вопрос всегда подталкивает к ответу или к его поиску. Так завязывается «отложенная беседа». И вновь проследить результативность этой акции, как и действенность «разговора», невозможно. Но и само по себе традиционное «третье место» лишь создает условия; проследить, как рождается активный горожанин при помощи этих разговоров, тоже нельзя.

Выводы

Итак, изучение особенностей «третьих мест» Салехарда привело к следующим итогам. Классические для больших городов «третьи места» (литературные кафе, коворкинги и пр.) пока в городе отсутствуют. Те, что появляются (антикафе), закрываются, не задерживаются в пространстве города. Наиболее близкими «месту для свободного общения» качествами обладают места одновременного развития и общения — теат-

ральная студия ДШИ имени Е. В. Образцовой и «арт-субботник» МВК имени И. С. Шемановского, а также две кофейни Салехарда, с возможностью переноса их атмосферы в салоны личных автомобилей и на улицы города.

Особенностью «третьих мест» столицы Ямала стало то, что в этом качестве жители используют само городское пространство — избранные места для неспешных прогулок. Летом, частично зимой, этому способствуют установленные на улицах малые архитектурные формы, интерактивные инсталляции. Зимой неспешность зависит от температуры и ветра, но полностью не исчезает. Для проявления/усиления свойства прогулок вести диалог с друзьями и с городом следует применять «отложенную коммуникацию» в виде городских художественных акций, создающих после себя коммуникационный след на улицах города.

Среди особенностей салехардских мест общения следует выделить их способность выступать в форме «протоместа», имеющего самые зачаточные, но и самые необходимые свойства «третьего места»: защищенность от непогоды, предоставление возможности одновременного пребывания города и в интерьере, места для сидения. Именно так старшие подростки, наиболее ущемленная в столице Ямала группа участников коммуникации, выявляют для себя свободные вечером уличные курилки, перголы-качели, отдельные зоны для сидения в библиотеке, музее.

Заключение

Каким же образом создание третьих мест может повлиять на процесс брендинга территории? Тем более что у «современного брендинга нет сложившейся общепринятой методики. И дело не только в том, что брендинг как научная проблема имеет слишком короткую историю... Неудивительно, что брендинг города — занятие штучное, здесь крайне трудно разрабатывать некую сквозную методику...» [11, с. 5].

Именно свободное общение формирует круг активных горожан, которым город не безразличен. Настоящий брендинг, по словам Д. В. Визгалова, «двигаем (на входе) только энергетикой людей, любящих свой город, и на выходе бренд должен генерировать любовь к городу со стороны целевых аудиторий... Бренд — это особое *чувство места*. А брендинг — это не что иное, как работа очень тонкой настройки, призванная вызывать чувство места... Бренд города нельзя построить, как дом. Его можно только вырастить, как дерево, — из года в год поливая, удобряя, подрезая,

охраняя» [12, с. 46–48]. И отложенная коммуникация арт-акций во время прогулки, особого «салехардского» способа приглашения к общению, также помогает чувствовать город.

Хочется отметить, что активные, осознанные горожане захотят придать пространству своего города, его районов образ «третьего места» при помощи идей, художественно отражающих городскую топонимику, пространственные реалии отдельных территорий: Гидропорт, Речной порт и пр. «А чтобы местные горожане вовлеклись в выращивание бренда, надо, чтобы они из *населения* превратились в *сообщество*, а на это в российских условиях может понадобиться очень много лет. Формирование бренда территории не терпит стандартов. И каждый новый проект требует *новых* технологий брендинга. А использование уже известных успешных инструментов — это уже повтор, что немислимо в брендинге. Брендинг мест — это не наука, а, скорее, социокультурная практика. И каждое новое открытие здесь, даже, казалось бы, самое нелепое, не отменяет, а дополняет все предыдущие» [12, с. 48]. Сообщество же рождается через общение, условия для которого и создают «третьи места».

Список источников

1. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества / пер. с англ. А. Широкановой. — М.: Новое обозрение, 2014. — 456 с.
2. TripAdvisor. Платформа для путешествий [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.tripadvisor.ru/Restaurants-g676759-Salekhard_Yamalo_Nenets_Autonomous_Okrug_Urals_District.html (дата обращения: 13.12.2020).
3. Гурьянова Г. Г. Дневник опроса. 23.11.2020. Рукопись.
4. Гурьянова Г. Г. Дневник опроса. 01.12.2020. Рукопись.
5. Арт-субботник. Искусство по шагам. Группа «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vk.com/artsubbotnikmvk> (дата обращения: 13.12.2020).
6. Арт-субботник. Искусство по шагам. Группа на Facebook [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/1084034178326139/about> (дата обращения: 13.12.2020).
7. Гурьянова Г. Г. Дневник опроса. 27.11.2020. Рукопись.
8. Гурьянова Г. Г. Дневник опроса. 19.11.2020. Рукопись.
9. Гурьянова Г. Г. Дневник опроса. 15.12.2020. Рукопись.
10. Гурьянова Г. Г. «Друзья улицы Либкнехта» — опыт арт-конструирования городской среды // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Научный журнал. — Омск: Издательство ОмГПУ. — 2015. — № 1 (5). — С. 78–80.

11. Смирнягин Л. В. Предисловие // Визгалов Д. Бренддинг города. — М.: Институт экономики города, 2011. — С. 4–6.
12. Визгалов Д. Пусть города живут / сост. М. Губергриц, Н. Замятина, М. Ледовский. — М.: Сектор, 2015. — 272 с.

References

1. Oldenburg R. The Great Good Place. Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community. — М.: New review, 2014. — 456 p.
2. TripAdvisor. Travel platform. [Electronic resource]. — URL: https://www.tripadvisor.ru/Restaurants-g676759-Salekhard_Yamalo_Nenets_Autonomous_Okrug_Urals_District.html (date of access: 13.12.2020).
3. Guryanova G. G. The Diary of the opinion poll. 23.11.2020. Manuscript.
4. Guryanova G. G. The Diary of the opinion poll. 01.12.2020. Manuscript.
5. Art subbotnik. Art step by step. Vkontakte community [Electronic resource]. — URL: <https://vk.com/artsubbotnikmvk> (date of access: 13.12.2020).
6. Art subbotnik. Art step by step. Facebook community [Electronic resource]. — URL: <https://www.facebook.com/groups/1084034178326139/about> (date of access: 13.12.2020).
7. Guryanova G. G. The Diary of the opinion poll. 27.11.2020. Manuscript.
8. Guryanova G. G. The Diary of the opinion poll. 19.11.2020. Manuscript.
9. Guryanova G. G. The Diary of the opinion poll. 15.12.2020. Manuscript.
10. Guryanova G. G. “Friends of the Liebknecht Street” — the experience of designing the urban environment // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities research. Science Magazine. — Omsk: Publishing house of the Omsk State Pedagogical University. — 2015. — No. 1 (5). — P. 78–80.
11. Smirnyagin L. V. Foreword // Vizgalov D. City Branding. — М.: Institute of Urban Economics, 2011. — P. 4–6.
12. Vizgalov D. Let the cities live / comp. Mikhail Gubergrits, Nadezhda Zamyatina, Mikhail Ledovsky. — М.: Sector, 2015. — 272 p.

Сведения об авторе

Галина Геннадьевна Гурьянова, 1965 г. р. Окончила в 1987 году Омский педагогический институт, художественно-графический факультет, в 2000 году — аспирантуру в Омском педагогическом университете, читала курс истории отечественного искусства и культуры. Кандидат исторических наук, доцент. С 2014 по 2019 год работала в МВК имени И. С. Шемановского (Салехард). С 2020 года — зав. сектором культурной антропологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Область научных интересов: древнее и современное искусство Сибири, искусство в городе, город в искусстве, городская антропология.

Information about the author

Galina Gennadyevna Guryanova, born in 1965. Graduated from the Omsk State Pedagogical Institute, Faculty of Art and Graphics in 1987; in 2002 defended PhD thesis in the Omsk State Pedagogical University, taught the history of Russian art and culture. Candidate of Historical Sciences, docent. From 2014 to 2019 she worked at the Yamal-Nenets Regional Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky (Salekhard). Since 2020, she has been working as the Head of the Sector of Cultural Anthropology of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District. Research interests: ancient and modern art of Siberia, art in the city, city in art, urban anthropology.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on on February 12, 2021.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 061 (571.121-25)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.009

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ САЛЕХАРДА В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Наиля Фазыловна Галеева

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

13nelia31@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности зарегистрированных на сегодняшний день в г. Салехарде по национальному признаку национально-культурных объединений в сфере сохранения традиций, культуры и обычаев своего народа. Предоставлена краткая информация о времени их создания, руководителях, реализованных в последние годы проектах и основных видах работы по данному направлению.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, Салехард, НКО, автономия, диаспора, коренные народы, ненцы, ханты, коми-зыряне, киргизы, татары, марийцы, чувашаи.

Цитирование: Галеева Н. Ф. Роль национально-культурных объединений Салехарда в сохранении этнокультурных традиций // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. (110). № 1. С. 136–150. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.009

Original article

THE ROLE OF THE SALEKHARD NATIONAL-CULTURAL ASSOCIATIONS IN PRESERVING ETHNO-CULTURAL TRADITIONS

Nailya F. Galeeva

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

13nelia31@mail.ru

Abstract. The paper reviews the activities of ethnic and cultural associations currently registered in Salekhard in the field of preserving the traditions, culture and customs of their people. Brief information is provided about the time of their creation, their leaders, projects implemented in recent years and the main types of work in the area.

Keywords: Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, NCA (national cultural autonomy), autonomy, diaspora, indigenous peoples, Nenets, Khanty, Komi-Zyryans, Kirghiz, Tatars, Maris, Chuvash.

Citation: Galeeva N. F. The role of the Salekhard national-cultural associations in preserving ethno-cultural traditions // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (110). No. 1. P. 136–150. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.110.1.009

Введение

В настоящее время общественные объединения играют все большую роль в проявлении социальной активности населения и развитии различных сфер жизни общества. Национально-культурное объединение — это добровольное объединение граждан определенной национальности, как правило имеющее форму общественного объединения (реже — действующее в виде неформального образования), созданное с целью удовлетворения потребностей в общении с представителями своей национальности, сохранения и популяризации этнической культуры, восстановления ее утраченных элементов, а также сохранения родного языка и этнической самобытности [1]. В современном обществе они занимают особенное место в связи с их узкой, но очень важной направленно-

стью — реализацией права граждан на национальное самоопределение, которое в многонациональной стране играет важную роль.

Автономии сегодня являются самыми распространенными формами организации подобных объединений. Это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов [2].

Результаты переписи населения 2010 показали, что в Ямало-Ненецком автономном округе (далее — ЯНАО) проживают представители более ста национальностей. Среди самых многочисленных — русские, украинцы, татары и ненцы. Коренные малочисленные народы севера (далее — КМНС) в совокупности составляют 7 % населения. Примерно такова же общая численность представителей Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. Только за 2016 год в ЯНАО прибыло более 36 000 человек, около 5 000 из которых из СНГ [3, с. 138]. Усиливающиеся миграционные потоки влияют на местное сообщество. Зарубежными и российскими антропологами слабо изучались основные виды деятельности национальных объединений, формы их организации и взаимодействие местного населения с мигрантами. Отдельным вопросам, касающимся адаптации мигрантов в северных городах, посвящены труды О. В. Змеевой и И. А. Разумовой [4], Ю. Н. Квашнина [5], Н. А. Лискевич [6], М. О. Макушевой и В. А. Юдашкина [7], А. В. Малхасьян и А. Г. Селезнева [8], Д. А. Опарина [9], А. А. Ярлыкапова [10]. Вместе с тем нет работ, посвященных роли национально-культурных объединений ЯНАО в адаптации мигрантов, их деятельности по сохранению и популяризации традиционной культуры и родного языка, что свидетельствует об актуальности данной темы.

Целью данного исследования является освещение деятельности национально-культурных объединений Салехарда за последние 5 лет в сфере сохранения этнокультурных традиций. Исходя из этого были выявле-

ны следующие задачи: изучить данные Министерства юстиции РФ с целью создания реестра ликвидированных за последние 5 лет и действующих на сегодня НКО, созданных по национальному признаку; проанализировать информацию о деятельности организаций в исследуемой сфере; выявить основные формы и методы работы организаций по сохранению этнокультурных традиций; раскрыть проблемы НКО по данному направлению работы при их наличии.

Материалы и методы

Исследование данной темы велось на основе изучения литературы, сбора сведений в интернете (сайт Министерства юстиций РФ, социальные сети организаций, сайты администрации города, культурно-просветительские порталы и т. д.) и проведения глубинных интервью с руководителями и активистами организаций.

Согласно наблюдениям, первыми свои организации начали создавать наиболее сплоченные и многочисленные выходцы из национальных республик России и представители КМНС. В 1989 году создается самая многочисленная общественная организация ЯНАО «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямал — потомкам!»». В 1996 году азербайджанцы, башкиры и татары создают теперь уже ликвидированную Тюркскую национально-культурную автономию.

На современном этапе процессы интеграции охватили сообщества киргизов, марийцев, чувашей, а также народов Кавказа. Сегодня в ЯНАО действует 39 общественных объединений, созданных по национальному признаку, из них 11 — национально-культурные автономии [11]. Согласно данным Минюста РФ, на данный момент в городе зарегистрированы: ассоциация КМНС ЯНАО «Ямал — потомкам!», автономия хантов «Пулнгат», организация по содействию КМНС «Минлей», региональное общественное движение «Изьватас», автономия татар «Ватан», чувашская автономия «Ентеш», автономия марийцев «Мари кундем», киргизская диаспора «Ынтымак».

За последние пять лет прекратили свою деятельность: местная национально-культурная автономия казахов г. Салехарда, региональная общественная организация «Таджикская диаспора «Сомониён»» («Саманиды»), отделение Общероссийской организации «Союз армян России», региональное отделение Общероссийской организации «Всероссийский

Азербайджанский конгресс», местная общественная организация «Ненецкая национально-культурная автономия города Салехарда “МИН / Избранный путь”», общественная региональная организация ЯНАО «Селькупы», общественная региональная организация украинцев ЯНАО «Украинское братство».

Не зарегистрировано юридически, но активно осуществляет свою деятельность общественное движение «Народы Кавказа» (руководитель — Садыков Омаргаджи Магомедович).

В данной работе внимание будет уделено только зарегистрированным на сегодня объединениям Салехарда и их работе по сохранению этнокультурных традиций за последние 5 лет.

Результаты и обсуждение

Все организации были условно разделены нами на 3 группы.

1. Объединения народов, являющихся для округа коренными или имеющих места долговременного компактного проживания.

К данной группе мы отнесли региональное общественное движение «Ямал — потомкам!», национально-культурную автономию хантов «Пулнгат», региональную общественную организацию «Минлей», региональное общественное движение «Изьватас».

В октябре 1989 года на первом (учредительном) Съезде коренных малочисленных народов Севера ЯНАО была образована Ассоциация КМНС ЯНАО «Ямал — потомкам!». Последняя перерегистрация прошла 10 июня 2002 года. Сегодня организация имеет свои представительства в 6 городах, филиалы и молодежные отделения во всех 7 районах округа, землячество в г. Санкт-Петербурге. С 2015 года на посту президента Эдуард Хабэчевич Яунгад [12].

Галина Яковлевна Косыгина, заместитель председателя салехардского отделения и член правления регионального общественного движения «Ямал — потомкам!», рассказала, что организация принимает участие в фестивалях, выставках, концертах. Осуществляется активное сотрудничество с Ненецкой фольклорной группой «Вы’ Сей» («Душа тундры»), ведь в коллективе изучаются песни и семантика движений, совершенствуется знание родного языка. Большое внимание организация уделяет проблеме сохранения родных языков. Среди последних проектов — серия аудио-уроков «Ненецкий за 5 минут» и разговорник (в него вошли полезные фразы на 6 языках — ненецком, хантыйском, коми-ижемском, сель-

купском, а также русском и английском). В округ часто приезжают гости из других регионов и стран. Организация является принимающей стороной и презентует свою малую родину, его народы. Молодежь активно участвует в форумах и фестивалях России и за рубежом, где представляют КМНС. К тому же организация работает над тем, чтобы способствовать сохранению культуры КМНС на законодательном уровне посредством продвижения постановлений или законов [13].

Национально-культурная автономия хантов «Пулнгат» города Салехарда была создана в 2007 году (перерегистрировались 4 мая 2012 года). Идейным вдохновителем стал Евгений Ильич Ямру, он же стал первым председателем правления автономии. Сегодня на этом посту Елена Александровна Рыбина. Автономия ведет активную деятельность по сохранению культурных традиций. Ими были организованы выставки, где жители города познакомились с традиционной одеждой и утварью народа ханты. Был организован клуб хантыйской культуры «Пулнгат мохэт». Руководитель клуба — Зоя Дмитриевна Озелова. В 2015 году автономия получила субсидию из бюджета региона на реализацию проекта «Чум — как центр развития межнациональных и межкультурных связей». Среди традиционно организуемых национальных праздников — «Ворнга хатл» («Вороний день») и «Лунг кутап хатл» («Праздник середины лета») [14]. В августе 2018 года автономия организовала детский летний языковой лагерь «Эмам ават мувев» («Берег детства») в чумах с целью передачи подрастающему поколению родного языка и традиционных навыков.

Региональная общественная организация по содействию КМНС «Минлей» была зарегистрирована 15 марта 2018 года. Руководитель Галина Ачембоевна Матарас осуществляет деятельность по трансляции традиционной культуры, в том числе посредством предоставления туристических услуг. Признанный лидер общественного движения ЯНАО Галина Матарас известна тем, что 10 лет назад первая публично заговорила о необходимости включения «чумработницы» в российский классификатор рабочих профессий. До этого жены оленеводов кочевали с семьей без вознаграждения за свой нелегкий труд и потому не имели достойной пенсии и социальных гарантий, таких как отпуск, декрет, больничный [15]. За последние годы было организовано множество мероприятий. Активисты «Минлей» оказали содействие в проведении праздника «День оленевода» для учащихся Окружной санаторно-лесной школы. В ночь эпических песен был приглашен исполнитель яробцев Тёрко Сэротэтто из

Ямальского района. Благодаря ему участники мероприятия окунулись в древний мир эпоса. Состоялась праздничная программа, посвященная Международному дню защиты детей. В ходе мероприятия звучали стихи и песни на родном языке в исполнении детей, были продемонстрированы танцевальные композиции. Представители автономии являются активными участниками недавно открывшегося в Салехарде этно-театра «Нэрм Нумги». На стойбище многократно принимались гости из России и других стран. В рамках реализации мероприятий проекта «Хаероко» 30 сентября 2020 года для участников полуфинала Всероссийского конкурса «Мастера гостеприимства» на стойбище был проведен мастер-класс «Метание тынзяна на хорей» [16]. В 2020 году организация выиграла Президентский грант (сумма гранта — более 1 млн рублей) на реализацию проекта «Мастерская национальных культур “Нерня миндя”» («Вперед идущий»).

Ямало-Ненецкое региональное общественное движение «Изьватас» представляет интересы коми-зырян. Председательствует в ней Валентина Иосифовна Шахова. Ситуация с коми-зырянами долгое время была неоднозначной. Представители народа хотели признания их коренным малочисленным народом ЯНАО. Но в связи с тем, что известны примерные даты их переселения и историческая родина, данное предложение не было удовлетворено. Коми-зыряне, в отличие от многих приезжих народов, имеют места долговременного компактного проживания (например, поселок Мужы), а некоторая часть наравне с ненцами и хантами занимается оленеводством. При КДЦ «Наследие» работает клуб «Изьватас». Клуб проводит различные мероприятия: тематические встречи, выставки, праздники, конкурсы, направленные на сохранение и пропаганду культуры, традиций и языка коми-зырян. Многие годы организовывался региональный конкурс «Моя родословная», участники которого проводили полноценные исследования по истории переселения своих предков, создавали генеалогические древа. Традиционным стал конкурс красоты для девушек «Мича изьватас» [17]. В 2020 году с использованием Президентского гранта прошел региональный конкурс среди детей из числа народа коми «Мада дзюлюк». Основной целью конкурса было продемонстрировать знания языка, традиций и обычаев коми-зырян.

2. Объединения некоренных для ЯНАО народов России.

В данную группу мы отнесли автономию татар «Ватан», чувашскую автономию «Ентеш» и автономию марийцев «Мари кундем».

Первой организацией татар стала окружная ассоциация «Ватан», созданная в 1992 году. В 2005 году она перешла на статус городской автономии и с 2012 года именуется как «Национально-культурная автономия татар г. Салехарда “Ватан”» [18, с. 75].

По словам председателя автономии Ильдуса Ильясовича Насибулина, одним из приоритетных направлений работы автономии является сохранение и популяризация культуры и традиций татарского народа. Окружным центром национальных культур с большим размахом проводится праздник «Сабантуй». Автономия вносит свой вклад в его организацию: оформляет фотозоны, готовит подарки и угощения, оказывает поддержку девушкам на конкурсе «Мисс Сабантуй». Многие татары хотят, чтобы праздник плуга проводился на природе, в парке или набережной, а не на маленькой вымощенной плиткой площади в центре города. Но если по-другому нельзя — автономия готова адаптироваться и искать компромисс. Помимо этого, организация выступала соорганизатором массовых культурных и просветительских мероприятий. Считается, что в трансляции татарской культуры большой вклад вносит ансамбль татарской песни «Дуслык», поэтому автономия неоднократно выигрывала гранты и субсидии на покупку костюмов. По мнению И. И. Насибулина, отдаленность ЯНАО от исторической родины татар не располагает к сохранению традиционных обычаев. В большей степени сохраняются религиозные обряды: никэх (венчание), исем кушу (имянаречение). Неизменным на протяжении многих лет является соучастие автономии в похоронной обрядности: подготовке похорон и поминок. Активисты проводят субботники на мусульманской части кладбища [19].

Чувашская автономия «Ентеш» была официально зарегистрирована в 2013 году. Первым председателем стала Екатерина Владимировна Афанасьева. Сейчас на должности председателя — Симон Анатольевич Васильев. С его слов, автономия неоднократно принимала участие в городских и окружных культурно-массовых мероприятиях, среди которых выставка чувашской культуры на базе МК им. И. С. Шемановского, реализация культурно-просветительского проекта «Народ в серебряном одеянии» на базе КДЦ «Наследие», концерты и фестивали в Центре культуры и спорта «Геолог» и т. д. У автономии нет своего художественного коллектива, но есть солисты, исполняющие песни на чувашском языке. Именно они на городских сценах презентуют чувашский народ. На базе КДЦ «Наследие» проводились занятия для детей, где с помощью песен

изучались чувашская культура, традиции и язык. Иногда автономия проводит свои мероприятия на ферме С. А. Васильева. В основном в Салехарде живут чуваша, выросшие в сельской местности. Поэтому ферма начинает восприниматься ими как маленькая частица Чувашии [20].

2 декабря 2013 года в Салехарде была зарегистрирована национально-культурная автономия марийцев «Мари Кундем». Она стала первой официальной организацией марийцев на территории ЯНАО. Основу автономии составляет фольклорный ансамбль при Окружном центре национальных культур. Основателем автономии и руководителем ансамбля является Леонид Леонидович Григорьев. Председатель автономии — Надежда Геннадьевна Саврасова. Л. Л. Григорьев отмечает, что подобные автономии не могут существовать без культурных центров, национальных коллективов и их руководитель должен участвовать в работе ансамбля. Большое внимание в марийском ансамбле уделяется фольклору. Материал Леонид Леонидович ищет в специальной литературе. На концертах они показывают старинные номера и наряды горных, луговых и башкирских марийцев. Ведь их одежда и даже язык отличаются. Прежде чем начинать ставить танец или песню, участники узнают, в каком районе и когда это исполнялось, с какой целью, в чем особенность номера. Движения рук и ног тоже отличаются в зависимости от особенностей танца. Все эти нюансы артисты знают. Те, кто давно в автономии, культуру марийского народа знают гораздо лучше. Демонстрируется же она через концертную программу, выставочную деятельность, занятия для детей в школах, дегустацию традиционных блюд на массовых мероприятиях [21].

3. Объединения некоренных для России народов.

За последние 5 лет прекратили свою деятельность несколько местных и региональных организаций, представляющих интересы мигрантов из стран СНГ. В Салехарде продолжает свою деятельность лишь автономная некоммерческая организация «Кыргызская диаспора “Ынтымак”» («Согласие»), в активе которой много семей, прочно здесь обосновавшихся и получивших гражданство РФ. Диаспора была создана в 2012 году с целью сохранения и развития традиций и культуры киргизского народа. Председатель организации — Жанарбек Мамытбекович Осмонов. Организация ежегодно принимает активное участие в различных мероприятиях города. Во время подготовки выставки «Кыргыз жаны — душа киргиза» на базе МКВ им. И. С. Шемановского специально с целью экспонирования были привезены из Киргизии войлочная юрта и ее убранство,

старинное седло, одежда и сувенирная продукция. Часть предметов позже была передана в дар МВК имени И. С. Шемановского. Своего ансамбля у диаспоры нет, но есть сольные исполнители, готовые представить культуру своего народа. По словам Ж. М. Осмонова, большую активность диаспора проявляет во время подготовки окружного праздника «Сабантуй», на котором традиционно всех гостей угощают пловом, устанавливают киргизскую юрту. Для многих это экзотика, а кто-то видит сходство с местными чумами. Диаспора всегда открыта к сотрудничеству с учреждениями культуры Салехарда, школами и детскими садами. Ее главная цель — поддержать земляков и помочь им с оформлением документов, прохождением медосмотра, ознакомить с правилами поведения в городе. Сохранилась традиция пожертвований. Активисты неоднократно участвовали в благотворительных акциях. Серьезные решения принимаются только после коллективного обсуждения и согласия аксакалов. Это обычай, который соблюдается и в ЯНАО. Активно идет взаимодействие с мечетью. Диаспора помогает во время праздника «Курбан байрам», принимает участие в уборке территории мечети и мусульманской части кладбища [22].

Заключение

По данным Минюста РФ, только за последние пять лет в ЯНАО были ликвидированы 7 местных и региональных национально-культурных организаций. Процессы регистрации, переоформления и ликвидации происходят довольно часто, основными причинами являются смена или переезд руководителя. Наибольшую стабильность проявляют организации, руководящую должность в которых занимают люди, избравшие Салехард местном постоянном проживании и не планирующие переезд.

Безусловно, работа каждой организации имеет свои тонкости и отличия. Сохранять свою культуру, проживая на исторической родине, гораздо легче. Но с учетом того, что ненцы, ханты и селькупы относятся к малочисленным народам и во всем мире идет процесс глобализации, проблема сохранения культуры стоит остро перед всеми. Анализ показал, что очень часто организации КМНС задействованы во время демонстрации культуры и традиций народов ЯНАО, во время проведения мероприятий различного уровня как на территории города и округа, так и за пределами региона и страны, в то время как объединения других народов демонстрируют свою культуру лишь на территории города.

Организация мероприятий, посвященных сохранению традиций, — самая распространенная, порой поверхностная, но, безусловно, необходимая деятельность НКО. Каждая организация выработала комфортную и продуктивную форму взаимодействия с сообществом Салехарда. Независимо от того, есть творческий коллектив или нет, все стремятся показать культуру своего народа со сцен города. Поэтому большая поддержка оказывается творческим коллективам и самобытным певцам. Одними из самых распространенных форм популяризации культуры являются выставки и концертные программы. Сильно отличаются организации коренных народов. Они часто реализуют проекты на базе этнокомплексов, в традиционных жилищах, что дает возможность передавать молодому поколению особенности национального уклада, обычаи и обряды. В отличие от приезжего населения традиционные праздники коренных народов, связанные с природно-климатическими особенностями данного региона, актуальны по сей день. В то же время тюркским народам сложно проводить национальный праздник прихода весны, когда вокруг еще сугробы. И все же благодаря многолетней и систематической работе НКО салехардцы получают возможность познакомиться с этнокультурными особенностями всех народов, проживающих в городе.

По мнению многих информантов, нерешенным в Салехарде остается лишь вопрос с помещением. Во многих регионах РФ существуют офисные центры, в которых на безвозмездной основе для работы НКО выделяются отдельные кабинеты. На сегодняшний день в Салехарде свое помещение у исследуемой группы НКО есть только у организации «Ямал — потомкам!». Активисты других организаций выражают беспокойство в связи с тем, что город не может выделить для их работы помещение. Различное оборудование, костюмы и атрибуты приходится хранить дома, что вызывает определенный дискомфорт. Затруднительно проведение собраний, тематических вечеров, репетиций и прочих мероприятий, что негативно сказывается на систематической и плановой работе организаций. В целом же было отмечено, что в Салехарде очень благоприятные условия для работы национальных объединений. Департамент внутренней политики ЯНАО оказывает всестороннюю поддержку и своевременно информирует о предстоящих мероприятиях. Возможно, именно с этим связано увеличение числа участия автономий в грантовых конкурсах. Налажено сотрудничество с администрацией города Салехарда.

Список источников

1. Национально-культурные объединения современной России: нормативно-правовые основы деятельности и этапы формирования. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=226> (дата обращения: 11.11.2020).
2. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/9578/print> (дата обращения: 10.11.2020).
3. Статистический ежегодник: Стат. сб. Ямало-Ненецкий автономный округ в 2-х частях. Ч. I (III) (1990–2016) / Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. — Тюмень, 2019. — 343 с.
4. Змеева О. В., Разумова И. А. «Я решил здесь жить...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2000-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2014. — № 5 (142). — С. 13–17.
5. Квашнин Ю.Н. Современные этнополитические процессы в Ямало-Ненецком автономном округе // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4/3 (68/3). — С. 102–108.
6. Лискевич Н. А. Особенности этнокультурного развития коми с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2009. — Вып. 11. — С. 133–142.
7. Макушева М. О., Юдашкин В. А. Проблематизация отношений основного и инокультурного населения в Ямало-Ненецком автономном округе // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения. — 2016. — С. 127–138.
8. Малхасьян А. В., Селезнев А. Г. Татарская диаспора в городах ЯНАО: формирование региональной этнической группы // Научный вестник. Обдорья: история, культура, современность. — Салехард, 2005. — Вып. 4. — С. 81–89.
9. Опарин Д. А. «Местные» и «приезжие» на Ямале. Социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. — 2016. — № 4. — С. 108–130.
10. Ярлыкапов А. А. Нефть и миграция ногайцев на Север // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 78–81.
11. Постановление от 20 ноября 2014 г. № 929-П г. Салехарда «Об утверждении комплексной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в Ямало-Ненецком автономном округе на 2014–2020 годы». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/423855482> (дата обращения: 09.11.2020).
12. Ассоциация коренных малочисленных народов Севера «Ямал — потомкам!». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://yamal-potomkam.yanao.ru/> (дата обращения: 12.11.2020).
13. Галеева Н. Ф. Полевой дневник. Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард. Информант Косыгина Галина Яковлевна. Запись от 12.11.2020 г.

14. НКХА Пулнгават. Сообщество народа ханты в городе Салехард и не только. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://vk.com/club167483165> (дата обращения: 11.11.2020).
15. Лидеры «Минлей» из Салехарда пройдут обучение по продвижению социальных проектов. Информационное агентство Север-пресс. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://clck.ru/SQerQ> (дата обращения: 16.11.2020).
16. Региональная общественная организация по содействию коренным малочисленным народам Севера «Минлей» РОО КМНС «МИНЛЕЙ». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://vk.com/event178993803> (дата обращения: 19.11.2020).
17. Ямало-Ненецкое региональное общественное движение «Изьватас». — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа: <https://clck.ru/SQeyM> (дата обращения: 08.11.2020).
18. Галеева Н. Ф. Роль общественной организации «Ватан» в сохранении национальной идентичности татар Ямала // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. — 2016. — № 1 (90). — С. 74–77.
19. Галеева Н. Ф. Полевой дневник. Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард. Информант Насибулин Ильдус Ильясович. Запись от 08.11.2020 г.
20. Галеева Н. Ф. Полевой дневник. Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард. Информант Васильев Симон Анатольевич. Запись от 15.11.2020 г.
21. Галеева Н. Ф. Полевой дневник. Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард. Информант Григорьев Леонид Леонидович. Запись от 10.11.2020 г.
22. Галеева Н. Ф. Полевой дневник. Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Салехард. Информант Осмонов Жанарбек Мамытбекович. Запись от 05.11.2020 г.

References

1. National-cultural associations of modern Russia: regulatory and legal framework of activity and stages of formation. — Electronic text data. — Access mode: <http://sfrik.omsu.ru/page.php?id=226> (date of access: 11.11.2020).
2. Federal Law of June 17, 1996 N 74-FZ “On National Cultural Autonomy”. — Electron. text data. — Access mode: <http://kremlin.ru/acts/bank/9578/print> (date of access: 10.11.2020).
3. Statistical Yearbook: Article collection of the Yamal-Nenets Autonomous District in 2 parts. Part I (III) (1990-2016) / Department of the Federal State Statistics Service for the Tyumen Region, Khanty-Mansi Autonomous District — Yugra and Yamal-Nenets Autonomous District. — Tyumen, 2019. — P. 343.
4. Zmeeva O. V., Razumova I. A. “I decided to live here...”: adaptation of Azerbaijani in the polar city in the 2000s // Scientific notes of Petrozavodsk State University. — 2014. — No. 5 (142). — P. 13–17.
5. Kvashnin Yu. N. Modern ethnopolitical processes in the Yamal-Nenets Autonomous District // Bulletin of the Altai State University. — 2010. — No. 4/3 (68/3). — P. 101–108.

6. Liskevich N. A. Features of the Ethnocultural Development of the Komi Muzhy village of the Shuryshkarsky District of the Yamal-Nenets Autonomous District // *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*. — 2009. — Issue 11. — P. 133–142.
7. Makusheva M. O., Yudashkin V. A. Problematization of relations between the main and foreign culture population in the Yamal-Nenets Autonomous District // *Diasporas and foreign communities: experience of the regional dimension*. — 2016. — P. 127–138.
8. Malkhasyan A. V., Seleznev A. G. Tatar diaspora in the cities of Yamalo-Nenets Autonomous District: the formation of a regional ethnic group // *Scientific Bulletin. Obdoria: history, culture, modernity*. — Salekhard, 2005. — Issue 4. — P. 81–89.
9. Oparin D. A. “Local residents” and “newcomers” in Yamal. Social boundaries and variability of migration experience // *Siberian Historical Research*. — 2016. — No. 4. — P. 108–130.
10. Yarlykapov A. A. Oil and Migration of the Nogai to the North // *Ethnographic Review*. — 2008. — No. 3. — P. 78–81.
11. Decree of November 20, 2014 No. 929-P of Salekhard “On the approval of the comprehensive program” Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the peoples of Russia in the Yamal-Nenets Autonomous District for 2014–2020”. — Electron. text data. — Access mode: <http://docs.cntd.ru/document/423855482> (date of access: 09.11.2020).
12. Association of the indigenous peoples of the North “Yamal — for descendants!” — Electron. text data. — Access mode: <https://yamal-potomkam.yanao.ru/> (date of access: 12.11.2020). Institute of Ethnology and Anthropology (date of access: 09.11.2020).
13. Galeeva N. F. Field diary. Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard. Informant Kosygina Galina Yakovlevna. Record from 12.11.2020.
14. Khanty national-cultural autonomy “Pulngavat”. Community of the Khanty people in the city of Salekhard and beyond. — Electron. text data. — Access mode: <https://vk.com/club167483165> (date of access: 11/11/2020).
15. Leaders of “Minley” from Salekhard will receive training in promoting social projects. Sever-press Information Agency. — Electron. text data. — Access mode: <https://clck.ru/SQerQ> (date of access: 11/16/2020).
16. Regional public organization for assistance to the indigenous peoples of the North “Minley”. — Electron. text data. — Access mode: <https://vk.com/event178993803> (date of access: 11/19/2020).
17. Yamal-Nenets regional public movement “Izvatas”. — Electron. text data. — Access mode: <https://clck.ru/SQeyM> (date of access: 11/08/2020).
18. Galeeva N. F. The role of the public organization “Vatan” in preserving the national identity of the Tatars of Yamal // *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*. — 2016. — No. 1 (90). — P. 74–77.
19. Galeeva N. F. Field diary. Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard. Informant Nasibulin Ildus Ilyasovich. Record from 08.11. 2020.

20. Galeeva N. F. Field diary. Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard. Informant Vasiliev Simon Anatolievich. Record from 15.11.2020.
21. Galeeva N. F. Field diary. Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard. Informant Grigoriev Leonid Leonidovich. Record from 10.11. 2020.
22. Galeeva N. F. Field diary. Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard. Informant Osmonov Zhanarbek Mamytbekovich. Record from 05.11. 2020.

Сведения об авторе

Наиля Фазыловна Галеева, 1989 г. р. Окончила Омский государственный педагогический университет по специальности «История» в 2014 году. С 2020 года аспирант института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН, научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард). Область научных интересов: этнография, народы Сибири, национальные объединения.

Information about the author

Nailya Fazylovna Galeeva, born in 1989. Graduated from the Omsk State Pedagogical University with a degree in history in 2014. Since 2020, postgraduate student at the Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa), Researcher of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard). Research interests: ethnography, peoples of Siberia, national associations.

Статья поступила в редакцию 25.12.2020 г., принята к публикации 12.02.2021 г.

The article was submitted on December 25, 2020, accepted for publication on February 12, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District
№ 1 (110). 2021

Журнал ориентирован на ученых и специалистов по следующим научным направлениям: история и археология, этнография, теория и история культуры, антропология, геология, климатология, криология Земли.

Географическим приоритетом «Научного вестника ЯНАО» является публикация научных исследований об Арктике.

Журнал является рецензируемым, индексируется и реферируется в наукометрической базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт журнала: <http://magazine.arctic89.ru/>

12+

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ №ФС77-53518 от 04.04.2013 г.

Учредитель и издатель: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

629008, Россия, Ямало-Ненецкий АО, г. Салехард, ул. Республики, 20, оф. 203, т. 8 (34922) 4-41-32, e-mail: vvp2014@bk.ru

Подписной индекс: П6404

Распространяется в печатном виде. Все статьи журнала находятся в открытом доступе (Open Access)

© Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

Подписано в печать 09.03.2021. Формат 70 × 100¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,26. Уч.-изд. л. 11,32.

Гарнитура «Newton». Бумага офсетная № 1. Тираж 100 экз. Заказ № 21-12.

Цена свободная

Отпечатано в типографии: АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»
426057, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

<http://shop.rcd.ru> E-mail: mail@rcd.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95
